
ОГОНЁК
№ 30 ИЮЛЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Крымская астрофизическая обсерватория Академии наук СССР. Старший научный сотрудник П. П. Добронравов подготавливает тройной астрограф к наблюдению.

Фото Дм. Бальтерманца

На первой странице обложки: советские физкультурники.

Фотоэтюд Г. Зельма

На последней странице обложки: на Дону.

Фото С. Фридлянда

ОГОНЁК № 30 (1207) 23 июля 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

За вечную дружбу между советским и немецким народами

Вильгельм ПИК

Президент Германской демократической республики

Я с радостью и удовлетворением пользуюсь возможностью выступить на страницах «Огонька» в специальном номере, посвященном Германской демократической республике.

Образование Германской демократической республики произошло в результате борьбы против проводимой англо-американским империализмом политики раскола и войны, в борьбе за национальную независимость и демократическое единство миролюбивой Германии.

Германская демократическая республика смогла стать бастионом мира и демократического развития в Германии потому, что она получила активную поддержку Советского Союза. Великодушное решение советского правительства о передаче своих административных функций, как оккупационной власти, немецким органам, дипломатическое признание нашей республики, заключение советско-германского торгового договора, широко применяемые поставки важнейших продуктов питания и хлопка, снижение репарационных обязательств, передача предприятий советских акционерных обществ в собственность немецкого народа и ряд дальнейших мероприятий советского правительства свидетельствуют о большом доверии, которое Советский Союз оказал демократическим силам нашей республики.

Вильгельм Пик.

Я убежден, что все честные и передовые демократы нашей республики оправдают это доверие укреплением демократического порядка, воссозданием мирного хозяйства и решительной борьбой против поджигателей войны — англо-американских империалистов.

Население нашей республики дало под Стокгольмским воззванием 17 миллионов подписей за запрещение атомного оружия, за объявление военным преступником правительства, которое первым его применит. Это служит нам стимулом еще больше укреплять народное движение за мир и делать все для развертывания его в Западной Германии.

Мы приложим все силы, чтобы провести в жизнь принципы той политики дружбы, которую Генералиссимус Сталин таким превосходным образом сформулировал в своем приветственном послании президенту и премьер-министру Германской демократической республики.

Да здравствует вечная дружба между народами СССР и немецким народом!

Да здравствуют Советский Союз и мудрый глава Советского государства Генералиссимус Сталин!

27 июня 1950 года.
Берлин.

ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ В ИСТОРИИ ЕВРОПЫ

Отто ГРОТЕВОЛЬ

Премьер-министр Германской демократической республики

Образование Германской демократической республики было актом национальной самопомощи демократических сил немецкого народа. В Потсдамском соглашении четырех союзных держав немецкому народу было обещано экономическое единство Германии, создание центрального правительства и заключение мирного договора. С тех пор немецкий народ, разделенный оккупацией на четыре зоны, тщетно ждал восстановления своего единства и сформирования немецкого правительства.

В Ялте и Потсдаме союзные державы единодушно установили, что Германия впредь не должна больше быть для других народов источником опасности новой агрессии. Именно поэтому предпосылкой возникновения нового германского государства должна была быть полная денацификация и демилитаризация. Перед немецким народом была поставлена задача рассчитаться с военными преступниками и милитаристами, как и с юнкерами и владельцами монополий, организаторами и вдохновителями преступной политики войны. Все военные преступники должны были быть наказаны, а юнкеры и монополисты лишены экономической власти. Только так мог быть обеспечен путь к строительству миролюбивой Германии и к развитию демократического государственного сознания в немецком народе.

В советской оккупационной зоне антифашистские демократические силы немецкого народа получили полную свободу действия. Они развернули восстановление и провели в жизнь, с помощью и в сотрудничестве с советскими оккупационными властями, те прогрессивные мероприятия, которые подорвали силу и влияние фашистских и милитаристских элементов и обеспечили реальное демократическое развитие.

Была проведена земельная реформа, и много сотен тысяч батраков, малоземельных крестьян и переселенцев обрели нормальное крестьянское существование. В крупной индустрии и промыслах имущество преступников войны было отчуждено и передано в руки народа. Местное самоуправление и государственные учреждения очищены от фашистов и милитаристов и преобразованы в избранные на демократической основе органы трудящегося населения.

Отто Гротеволь.

В школах вместе с демократической реформой просвещения повеяло новым ветром: много тысяч новых, прогрессивных учителей помогли освободить молодежь от фашистской идеологии. Они завоевывали молодежь на сторону мирной, восстановительной работы. Это особенно ярко сказалось в мощно расцветающих организациях Союза свободной немецкой молодежи и Юных пионеров. Множество других мероприятий: содействие развитию всех массовых организаций — профсоюзов, объединений женщин и молодежи, культурных обществ, крестьянских союзов,— поддержка деятелей культуры, создание рабочих и крестьянских факультетов при университетах, домов культуры и домов отдыха и т. д.— все это свидетельствует о духе прогресса, который господствует во всех областях общественной жизни республики.

Восстановление хозяйства целеустремленно начато осуществлением двухлетнего народнохозяйственного плана. Внедрение новых методов труда, движение активистов, соревнование на предприятиях, совместная работа всех трудящихся, в частности, привлечение интеллигенции к активному сотрудничеству,— все это помогло преодолеть большие трудности, которые как наследие гитлеровского режима стояли перед силами восстановления. Из сотрудничества антифашистских демократических партий и в особенности из слияния коммунистической и социал-демократической партий в Социалистическую единую партию Германии родились новые силы, которые повели дело к преодолению трудностей и к построению новой, все улучшающейся жизни.

Политика блока, которую проводили антифашистские демократические партии, была совершенно ясной. Она полностью соответствовала духу соглашений, принятых в Ялте и Потсдаме; она открыла возможность создания мирной, демократической Германии и обеспечения народам безопасности от новой немецкой агрессии.

Целью совместно принятых союзными державами в Ялте и Потсдаме решений было создание мирной, демократической Германии. Если бы западные державы лойяльно придерживались этих решений в своей политике,— это могло бы привести и в западных зонах к таким же результатам, как и в советской зоне оккупации. Однако западные державы отвернулись от своих собственных решений на Потсдамской конференции и тем самым грубейшим образом нарушили свои обязательства. Несомненно, надо приписать влиянию американского монополистического капитала тот факт, что западные державы отказались от выполнения потсдамских решений и вместо этого объединили американскую и британскую оккупационные зоны в так называемую Бизонию.

В соответствии с планами американского монополистического капитала, созданием Бизонии было положено начало политике раскола Германии и ее превращения в колонию.

Ход войны в исключительно большой степени ослабил позиции Англии. Британская внешняя политика попала в фарватер Америки, и Англия отказалась от собственной политики в отношении Германии. По соглашению об оккупационных зонах, Англия получила в свое ведение важнейший индустриальный и сырьевой район Германии — Рурскую область с ее многообразными и обширными промышленными предприятиями, с ее углем, столь важным для германского хозяйства. Монополистический капитал Соединенных Штатов Америки мог примириться с таким положением лишь в том случае, если и дальше будет проводиться в жизнь старый американский план разрушения Германии как индустриального государства.

Великие политические и хозяйственные успехи Советского Союза, прогресс в странах народной демократии, где были разгромлены реакционные прислужники англо-американского капитала, рост классового самосознания масс в западноевропейских странах, особенно во Франции и в Италии,— все это явилось поводом для того, чтобы Соединенные Штаты вопреки потсдамским обязательствам начали втягивать западногерманские оккупационные зоны в систему западноевропейского антисоветского блока. Американский монополистический капитал самым бесцеремонным образом предъявил свои притязания на господство в Рурской области. В итоге Англия окончательно стала на колени.

Под руководством американских империалистов западные державы направили всю свою политику на финансовое, экономическое и политическое порабощение и колонизацию Западной Германии. Курс этой политики вел к расчленению Германии, путем образования сепаратного немецкого западного «государства», к превращению Западной Германии в стратегический плацдарм Соединенных Штатов Америки, к созданию нового империалистического арсенала в Руре, к включению Германии в европейский союз государств, агрессивное военное острие которого направлено против Советского Союза. Средствами для этой политики закабаления послужили так называемые рурский статут, оккупационный статут, боннская «конституция» и Атлантический пакт. Эта политика сопровождалась истерической военной шумихой под тем предлогом, что с Советским Союзом якобы невозможно вести успешные переговоры.

Выяснилось, однако, что попытка решать международные проблемы без участия Советского Союза обречена на провал. Победа демократии в Китае, кризисные явления в империалистических странах и — не в последнюю очередь — движение за мир во всем мире заставили западные державы, которые сорвали в 1947 году в Лондоне совместное обсуждение германской проблемы, возобновить переговоры четырех держав. Министры иностранных дел четырех оккупирующих держав собрались в Париже на новое совещание. Они пришли к соглашению договориться на четвертой пленарной сессии ООН о ближайшей встрече министров иностранных дел для обсуждения германского вопроса. В выпущенном коммюнике было заявлено, что министры иностранных дел намерены «продолжать свои усилия в целях восстановления экономического и политического единства Германии». Тем самым вновь была признана необходимость создания единой Германии. Совет министров иностранных дел сделал еще один шаг вперед и обязал «оккупационные власти в Берлине совещаться совместно на четы-

рехсторонней основе». Для этой цели должно было быть выслушано мнение немецких экспертов и немецких организаций.

Что же стало с этими решениями Парижской сессии Совета министров иностранных дел? Был ли хоть какой-либо признак в политике западных держав, который указывал бы на то, что они готовы отказаться от начатой ими политики расчленения Германии? Наоборот! Столица Германии Берлин был также бесцеремонно расколота западными державами на две части; управляемый западными державами западный Берлин был использован ими как орудие дезорганизации восстановления экономики и демократического развития в советской оккупационной зоне.

Создание западными державами непосредственно после Парижской конференции боннского сепаратного «правительства» ясно показывало, что они решили продолжать свою политику раскола. С помощью реакционных немецких политиканов, против воли немецкого населения, было создано боннское сепаратное «государство», «конституция» которого есть лишь придаток так называемого оккупационного статута. Важнейшие функции боннского сепаратного «государства» остаются, согласно положениям оккупационного статута, в руках оккупационных властей. Все это было выражением политики, которая стремится сорвать заключение германского мирного договора и увековечить оккупационный режим для Германии.

Правительство Советского Союза установило в своей ноте от 1 октября 1949 года, что нарушение западными державами Потсдамского соглашения и решений Парижской сессии Совета министров иностранных дел создало новое положение, которое делает особенно важным выполнение задачи восстановления единства Германии как демократического и миролюбивого государства. Вскоре после возникновения боннского раскольнического «правительства» прогрессивные демократические силы немецкого народа решительно развернули борьбу за последовательное продолжение политики национальной самопомощи, которая была уже начата движением за Немецкий народный конгресс. Перед лицом всего мира надо было ясно показать, что демократические силы Германии не намерены терпеть действия западных держав, стоящие в противоречии с Потсдамскими соглашениями.

Противоречащая договорам политика западных держав разрушила надежды на общегерманское урегулирование на основе справедливого мирного договора. Нарушение западными державами взятых ими в Ялте и Потсдаме обязательств было несомненным. После пресловутых лондонских рекомендаций эти державы провели сепаратную валютную реформу в Западной Германии; они опубликовали рурский статут и с помощью оккупационного статута и связанного с ним боннского сепаратного «государства» создали, в конце концов, новую колонию американского империализма. Западногерманское колониальное «государство» было зачато в Лондоне и рождено в Вашингтоне. Западные державы противились стремлениям демократических сил, выступивших за единство Германии, и помогли вернуться на старые руководящие посты многим людям из тех кругов, которые установили в Германии фашистский режим и несут главную ответственность за гитлеровскую войну.

Но возрождение власти немецких империалистов и милитаристов несет в себе опасность, что часть немецкого народа будет вновь двинута на роковой путь империалистических военных авантюр. В Западной Германии и в западном Берлине монополистический капитал уже дает себя знать как решающий фактор в экономической политике. Угрожающе растет там финансовая задолженность, в связи с этим все увеличивается безработица. Непреодолимые трудности капиталистического хозяйства, которые проявляются во всех странах, где господствуют финансовые монополии, вызывают также в Западной Германии склонность к поддержке империалистических грабежей.

Ремилитаризация и разжигание вражды к Советскому Союзу — таковы лозунги, которые в ходу в Западной Германии.

Нарастающая угроза новой империалистической войны требует усиления борьбы за мир. Чтобы добиться успеха в этой борьбе и придти к единой, миролюбивой и демократической Германии, стало необходимым создать действенное и сильное руководство. Так возникли Германская демократическая республика и ее временное правительство.

Опасность новой войны, которую несет в себе политика западных держав в отношении Германии, побуждает передовые силы немецкого народа еще решительнее двигаться вперед по тому пути, на который они вступили: по пути национальной самопомощи при поддержке Германской демократической республики. Империализм принес немецкому народу две мировые войны при жизни одного поколения. Это не должно повториться в третий раз.

Созданием Германской демократической республики была выражена непоколебимая воля немецкого народа — ни при каких обстоятельствах не допустить срыва его работы по строительству мирного, демократического государства. Германская демократическая республика — это прочная основа для еще более широкой борьбы за единую Германию. Правительство Германской демократической республики сделает все, чтобы служить единству немецкого народа и делу мира. Но оно будет вести упорную борьбу против тех, кто углубляет раскол Германии и хочет втянуть человечество в новые военные авантюры. Прогрессивные силы немецкого народа твердо верят в победу своего правого дела, ибо они знают, что их цели полностью соответствуют жизненным интересам немецкого народа и принципам прогресса и демократии.

Отклик, который вызвало во всем мире создание Германской демократической республики, свидетельствует о значении этого исторического события. Это значение обусловлено тесной взаимосвязью между развитием Германии и мировыми политическими проблемами. Рождение Германской демократической республики можно с полным правом рассматривать как сильный удар по военным планам американского империализма. Это историческое событие говорит о твердой решимости немецкого народа крепить теснейшую дружбу с Советским Союзом и занять прочное место в международном лагере мира.

Создание Германской демократической республики — это присоединение к делу мира, но это и обязательство бороться за мир. Германская демократическая республика — сборный пункт всех миролюбивых людей Германии и надежная опора для всех прогрессивных сил, которые в Западной Германии и западном Берлине сегодня еще отданы во власть империализма. Нет сомнения в том, что Германская демократическая республика, объединив всю Германию, рука об руку с Советским Союзом и странами народной демократии будет успешно принимать участие в созидательном, мирном труде свободолюбивых народов.

Помощь Советского Союза и плодотворная совместная работа трудящихся привели к успехам во всех областях жизни Германской демократической республики. Эти успехи укрепили веру народа в свои собственные силы. В рабочем классе возродилось сознание великих творческих задач, поставленных перед ним историей. Равнодушие и пассивность были преодолены заинтересованностью и активным участием в хозяйственном строительстве и управлении. Практические результаты движения активистов убедили рабочих и служащих в том, что успех дела в их собственных руках и что от них самих зависит выполнение планов в более короткие сроки. Трудящиеся массы давно убедились в том, что жизнь постоянно улучшается, что только они сами основная сила развития Германской демократической республики.

Трудящиеся массы нашей республики все яснее видят те огромные возможности, которые открывает их свободная творческая энергия и дружественная совместная работа с Советским Союзом, странами народной демократии и Китайской народной республикой.

Происходившие в этом году первомайские демонстрации выразили тесную связь трудящихся с их республикой. Еще ни в одном году не было таких больших и воодушевленных демонстраций, как в этом первом году существования Германской демократической республики.

Немалое значение имел и Всегерманский слет молодежи в Берлине, на котором собралось более 700 тысяч молодых людей — борцов за мир и за единую демократическую Германию.

Убедительным доказательством связи правительства Германской демократической республики с народом служат конкретные законодательные мероприятия в интересах рабочих и служащих, женщин и молодежи, интеллигенции и работников культуры, ремесленников и крестьян. Здесь лежат истоки доверия, которым все более проникаются трудящиеся слои народа к своему правительству. Это дает возможность целеустремленно продолжать начатую восстановительную работу и тем самым мобилизовать все силы, которые хотят преодолеть раскол Германии. Это дает возможность привлечь весь немецкий народ на сторону создания единой демократической Германии и планомерного восстановления мирного хозяйства. То, что Германская демократическая республика прочно укоренилась в сердцах молодежи и трудящихся, вызывает у всех миролюбивых народов большую радость и удовлетворение. Чем больше увеличивается число немцев, мужчин и женщин, поднимающих знамя мира и демократии, тем сильнее будет движение за создание единой демократической миролюбивой Германии.

Торговые договоры, заключенные с правительствами Советского Союза и стран народной демократии, в частности недавнее соглашение с правительствами Польши, Чехословакии и Венгрии,— все это результат последовательной мирной политики Германской демократической республики. Нет никакого сомнения, что миролюбивый характер этой политики приведет к дальнейшему улучшению отношений со всеми миролюбивыми народами и их правительствами.

Для осуществления пятилетнего плана Германской демократической республики такое улучшение международных отношений имеет решающее значение. Правительство Советского Союза предоставило новое доказательство своей готовности помочь немецкому народу, стремящемуся к миру и демократии, снизив наполовину еще подлежащие уплате репарационные возмещения. Возвращение суверенитета Германской демократической республике, передача ряда предприятий советских акционерных обществ в собственность немецкого народа и расширение товарообмена между Советским Союзом и Германской демократической республикой — новое доказательство политики Советского Союза, помогающего немецкому народу успешно идти по пути к миру, к лучшей жизни и демократии.

Генералиссимус Сталин в своей приветственной телеграмме президенту и премьер-министру Германской демократической республики назвал создание Германской демократической республики поворотным пунктом в истории Европы. В послании Генералиссимуса Сталина говорится:

«Не может быть сомнения, что существование миролюбивой демократической Германии наряду с существованием миролюбивого Советского Союза исключает возможность новых войн в Европе, кладет конец кровопролитиям в Европе и делает невозможным закабаление европейских стран мировыми империалистами.

Опыт последней войны показал, что наибольшие жертвы в этой войне понесли германский и советский народы, что эти два народа обладают наибольшими потенциями в Европе для совершения больших акций мирового значения. Если эти два народа проявят решимость бороться за мир с таким же напряжением своих сил, с каким они вели войну, то мир в Европе можно считать обеспеченным».

Это заявление И. В. Сталина является большой поддержкой для миролюбивых и патриотических сил немецкого народа, оно будет способствовать тому, чтобы во всех слоях немецкого народа была осознана ответственность за создание мирной, единой Германии, чтобы каждый немец понял, что дело мира отныне доверено также и ему самому. Отныне немецкому народу ясно, что дружба с Советским Союзом, странами народной демократии и всеми миролюбивыми народами должна быть первоосновой всей его политической деятельности.

Помощь и защита могучего Советского Союза и всего демократического лагеря принесут и немецкому народу радость лучших жизненных условий и длительного, мирного созидательного труда!

O. Grotewohl

НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПЛАН РЕСПУБЛИКИ

Вальтер УЛЬБРИХТ

Член политбюро Центрального правления Социалистической единой партии Германии и заместитель премьер-министра

Героическая Советская Армия под водительством Генералиссимуса Сталина не только уничтожила гитлеровскую военную машину, но и освободила треть Германии от империалистического ига.

После свержения гитлеровской диктатуры антифашистские силы очистили государственный аппарат в советской зоне оккупации и обеспечили решающее влияние рабочему классу, выступающему в союзе с трудящимся крестьянством и прогрессивной интеллигенцией. Уроки двух мировых войн, когда заправилы концернов и банков втянули Германию в империалистический грабеж, говорили о необходимости уничтожить власть монополий, банков и крупных землевладельцев. Это была основная предпосылка демократического развития.

Хозяйство Германии в результате политики гитлеровского фашизма лежало в развалинах. Нужно было прежде всего создать новые, демократические органы управления и восстановить экономическую жизнь. Поэтому пришлось с самого начала наряду с решением некоторых задач в области сельского хозяйства приступить к возрождению отдельных отраслей промышленности, восстановлению финансовой системы, торговли и т. д. Лишь борясь за упорядочение хозяйственной жизни и одновременно закладывая фундамент нового, демократического строя, мы смогли создать условия и накопить опыт для составления единого народнохозяйственного плана.

Прежде всего были устранены феодальные пережитки. Земельные владения свыше 100 гектаров были отчуждены и разделены между батраками, малоземельными крестьянами и переселенцами. Они получили более 3250 тысяч гектаров земли. Им же было передано почти 2 миллиона голов лошадей, рогатого скота, свиней и овец, до 900 тысяч сельскохозяйственных машин. С момента земельной реформы и до конца 1949 года для новых крестьянских хозяйств построено более 50 тысяч жилых домов, 55 тысяч коровников, около 35 тысяч амбаров. Некоторое количество крупных поместий не было разделено: они превращены в народные имения и сейчас дают почти 12 процентов продукции всего сельского хозяйства.

Вальтер Ульбрихт.

Особое внимание уделено развитию машинопрокатных станций, цель которых — помогать трудящимся крестьянам в сельскохозяйственных работах. В конце 1949 года машинопрокатные станции имели 6660 тракторов. Среди них было немало машин маломощного типа, и поэтому великодушная помощь Советского Союза, приславшего нам значительное число тракторов и грузовых машин, имела исключительное значение для подъема урожайности.

Рядом с трудящимися мелкими и средними крестьянами в Германской демократической республике есть еще богатые крестьяне с наделами до 99 гектаров. Владея тракторами и сельскохозяйственными машинами, они напрягают все усилия к тому, чтобы удержать в своей кабале трудовое крестьянство. Но демократическое государство и союзы крестьянской взаимопомощи ведут против этого борьбу. Они стремятся к быстрому развитию машинопрокатных станций, которые должны стать экономическими, агротехническими, политическими и культурными центрами сельскохозяйственных районов, центрами помощи мелким и средним крестьянам, опорными пунктами в борьбе за демократию на селе.

В промышленности были конфискованы предприятия фашистских военных преступников. Это означало, что все концерны и предприятия крупной индустрии переданы в руки народа. Продукция народных предприятий составляет сейчас около 65 процентов общего промышленного производства. Имеются и частнокапиталистические предприятия и очень большое количество кустарных мастерских.

Все банки также конфискованы и превращены в народные.

До 1949 года торговля полностью находилась в частнокапиталистических руках. С тех пор постепенно были созданы государственные оптовые и розничные торговые предприятия и организации. Таким образом, в розничной торговле имеются государственный, частный и кооперативный секторы, причем частная торговля занимает еще в рознице почти 60 процентов.

Единый народнохозяйственный план республики составлялся с таким расчетом, чтобы в короткий срок преодолеть последствия гитлеровского режима и гитлеровской войны и обеспечить народу лучшие условия жизни.

Полные глубокого значения слова товарища Сталина в его приветственной телеграмме на имя президента Пика и премьер-министра Гротеволя вызвали огромный энтузиазм в нашем народе. Грандиозная перспектива, начертанная товарищем Сталиным, дала миллионам миролюбивых, демократических немцев новую энергию в борьбе за мир, единство и демократию во всей Германии, против американского империализма — врага немецкого народа.

Историческая задача республики состоит в том, чтобы с помощью народнохозяйственного плана достигнуть таких темпов экономического развития, каких никогда не знала и не могла знать капиталистическая Германия. Тем самым будет еще раз показано превосходство прогрессивного планового хозяйства над анархией капиталистической экономики. Что касается населения Западной Германии, то оно стоит перед выбором: **либо** дальнейшее удушение западногерманского хозяйства с помощью «плана Маршалла», что означает безработицу и обнищание трудящихся, **либо** хозяйственный подъем, упорядоченная, плановая экономика и все повышающийся уровень жизни в единой демократической Германии, связанной крепкой дружбой с Советским Союзом и странами народной демократии.

Руководство Социалистической единой партии Германии приняло 29 июня 1948 года решение о первом народнохозяйственном плане. Это был двухлетний план — для 1949 и 1950 годов. План ставил задачу достигнуть довоенного уровня производства в промышленности и в сельском хозяйстве.

1949 год — первый год двухлетнего плана — принес республике значительные успехи. Производственный план промышленности в целом выполнен на 104 процента, причем народные предприятия показали особо выдающиеся достижения. По объему продукции угольная промышленность дала 106 процентов плана, металлургическая — 109, химическая — 98,8, строительных материалов — 94,5, деревообделочная — 109, текстильная — 112, легкая промышленность — 124, энергетическая — 111,7, полиграфическая — 100, пищевая (по стоимости) — 102,9 процента.

По сравнению с 1948 годом в разных отраслях промышленности продукция выросла в пределах от 9 до 190 процентов, в том числе по чугуну — на 36 процентов, стали — на 190, прокату — на 119, цементу — на 34, электроэнергии — на 18 процентов и т. д.

Быстро развивающееся движение рабочих-активистов и растущий размах соревнования на народных предприятиях помогли добиться этих крупных успехов. В движении активистов за повышение производительности труда, за ломку старых норм, за улучшение качества продукции особенно отличились молодые рабочие и работницы — члены Союза свободной немецкой молодежи.

В народнохозяйственном плане на 1950 год предусмотрено повышение объема продукции против 1949 года в целом на 21 процент. По отдельным отраслям этот годовой прирост выразится в следующих цифрах: по металлургии — на 36 процентов, по машиностроению — на 33, по химии — на 21, по электротехнике — на 33, по строительным материалам — на 29, по точной механике и оптике — на 33, по текстилю — на 21, по пищевой промышленности — на 20 процентов.

Этот план предъявляет большие требования к горной и энергетической промышленности. Производство бурого угля в брикетах должно

Гимн великому имени

Иоганнес БЕХЕР

То имя, о котором речь пойдет,
Останется в веках и без того,
Чтоб кто-нибудь ему хвалу сложил.
Ему не нужно славословья, ибо
Оно, как светоч, светится повсюду
И в каждой улыбается улыбке,
И в каждой радости оно живет.
О, нет! Ему не нужно славословья —
И эти строки только благодарность
Поэта,— ведь за много, так за много
Нам надобно его благодарить!

Есть имя. Это имя необъятно,
Как необъятна и безмерна мудрость,
Как необъятен и безмерен мир.
Оно по всем шагает континентам,
Свободно переходит все границы,
И в двери бедняков стучится смело,
И рядом с угнетенными садится,
И словом величавым и простым
Им головы высоко поднимает,
Им согревает скорбные сердца.

«О, да, он знает все, и он всевидящ,
Он с Лениным великим дружбу вел,
И все народы, всех людей, весь мир
Он в сердце необъятное свое
С любовью заключил. И всюду с нами,
Как с равными, ведет он разговор.
Когда свое селенье покидал он,
Для нас он покидал свой отчий дом,
Для нас учился, впитывая мудрость,
Для нас гоненьям подвергался он».

Так говорят друг другу бедняки,
Его услышав слово, и при этом
Плотнее в доме прикрывают окна.
Им запрещают слушать это слово
Те, кто народы цепко держит в рабстве,
Те, кто им лжет и ложью усыпляет,
Те, кто боится правды, как огня.
Но правду не удержишь и не свяжешь!
Она найдет дорогу к угнетенным,
Заставив ложь и подлость отступить.

Нет, невозможно было б исчерпать —
Не хватит памяти, не хватит жизни! —
И точно перечислить все, что с этим
Великим именем навеки слито;
Для скольких миллионов имя это
Примером стало, и в скольких сердцах
Затеплило надежду, и скольким
Сердцам усталым радость подарило.
Не рассказать, как силою своею
Оно вливало мужество и волю
В тех, кто в борьбе тяжелой изнемог,
А сильных делало еще сильнее.
Не рассказать, как мудрые ответы,
Спокойные и точные ответы,
Клеветников к молчанью принуждали,
Смиряли поджигателей войны
(Что может сделать клеветник, когда
Его лицом к лицу поставят с правдой —
Принять ее иль в бешенстве слепом
Давиться руганью)...
Нет, невозможно
Исчерпать все и перечислить все:
С какой бы полнотой мы ни собрали
Потомству драгоценные детали,
Нам все равно пришлось бы постоянно
Их пополнять и снова пополнять.

Есть имя необъятное! Корнями
Оно вросло в поступки и дела:
Какое ни назвать бы нам, к примеру,
Большое или малое — любое
Отмечено воздействием его.
Так, например, когда отважный летчик
Взмывает ввысь, чтоб покорить пространство,
То вместе с ним взмывает это имя,
Собою заполняя стратосферу,
И смелый летчик в ледяных высотах
Не одинок: с ним радостное имя.
Оно его бодрит, со всем народом
Оно его соединяет братски:
Летит ли он над полюсом холодным,
Над жаркою пустыней, над горами, —
Везде и всюду он в себе уверен
Так, словно на крылах своих могучих
Его несет к победе весь народ.

Но спустимся мы с неба в школьный класс —
И здесь нас это имя тотчас встретит.
В десятках тысяч школ, где наши дети
Себе пути прокладывают к знанью
(А это тоже ведь отважный поиск
Высот неведомых), стоит то имя
Незримо у стола иль у доски,
Искателя к победе поощряет,
Зовет его к высотам, заставляет
Идти вперед без страха, без оглядки,
Не отступая ни на шаг, покуда
Не будет штурмом истина взята.
И юные отважные сердца
Все одержимы жаждою познанья.
Какое счастье выпало на долю
Им — с юных лет учиться у него
Уменью мыслить!
Ленинское слово
Несет он миру, Ленина наследник,
Всем делит он великое наследство,
Которое умножил необъятно.

Когда рабочий вносит предложенье,
Как надобно работу перестроить,
Чтоб больше дать продукции стране;
Когда заводы выполняют планы
И перевыполняют, а составы
Без опозданья грузы доставляют
До станций назначенья, а товаров
Повсюду в магазинах изобилье;
Когда один новатор сотни тысяч
Новаторов по всей стране рождает,
А нормы каждый день устаревают,
И что вчера еще казалось чудом,
Сегодня почитается обычным;
Когда ткачиха на большом конгрессе
С волнующею речью выступает,
Сначала оробев, но постепенно
Собой овладевая и собраньем,
И повествует образно и ярко
О том, как прежде мучились и бились
Работницы и труд свой проклинали,
И как светла теперь их жизнь, как светел
И радостен раскрепощенный труд;
А следом за ткачихою колхозник
Выходит на трибуну и толково
Рассказывает о делах колхоза,
О том, как тракторы поля штурмуют,
Как урожая ждут они такого,
Какого до сих пор и не бывало, —

То это и еще гораздо больше,
Настолько больше, что и слов не хватит,
Чтоб обо всем в стихе моем поведать, —
Все это связано, навеки слито
С великим именем: ведь это имя —
Ключ к достиженьям, к радости и к счастью.
И если мать, от счастья улыбаясь,
Рассказывает сыну вместо сказки
О небывалых, сказочных каналах,
Которые несут пустыням влагу
И по которым корабли большие
Из края в край страну пересекают,
О новых городах, в степях растущих,
И о героях новых, то в улыбке
Счастливой матери ЕГО улыбка.

Перевел с немецкого **Вл. Нейштадт.**

достигнуть 37,5 миллиона тонн, электроэнергии — 18 миллиардов киловатт-часов.

Но дело не только в общем подъеме уровня производства. Речь идет и о том, чтобы поднять удельный вес народного сектора в общем объеме промышленного производства. В современных условиях продукция растет и на частнокапиталистических предприятиях, но продукция народных предприятий растет быстрее. Самое важное в хозяйственной политике нынешнего времени — укреплять экономические ресурсы народного сектора хозяйства, сделать народные банки органами контроля над правильным проведением народнохозяйственного плана, помогать трудящимся — антифашистам и демократам — овладевать уменьем руководить хозяйством, растить из рядов рабочего класса и трудящихся новую, передовую интеллигенцию.

В сельском хозяйстве 1950 год — год борьбы за довоенные урожаи по всем культурам. Выполнение этой задачи создаст основу для повышения жизненного уровня населения.

Народнохозяйственный план 1950 года отличается тем, что это первый подлинно единый план. На его базе впервые разрабатываются на всех народных предприятиях свои заводские экономические планы. Эти планы дают новые возможности для проявления инициативы активистов — основы всех наших успехов. С созданием бригад высокого качества это движение, охватывающее уже сотни тысяч передовых трудящихся, вступило в новый этап своего развития.

Наших активистов вдохновляет высокий пример их товарищей из социалистического Советского Союза. Все больше внимания уделяют наши передовики производства повышению качества продукции и снижению себестоимости. А это также является условием быстрейшего подъема материального уровня немецкого трудящегося населения.

Воодушевленные тем, что уже достигнуто, трудящиеся нашей республики включаются сейчас в мощное движение за досрочное выполнение двухлетнего плана к осени этого года.

Последовательный и систематический подъем благосостояния трудящихся нашей республики до довоенного уровня составляет резкий контраст с экономическим положением в Западной Германии и Западном Берлине. Там узкая клика монополистов загребает высокие прибыли, в то время как подавляющее большинство населения сегодня может покупать меньше, чем до «валютной реформы».

Враги трудящихся всеми средствами пытаются саботировать успешное строительство мирной экономики в Германской республике. Нашему строительству стараются вредить не только монополисты, военные преступники или помещики, которые здесь у нас лишены собственности и власти, но в особенности платные агенты американцев, руководимые ими из их «форпоста» — Западного Берлина.

В этой ожесточенной борьбе объединенный рабочий класс под руководством его авангарда — Социалистической единой партии Германии, — вооруженный революционной бдительностью, сумеет отбить все атаки и будет бороться дальше за единую миролюбивую, демократическую Германию, тесно связанную узами дружбы с великим советским народом и вождем передового человечества Генералиссимусом Сталиным.

Walter Ulbricht

Гимн Германской демократической республики

Подымаясь к новой жизни,
Побеждая зло и тьму,
Будем мы служить отчизне
И народу своему.
Все дороги нам открыты,
Чтоб не знать нужды былой,
Чтоб до самого зенита
Солнце счастья поднялось
Над родной
Землей.

Мир и счастье для народа —
Вот Германии оплот!
Всем народам честно подал
Руку дружбы наш народ.
Если мы едины будем,
Все враги нам не страшны.
Мы стоим за мир, чтоб людям
Не терять своих детей
На полях
Войны.

Дружно, немцы, стройте, сейте,
Мирный труд страны любя!
Подрастают наши дети
С крепкой верою в себя.
В них — грядущее отчизны,
Свет, и радость, и тепло.
Солнце новой, яркой жизни
Над Германией родной
Навсегда
Взошло.

Перевел с немецкого **А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.**

АКТИВИСТЫ

Премьер-министр трижды стукнул молотком по кирпичу. Потом подошел Ганс Гарбе, и металлическая коробка была вмурована в фундамент здания, которое рождалось здесь, в этом огромном котловане.

Это была закладка Дома культуры завода «Сименс-Плания». Люди стояли по краям котлована и смотрели на руки премьер-министра и каменщика. В коробку укладывали приметы дня: номер газеты, который рассказывал, чем жила в тот день молодая Германская демократическая республика; список 155 активистов завода — людей нового, свободного труда; грамоту о том, что закладка производилась в присутствии премьер-министра Отто Гротеволя. И еще один сувенир был заботливо положен в коробку — значок Общества германо-советской дружбы, той дружбы, которая освещает путь немецкого народа.

Гости — металлурги из Биттерфельда и Пистеритца, рабочие народного предприятия «Хартурунг и Яхманн» — задумчиво глядят в котлован. Быть может, они размышляют о том, что наступили времена, когда государство по-настоящему интересуется культурой рабочего, помогает ему учиться, познавать сложную технику производства, а детям его открывает новый, увлекательный мир.

Над кирпичной кладкой склонился Ганс Гарбе, каменщик из «Сименс-Плания». Здесь его называют «нашим первым активистом». В этих словах — новая судьба простого немецкого каменщика и новая история Германии, суть глубоких перемен, происходящих в недрах немецкого народа...

Однажды на «Сименс-Плания» вышло из строя несколько камер печи для обжига электродов. Ремонтная фирма заявила: «Остановите печь на четыре месяца. Ремонт будет стоить 400 тысяч марок». Ответ как ответ. И, сколько помнят рабочие, иначе на заводе ремонт не делали. Печи при этом гасили. Кому бы пришло в голову поступать иначе? И вдруг приходит этот самый Ганс Гарбе и говорит:

— Слушайте, ребята, если печь охладить, четыре месяца мы не будем давать продукции.

— Ну и что? — спросили у Ганса.

— А то, что когда был хозяйский завод, нам на это было наплевать. Но теперь, чтобы встал наш завод и не давал республике продукции, — этого допустить нельзя. Я так думаю.

— Что ж, по-твоему, в горячую печь лезть?

— Нет, парни, я тут кое-что придумал, — Гарбе покачал головой. — Мудрил, мудрил, но как будто ничего, выходит. Конечно, будет трудновато. Но, полагаю, найдутся смелые ребята, те, кто душой болеет за завод...

И такие нашлись. Они отстояли план Гарбе перед инженерами, которые сначала усомнились в неслыханном новшестве, а потом увлеклись сами.

Два месяца работали так, что теперь и вспомнить жутковато. Температура очень высокая, а быстрота работы такая, что только поворачивайся: замешкаешься, подойдет газ, камера накалится — тогда пиши пропало... Но отремонтировали! Не останавливая печи, отремонтировали...

Ганс Гарбе и его товарищи — тоже приметы нового дня Германии. На обломках фашистской империи они строят народное государство, вкладывая в него жар своих сердец.

Немецкого рабочего волнуют сейчас мысли, которые вчера еще были недоступны ему.

Вот сидят рабочие в зале столовой «Сименс-Плания», сосредоточенные, пожалуй, даже озабоченные. После закладки Дома культуры они пришли на собрание активистов завода. На стенах зала лозунги и портреты, и если вы вглядитесь в портреты, то узнаете много лиц, сидящих в зале: такой почет теперь приносит труд.

На трибуне стоит Пауль Лингнер, он заместитель директора завода по культурно-массовой работе.

— Кто забудет, — говорит Лингнер, — времена фашизма, концлагери, тюрьмы?..

И сильнее передергивается тиком щека Труды Цюльке. Нет уже этого зала: перед взором женщины липкая грязь концлагеря, паутина колючей проволоки, мимо которой ее, еле волочащую ноги, гонят на военный завод. И серые глыбы бараков, в чреве которых умирает от пыток ее муж... Когда переживешь такое, тебе уже кажется странным вопрос: «И как вы не устаете, фрау Цюльке?» Разве теперь она может уставать? Да, она помощник мастера. Да, она председатель производственной группы СЕПГ, активный член Общества германо-советской дружбы. Да, у нее много дела. Но она никогда не устанет трудиться для своей республики, никогда не устанет говорить о прекрасной стране социализма, в которой Цюльке не была, но знает, что эта страна спасла ее родину...

— Кто забудет, — говорит с трибуны Пауль Лингнер, — короткие дни нищенского труда и долгие дни безработицы?..

И старый Франц Ланге закрывает голубые глаза под очками в металлической оправе. Тускнеет узкое лицо, обтянутое сухой, морщинистой кожей. Снова перед ним угрюмая толпа у заводских ворот, тысячи мрачных людей перед биржей труда...

— Кто забудет, — продолжает Лингнер, — восьмилетних детей, работающих за миску жидкого супа?..

И волнение проходит по залу, там, где сидят юноши, одетые в синие блузы Союза свободной немецкой молодежи. Это о них говорят. Это — их детство.

И вдруг голос Лингнера крепчает и властно поднимается над залом:

— Но к нам пришла Советская Армия, и не мне вам рассказывать, что рабочему человеку ее приход принес счастье.

Лингнер говорит о том, как сквозь дремучие дебри извечной забитости рабочих, страха перед безработицей, безразличия, а то и отвращения к труду стали пробиваться первые ростки трудовой творческой инициативы. Как сильные еще сорняки мещанства и предрассудков, преграждавшие рабочему дорогу, гибли под лучами правды!

Зал оборачивается и смотрит на Мечке. Рабочий Мечке сидит, уложив на коленях тяжелые руки, и думает о недавних днях. Ох, сколько было разговоров — и восхищения и негодования, — когда он первым стал перевыполнять нормы! «Чудак ты! — говорили Мечке товарищи. — Ведь начнут сокращать рабочих, выгонять их за ворота!» А Мечке отвечал: «Некому нас выгонять! Прошли те времена».

Да, те времена прошли. Однако легче сломать старый дом и на его месте возвести новое стройное здание, чем сломать старое сознание людей и перестроить их психологию. Не просто и не легко входило в мысли и души людей твердое ощущение, что они хозяева своей судьбы.

Вот с трибуны рассказывают, как работница Фурман ежедневно выполняет норму на 145 процентов, а группа рабочих во главе с Кнэфельдом — на 159. Рассказывают, что на заводе сейчас 78 таких соревнующихся между собой групп, что две тысячи рабочих охвачены трудовым соревнованием. Но ведь еще недавно люди не понимали даже смысла этого слова. «Конкуренция» — это было понятно. И многое нужно было сделать, чтобы раскрылась суть нового понятия.

Слушаешь этих людей — Эльзу Тонски, механика Мюллера, активистов Бютнера и Шмаля — и понимаешь, что перемены, происшедшие в них, — не внешние, не механические: они глубоки и принципиальны. Кого из них могли волновать пять лет назад вопросы качества продукции? И разве мог прежний рабочий сказать так, как говорят теперь с этой трибуны: «Давайте установим межцеховой контроль. Не будем принимать бракованную продукцию другого цеха».

Когда строилась Страна Советов, ей приходилось искать; кропотливо и вдумчиво прокладывала она свой путь к коммунизму, впервые в истории. Тем, кто сегодня идет по ее стопам, легче. В дороге им сопутствует ее великий опыт. Активист Шмаль уверенно говорит:

— Смотрите, какая тесная дружба в России между учеными и рабочими! Они помогают друг другу, и темпы работы все время повышаются. Нам еще очень не хватает этого.

У нового и передового такая сила — оно сокрушает отжившее, властно пронизывая жизнь. Сейчас новое говорит с этой трибуны устами рабочих. Они рапортуют, что с 1947 года в четыре раза увеличили выпуск продукции, они настаивают на борьбе с бракоделами, зовут превратить «Сименс-Плания» в завод отличного качества.

И снова протягивает над трибуной свои крепкие руки Пауль Лингнер:

— Наши руки сейчас принадлежат республике. Этими руками нам дано построить новую Германию.

У людей в зале серьезные и в то же время радостные и воодушевленные лица. Рабочий класс Германии ощущает в своих жилах биение пульса новой жизни. Это бьется жажда творческого труда на благо народа.

Г. МЕРКУЛОВ

СТРОИТСЯ НОВАЯ НАРОДНАЯ ГЕРМАНИЯ

Если фотокорреспондент, заснявший в 1945 году территорию нынешней Германской демократической республики, пройдет теперь вновь по тем же местам, он отметит поистине разительные перемены. Там, где были развалины и запустение, ныне — жизнь, вошедшая в свои права, воскресшие заводы, отстраивающиеся города, цветущие деревни.

Вместо капиталистов-фабрикантов—директора народных предприятий, люди из народа, бывшие слесари, шахтеры, ткачихи. Юнкера-помещики очистили место трудовому крестьянству, и жизнь в деревне становится все лучше. Новые школы, университеты, здравницы для трудящихся, новые, демократические учреждения и, главное, чего не зафиксируешь на фотопленке, глубокая перестройка сознания людей, познавших радость труда на себя, на свой народ.

Строится новая, народная Германия, черпающая в дружбе с Советским Союзом и странами народной демократии уверенность в своих силах, в победе дела мира и демократии.

1. Юность — будущее страны. Фашизм, коверкая души молодых немцев в отрядах «гитлеровской молодежи», старался убить в них человеческую мысль и обучить единственной «науке» — грабежа и захвата. В наши дни дети Германской демократической республики учатся строить, творить. Их ведет вперед мечта о прекрасном будущем родины. Для них создает немецкий народ новую Германию.

2. Работа во имя мира стала законом жизни трудящихся Германской демократической республики. На фото — дети подносят цветы бригадиру шахты «Фицтум». Его бригада назвала себя «бригадой мира». Она оправдывает это название, перевыполняя план.

3. «Ваши успехи еще раз показали, чего может добиться сплоченный коллектив трудящихся, работающих на предприятии народном, а не частнокапиталистическом»,— так написали рабочие московского завода «Серп и молот» металлургам завода Риза. Письмо прочел на заводском собрании сталевар Карл Пиллинг, которого вы видите следящим за разливкой стали. Карл Пиллинг — один из знатных людей республики, лауреат Национальной премии. Он и его товарищи прославили свой завод высокой производительностью труда.

4. Сегодня славные дела советских стахановцев-новаторов стали примером для немецкого рабочего класса. Токарь Эрих Вирт из Магдебурга, достигший скорости резания 1460 метров в минуту, горд тем, что может считать себя учеником советского скоростника Павла Быкова.

На снимке: токарь Густав Ляуэ (слева), осваивающий резание металла на высоких скоростях.

5. «Учиться не поздно никогда. А сейчас — и подавно», — говорит машиностроитель Вильгельм Висгайт. Ему 47 лет, жизнь не особенно баловала его в прежней Германии, и он с гордостью показывает свою карточку студента рабочего факультета, созданного теперь на его родном заводе.

6. Фашистская Германия гнала к Сталинграду танки. Ныне Сталинград шлет демократической Германии тракторы. Машинопрокатные станции, вроде этой в Ной-Роггентин, которую вы видите на снимке, хорошо служат крестьянам, получившим землю. Тракторы с со-

ветской маркой, управляемые юношами и девушками немецких деревень, несут сельскому хозяйству республики подъем урожайности, новую передовую культуру сельскохозяйственного труда.

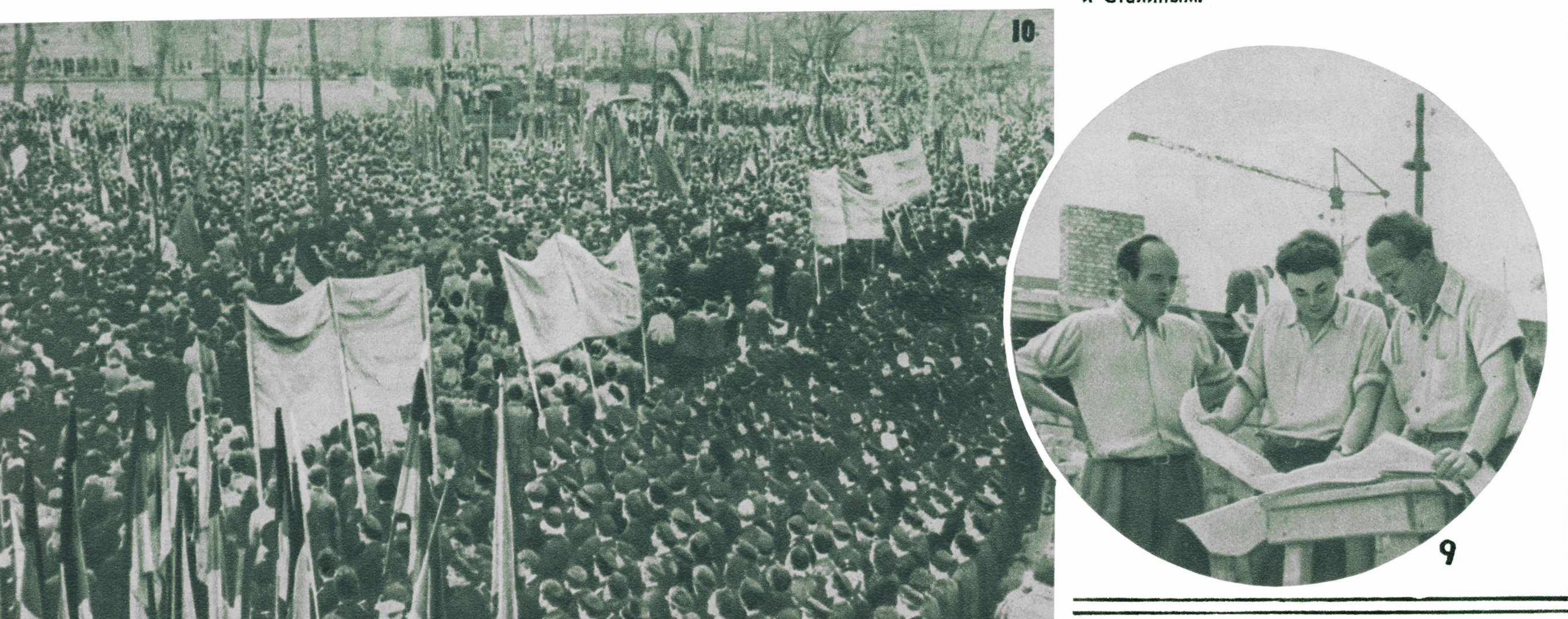
7. Демократический строй создает людям лучшие условия жизни. Об этом неустанно заботится правительство Германской демократической республики, снижая цены в государственной торговле.

8. Немецкие рабочие знают, кого надо благодарить за то, что жизнь становится легче, что трудиться становится веселее. Рабочие сталелитейного завода Риза долго, обстоятельно и с большой теплотой обсуждали телеграмму, посланную ими великому другу германского народа товарищу Сталину. Они благодарят советский народ за его великодушную помощь немецкому народу, они обещают товарищу Сталину сделать все, чтобы восстановить хозяйство страны и отстоять мир.

9. Берлин, столица Германской демократической республики, строится. Вырастают новые жилые дома, школы, больницы, сооружаемые заботливыми руками строителей. Вот на Сталиналлее начата стройка пятиэтажного дома. Инженер Гольденберг (слева), бригадир Гофман и начальник строительства Арисбергер рассматривают чертежи стройки.

10. В день 80-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина одна из центральных улиц восточного сектора Берлина, Ландсбергерштрассе, была переименована в аллею Ленина. Тысячи берлинцев со знаменами пришли на это торжество. Их шествие было символом того, что немецкий народ твердо идет по пути мира и демократии, по пути, указанному Лениным и Сталиным.

Шахта имени К. Либкнехта в Саксонии, где работает Геннеке.

Адольф Геннеке — зачинатель движения активистов производства в Германской демократической республике.

Так выглядит теперь поднятый из развалин электролокомобильный завод в Геннигсдорфе.

Директор металлургического завода Геннигсдорф Гергарт Юур и инженер Юретцек обсуждают новый метод скоростной резки металла, предложенный мастером Паулем Дюба.

ФЛОТ ВЕЛИКОЙ СОВЕТСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Вице-адмирал Н. И. ВИНОГРАДОВ

Вице-адмирал Н. И. Виноградов.

Русские люди были мореплавателями с незапамятных времен. Военные походы киевлян из Днепра по Черному морю к стенам Византии, смелые плаванья новгородцев по Северному Ледовитому океану известны по летописям тысячелетней давности.

Созданный Петром Первым русский регулярный военный флот сыграл видную роль в укреплении могущества нашего государства. Победы при Гангуте и Гренгаме, одержанные над сильнейшей морской державой того времени — Швецией,— показали всему миру замечательные качества русских флотоводцев, беззаветную храбрость наших матросов. Из среды морского офицерства петровской школы вышли Семен Челюскин, братья Харитон и Дмитрий Лаптевы, Василий Прончищев и другие исследователи, чьими трудами было нанесено на карту северное побережье Азии и открыты многие неведомые дотоле земли.

Высокое воинское мастерство и самоотверженное служение науке и прогрессу всегда отличали русских моряков.

Современник великого Суворова, адмирал Ф. Ф. Ушаков, первым применивший на море смелую маневренную тактику, не знал поражений. Флотоводцы Запада, и в числе их английский адмирал Нельсон, подражали Ушакову. Выдающимся, талантливым военачальником флота был адмирал П. С. Нахимов, разгромивший турецкий флот в его базе — Синопской бухте — и впоследствии героически руководивший обороной Севастополя.

Благодаря талантам наших людей и зрелости отечественной технической мысли русский флот всегда опережал зарубежные флоты в вооружении. В 1855 году на минах, изобретенных русским академиком Б. С. Якоби и установленных в Финском заливе, подорвалась английская эскадра, пытавшаяся пройти к Кронштадту. В 1873 году в России, на три года раньше, чем в Англии, и на тридцать лет раньше, чем в Америке, были построены первые броненосные крейсера. В 1910 году наши верфи спустили на воду эскадренный миноносец «Новик» — самый быстроходный по тем временам корабль в мире.

Все лучшее и передовое, что было в русском флоте, воплотили в себе сыны трудового народа — революционные матросы, под руководством большевистской партии боровшиеся за власть Советов.

На фронтах гражданской войны советские моряки проявляли чудеса героизма. Когда летом 1919 года английская эскадра, насчитывавшая свыше ста вымпелов, появилась в Финском заливе, угрожая Петрограду, революционные балтийцы дали ей сокрушительный отпор. Восемнадцать английских кораблей было потоплено, шестнадцать повреждено, и эскадра убралась восвояси. Боевой деятельностью Балтфлота в ту пору лично руководил Иосиф Виссарионович Сталин. Осуществленный по его замыслу комбинированный удар кораблей и сухопутных частей по мятежным фортам «Красная Горка» и «Серая Лошадь» опрокинул все дотоле существовавшие оперативно-тактические каноны, стал для моряков наглядным примером творческого, марксистско-ленинского подхода к военной науке.

Гений Сталина озаряет весь дальнейший путь развития нашего флота. В годы предвоенных пятилеток отечественная промышленность выпустила много боевых кораблей, вооруженных по последнему слову техники. Тысячи юношей, пришедших во флот по призыву комсомола, получив специальное образование и практическую закалку, выросли в опытных командиров. Когда грянула Отечественная война, советские военные моряки встретили ее в полной боевой готовности.

На протяжении всей войны наш флот, выполняя приказы Верховного Главнокомандования, взаимодействовал с Советской Армией, надежно прикрывая с моря фланги сухопутных войск, охраняя наши коммуникации, нанося удары по вражеским коммуникациям.

Обороняя Ленинград, корабельная артиллерия Балтики поставила непреодолимую огневую завесу на пути фашистских орд. Морская пехота бок о бок с полками Советской Армии стояла насмерть под стенами города-героя. В самые трудные дни блокады корабли и авиация Балтийского флота топили в Финском заливе фашистские транспорты.

На Черном море героическая оборона Севастополя, продолжавшаяся двести пятьдесят дней, оттянула на себя отборные вражеские дивизии. Флот продолжал активно действовать и тогда, когда Севастополь был оставлен. Базируясь в самом дальнем юго-восточном углу Кавказского побережья, наши корабли ходили оттуда на операции к берегам Румынии.

Северный флот не только обеспечил охрану наших морских сообщений, но и систематически нарушал судоходство противника.

Когда Советская Армия начала свое победоносное наступление, завершившееся разгромом фашистской Германии, флот активно участвовал в большинстве наступательных операций. Сокрушительные удары по японским империалистам на Дальнем Востоке нанесли Тихоокеанский флот и Амурская флотилия, сражавшиеся плечо к плечу с советскими наземными войсками.

Всегда — в обороне и в наступлении — советские моряки действовали инициативно и решительно, не останавливаясь ни перед чем, ошеломляя врага смелостью и дерзновенностью своих действий.

Вот некоторые примеры.

Подводники Севера проникали в глубь норвежских фиордов, защищенных береговыми батареями. Но и по фиордам гитлеровцы водили свои караваны в усиленном охранении. Чтобы сблизиться с транспортом на дистанцию, достаточно короткую для безошибочной торпедной атаки, требовалось прорвать строй эскортных кораблей. И североморцы прорывали его. Требовалось принять артиллерийский бой с кораблями охранения — шли и на это. Однажды неподалеку от норвежского порта Хаммерфест, в узком фиорде, подводная лодка под командованием Героя Советского Союза М. Гаджиева торпедировала транспорт. Затем, будучи атакована глубинными бомбами кораблей охранения, лодка сама получила повреждение.

Оставаться при таких условиях под водой означало верную гибель, и Гаджиев всплыл, навязав противнику артиллерийский бой. Вражеский сторожевой корабль, вооруженный более сильной артиллерией, был потоплен нашими снарядами на пятом залпе. Такая же участь постигла и фашистский катер-охотник.

Встречаясь во время войны с английскими морскими офицерами, мы не раз беседовали на тактические темы. И всегда англичане поражались смелости решений, которые принимали в бою наши командиры. Сами они при атаках на транспорты не пытались прорывать строй эскортных кораблей и выпускали торпеды, как правило, с дальней дистанции, наугад. Артиллерийский же бой подводной лодки с надводным кораблем представлялся английским морякам просто невероятным.

Памятен и другой случай, типичный для английской морской тактики. В июле 1942 года в наши северные порты шел конвой с Запада. Узнав о том, что из норвежских фиордов вышла в море эскадра противника во главе с линкором «Тирпиц», и испугавшись возможной боевой встречи, английский командор распустил конвой. Лишенные охраны эскортных кораблей, транспорты стали жертвами фашистских подводных лодок и авиации.

Эскадру во главе с «Тирпицом» встретила в открытом море советская подводная лодка. Прорвав строй эсминцев, охранявших линкор, она атаковала «Тирпица» и заставила эскадру повернуть обратно в норвежские фиорды.

Так воевали советские моряки — новаторы в тактике, владеющие сталинской наукой побеждать. Таковы факты. Их не мешает помнить тем, кто ныне, фальсифицируя историю и бряцая оружием, раздувает собственные мнимые заслуги.

После победоносного завершения Великой Отечественной войны и разгрома японских империалистов наша Родина получила на западе и востоке новые, справедливо устроенные государственные границы. Огромных успехов в коммунистическом строительстве достиг за послевоенные годы советский народ, руководимый партией Ленина — Сталина. Мирный труд наших людей бдительно охраняют советские Вооруженные Силы, неотъемлемой частью которых является Военно-Морской Флот.

«Советский народ хочет видеть свой флот еще более сильным и могучим. Наш народ создаст для флота новые боевые корабли и новые базы. Задача флота заключается в том, чтобы неустанно готовить и совершенствовать кадры моряков, полностью освоить боевой опыт Отечественной войны, еще выше поднять морскую культуру, дисциплину и организованность в своих рядах».

Эти указания товарища И. В. Сталина, данные им пять лет назад, стали для моряков развернутой программой работы. За минувшие годы флот достиг новых успехов в развитии. Наша промышленность, досрочно завершающая послевоенную пятилетку, дает ему все более и более совершенное вооружение. Командные кадры флота непрестанно учатся, разрабатывают новые вопросы военно-морского искусства.

Угроза войны, подготовляемой американскими и английскими империалистами, располагающими большими военно-морскими силами, с особой остротой вызывает необходимость всемерного укрепления нашего флота.

Первостепенное значение в этой связи приобретает образование Военно-Морского министерства СССР. Военные моряки восприняли это как акт огромного доверия со стороны партии и правительства, как новое проявление сталинской отеческой заботы о флоте.

Занятый мирным строительством, неуклонно идущий вперед, к коммунизму, уверенный в своих силах и своей исторической правоте, наш народ смело смотрит в будущее. Окруженные любовью народа, советские моряки с гордостью сознают, что их воинский труд служит великому делу защиты Родины, делу мира и безопасности во всем мире.

Семья Ивановых голосует за мир

А. МАТВЕЕВ

В этом небольшом деревянном доме на окраине Ленинграда и обычно-то спать ложатся очень поздно, а в субботу и вовсе засиделись до рассвета. Правда, из восемнадцати членов семьи добрая половина была в отъезде: хозяйка, Антонина Семеновна, с внуками на даче в Прибыткове; старшая дочь, Прасковья Васильевна, с мужем и сыном в Орехово-Зуеве. Но и они как бы незримо присутствовали за столом, участвуя в долгой задушевной беседе...

Речь шла о событиях минувшего дня.

Семья Ивановых, как и миллионы других советских семей, подписалась в этот день под Стокгольмским Воззванием. Каждый сделал это на трудовом посту. Василий Иванович, глава семьи, печник паровозного депо, подписал Воззвание, положив листок с текстом на кирпичи, из которых он складывал свод нагревательной печи. Его сыновья, Александр и Николай, поставили свои подписи: первый — в аудитории областной партийной школы, где он учится, а второй — за чертежным столом в проектном институте. Дочери Евгении Воззвание принесли в лабораторию как раз в тот момент, когда она заканчивала анализ молока, поступившего из колхозов для ленинградских яслей. Другая дочь, Анна, подписалась под документом в методическом кабинете Института иностранных языков, ее муж — на строительстве нового железнодорожного моста, дочь — на студенческом митинге.

И сейчас, собравшись в семейном кругу, они делятся друг с другом своими мыслями и чувствами.

Старик-отец, который в августе собирается отметить 50-летие работы в одном и том же депо, держит газету. Он уже давно прочитал ее, но из рук не выпускает. Оглядывая сидящих за столом сыновей и дочерей, Василий Иванович вспоминает, как вместе с женой поднимал и растил их. Все шестеро с высшим образованием. Александр, Николай, Евгения — инженеры: электрик, механик, химик; Прасковья — врач, Анна — педагог, Антонина — экономист.

И это в семье простого печника!

Что делал он всю жизнь? Складывал печи. Вот его руки, уложившие добрый десяток миллионов кирпичей. Сколько людей поминают печника добрым словом! Всегда он был трудолюбив и эту же любовь к труду воспитывал в детях.

А тот, кто любит и умеет работать, тот хочет жить в мире.

Семья Ивановых знает, что такое война, блокада, лишения военных лет. Старики оставались одни в осажденном Ленинграде. Дети были на фронте, на военных заводах в тылу. Две бомбы упали около их деревянного домика. Антонина Семеновна была сильно контужена. Василий Иванович уже еле передвигался, но ни на один день не бросал работы в депо...

Да, советские люди знают, что такое война, и поэтому не хотят, чтобы она повторилась. И не потому, что боятся войны. А потому, что желают мира. Василий Иванович хочет ставить новые и новые печи, пока руки его крепки, Николай — конструировать умные машины, Прасковья — избавлять людей от болезней, Анна — учить юношей и девушек иностранным языкам, ее муж — строить прочные, красивые мосты, ее дочь — кончить институт.

И все вместе они хотят растить большой, густой, тенистый сад возле дома. Сад поистине чудесный: яблони, смородина, крыжовник, слива! Тут есть липа, посаженная 48 лет назад. И тут есть вишни, которые Василий Иванович посадил после войны на месте воронки от упавшей сюда бомбы.

Они сидят в просторной и уютной комнате — люди доброй воли, подписавшие Воззвание.

Перед ними на столе фотография: молодой мужчина с хорошим, открытым лицом. Это Василий — сын и брат. Паровозный машинист. Во время войны он вел эшелон с мукой для жителей блокированного Ленинграда. Снаряд попал в паровоз. Если бы Василий Иванов был жив, он тоже голосовал бы за мир!..

Семья Ивановых. Слева направо — внучка Людмила, Василий Иванович Иванов, Евгения Васильевна, Николай Васильевич, Анна Васильевна, Анна Семеновна, Александр Васильевич и внук Анатолий.

В корейском порту

Е. В. КАМЕНЕВ,

инженер Министерства морского флота СССР

«Американские самолеты подвергли варварской бомбардировке рабочие поселки в городе Нампхо (Тиннампо), в результате чего были разрушены жилища многих рабочих. Имеются жертвы среди населения...»

В ком из советских людей не вызовут гнева и возмущения эти скупые телеграфные строки! Но особенно больно воспринимаются подобные известия теми, кто бывал в Корее, кто знаком с жизнью и бытом трудолюбивого корейского народа.

В течение 1949 года мне довелось работать в порту Нампхо в качестве агента советского торгового флота. Нампхо — большой портовый город на реке Дайдокэ (Дайбе), неподалеку от ее впадения в Желтое море. С первых же дней пребывания там мне бросилась в глаза исключительно четкая, тщательная организация всех работ на погрузке и выгрузке. Ни одно судно, под чьим бы флагом оно ни плавало, ни разу не простаивало у причалов. Когда я однажды похвалил образцовый порядок в порту, стивидор (руководитель грузовых работ на участке) сказал мне:

— Как же иначе! Ведь мы теперь на себя работаем, на свое государство. Не то что при японских господах.

Этот стивидор рассказывал мне: прежде, когда Корея была японской колонией, его соотечественники допускались лишь к черной, неквалифицированной работе. Во всем городе не было ни одной школы для корейских детей.

Моим соседом по дому оказался заведующий складом Цой Вин Тай — отец многочисленного семейства. Каждое утро встречал я его ребят, уходящих из дому с книгами подмышкой. Вечерами в открытые окна было видно, как, усевшись на корточках на полу, маленькие школьники учат уроки.

— Вырастут, в Пхеньян поедут, учиться в институте, — уверенно

говорил про своих ребят Цой Вин Тай.

Сам он, как и стивидор и многие другие руководящие работники порта, вышедшие из рядовых грузчиков, усиленно занимался самообразованием.

Стремление к культуре, тяга к учебе характерны для корейцев. Вся детвора в Нампхо в обязательном порядке посещает школу. Для взрослых создано много общеобразовательных кружков и курсов. Никогда не пустует клуб портовиков. После работы в нем собираются люди, читают газеты и журналы, беседуют. Большие очереди выстраиваются у касс городского драматического театра и кино. Тысячи зрителей приходят на концерты художественной самодеятельности, которые по воскресеньям и в праздничные дни организуются на городской площади под открытым небом. И на работе и в часы досуга — всюду чувствуется: трудовой народ, долгие годы терпевший колониальный гнет, бесправие, теперь, при народно-демократическом строе, поднялся к творческой, созидательной жизни.

За год, прожитый в Нампхо, я был свидетелем бурного строительства. Вступила в строй и начала выпускать морские суда новая верфь. При рыбацких кооперативных артелях был создан мощный комбинат с холодильником. Что ни месяц, на окраинах сносились глинобитные и камышовые лачуги бедноты и на их месте начинали строить каменные благоустроенные дома. Заливались асфальтом улицы и площади, разбивались сады и скверы.

Трудящийся человек в Корейской народно-демократической республике—полноправный гражданин. Помню, как в Нампхо приезжали представители правительства, члены кабинета министров. Они по-дружески беседовали с рабочими порта, вникали во все мелочи жизни и быта, внимательно прислушивались к советам простых людей.

Наблюдал я и другие картины. Команды двух судов, принадлежавших капиталистическим фирмам Южной Кореи, выйдя в море, арестовали капитанов, механиков и взяли курс на Нампхо. С какой радостью сходили моряки с палубы на землю своей единственной, настоящей родины! С какой ненавистью говорили они о марионеточной клике Ли Сын Мана! Немало жителей Южной Кореи перебиралось на Север и по сухопутью, через 38-ю параллель, в обход полицейских рогаток, рискуя жизнью.

Теперь, читая газеты, я вспоминаю портовый город Нампхо и его жителей — честных мирных тружеников, патриотов своего отечества. Я вижу перед собой новые жилые кварталы рабочих поселков, и мне становится больно при мысли, что воздвигнутые народом дома разрушены бомбами американских гангстеров, что дети, ходившие в школу, сегодня искалечены, убиты. Проклятие наймитам Трумэна! Позор империалистическим разбойникам!

Советские люди и все честные труженики мира уверены: какие суровые испытания ни выпадут на долю свободолюбивого корейского народа, он разгромит врагов, отстоит честь и независимость своей родины!

Страна спокойствия...

Николай ГРИБАЧЕВ

Землею доброй и отрадной
она прошла передо мной:
синели дальних гор громады,
леса шумели стороной,

и на реке, расправив парус,
как по серебряной тропе,
под свежим ветром просыпаясь,
скользила к устью нарупе,[1]

и в круглом зеркале залива
плыл отражением завод —
его из праха терпеливо
поднял и оживил народ.

И в первый раз за полстолетья
крестьянин толковал о том,
что правда есть в белом свете,
что и достаток входит в дом,

что жизнь, как рис при дружных всходах,
и только тем омрачена,
что Трумэном судьба народа
на две судьбы разделена:

здесь — свет, там — новых тюрем тени,
и разоренное жилье,
и в сатанинском нетерпеньи
о камни звякает ружье —

подарок смерти окаянной, —
дано наемнику; оно
рукою из-за океана
Корее в грудь наведено.

Спускался в горы синий вечер,
и моря Желтого прилив,
косыми бликами расцвечен,
все рос, певуч и говорлив,

и в доме за стеной бумажной
с семьей своей наедине
о дне грядущем думал каждый,
как о хорошем, мирном дне;

и люди вдруг припоминали,
что, знать, не даром в старину
«Страной спокойствия» назвали
их край, их милую страну.

Стих ветер, сумеркам покорный,
звезда скатилась в гаолян,
и чей-то голос, силы полный,
пел песню смелых «Ариран»...

Быть может, бомбой из Нью-Йорка
уже убит мечтатель тот,
быть может, ветер лета горький
над тем селеньем пепел вьет,

и мать, лишь год назад, не более,
назвавший мамою впервой,
лежит тот мальчик в дымном поле
с простреленною головой;

и гаолян в огне клубится.
А в Вашингтоне в этот час
поджарый президент-убийца
на карту пялит рыбий глаз.

Он по всему земному шару
готов сегодня гнать солдат,
и множить казни и пожары,
и тыкать бомбы наугад.

А я, упрямым фактам веря,
одно бы мог сказать ему:
свой путь познавшая Корея
не покорится никому!

И я одно предвижу: вскоре,
теряя гонор и запал,
его солдатам
в это море
придется
прыгать
с этих скал!

[1] Парусная лодка.

Счастье детей Анны Безбородовой

Меланья ЗАПОЛЬСКАЯ

Это случилось в страшную пору, когда в Минске еще хозяйничали гитлеровцы. По соседству со мной жила Анна Безбородова. Муж ее героически погиб на фронте, а сама она мстила фашистам здесь, в тылу,— помогала партизанам. Но вот однажды оккупанты обнаружили тайные связи Анны с партизанами. Схваченная палачами, уже перед отправкой в тюрьму Анна успела бросить мне на ходу:

— Знаю, нелегко тебе будет, Меланья Филипповна, но вся надежда на тебя: воспитай детей! Последнюю мою просьбу уважь!..

И я поклялась партизанке: «Твои дети будут моими детьми».

Фашисты расстреляли советскую патриотку Анну Безбородову. Старшей ее девочке, Зине, тогда исполнилось 11 лет, младшей, Лиде, — год. Постарше ее были Сталина и Олег.

Тяжело пришлось мне с четырьмя детьми Анны. Но в самые трудные минуты жизни перед глазами вставал образ женщины, схваченной фашистами. С гордо поднятой головой она выходит на улицу, и на лице ее — презренье к палачам. И слышится мне ее голос: «Последнюю мою просьбу уважь!»

Я постаралась заменить детям Анны родную мать. Сталина заболела менингитом. Продала я свои вещи, мужнины — он на фронте был,— собрала денег, чтобы пригласить врача, купить медикаменты: дорого все это было при оккупантах. Днем и ночью сидела у постели девочки. Фашисты стали косо посматривать на меня: «Партизанских детей выхаживает!». Но я не изменила своей клятве.

Наконец настал радостный, долгожданный день 3 июля 1944 года — день освобождения Минска. Вместе с детьми, которые держали цветы в руках, я вышла на улицу встречать воинов-освободителей. Зина радостно кричала: «Конец войне!».

Это еще не был конец, но все мы уже тогда чувствовали: скоро, очень скоро наступит мир.

С тех пор дети Анны Безбородовой выросли, окрепли. Зина совмещает учебу с работой контролера на Минском телеграфе. Лидочка перешла с похвальной грамотой во второй класс, Сталина — в четвертый. Хорошо учится Олег, он прекрасный спортсмен. Я горячо полюбила детей, и они дружат со своей «мамой Меланьюшей», как называет меня Лида.

Исполком Ворошиловского района переселил нас в квартиру из трех комнат. Государство проявляет большую заботу о детях воина и партизанки, отдавших жизнь за Родину. Но вот снова грозовые тучи появились над нами. И маленькая Лидочка спрашивает меня: «Мама Меланьюша, разве опять война будет?»

Нет, не должна быть опять война! Не для того отдала свою жизнь Анна Безбородова, чтобы ее дети вновь подвергались опасности.

Люди, не допустим войны! Пусть дети наши растут, учатся, гуляют, радуются всему, что дала им советская власть.

Вот о чем я думала, когда ставила свою подпись под Воззванием.

Пенсионерка М. Запольская с воспитанными ею детьми расстрелянной партизанки А. Безбородовой.

Фото Г. Бегуна

БОЛЬШИЕ МАССИВЫ

Соседи живо интересовались всем, что делалось в Гаврилковском колхозе: купят ли там новую машину, построят ли гараж или кирпичный завод, проведут ли телефон в бригады? Каждая такая новость комментировалась: «Им все под силу». Им — это колхозникам большой артели «Путь Ленина», что в селе Гаврилкове, Вичугского района, Ивановской области. Колхоз этот был создан 13 лет назад в результате слияния мелких артелей шести деревень. С тех пор дела здесь пошли в гору. Колхоз имел тысячу гектаров пашни — было где разойтись трактору, комбайну. Доходы перевалили за полмиллиона рублей. Богатым, весомым стал трудодень.

И вот недавно соседние мелкие колхозы — у каждого по 100—150 гектаров пашни — решили: надо объединяться с гаврилковским. В середине июня состоялось первое объединенное собрание членов новой, укрупненной сельскохозяйственной артели, названной «Путь Ленина». Приняли устав, избрали правление, ревизионную комиссию.

...Вместе с председателем артели Леонидом Андреевичем Ершовым мы объезжаем поля. Плотной стеной, выше роста человека, стоит рожь. Она уже наливается, скоро можно будет косить. Радует изумрудная зелень яровых хлебов. С гордостью показывают нам посевы многолетних трав. На площади почти в двести гектаров колышется густое и яркое разнотравье: клевер, тимофеевка, овсяница, лисохвост.

Но вот мы переезжаем невидимую границу — и картина меняется. Перед нами посевы мелких колхозов, только что объединившихся с гаврилковской артелью. Та же земля, но хлеба ниже, колос мельче, клевер реже — результат худшей обработки земли, неглубокой пахоты без тракторов, недостаточности удобрения.

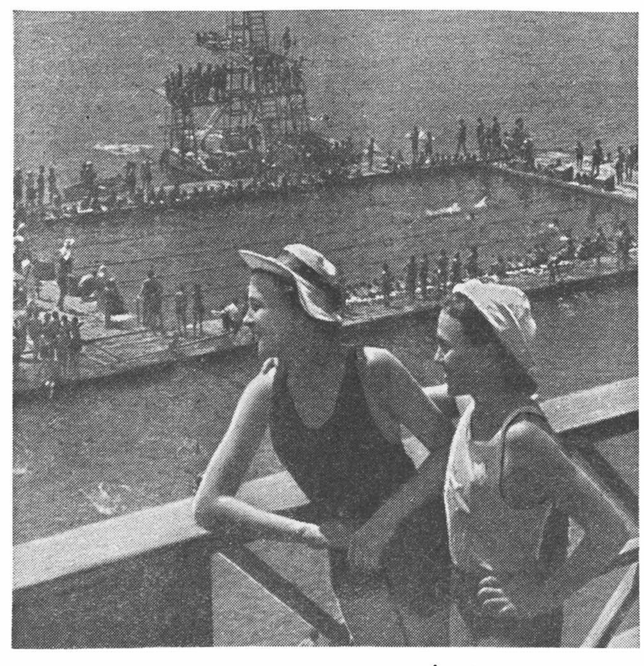
— Ничего, все это исправится,— уверенно говорит Ершов.— Через год — два здешние поля не узнаешь.

У председателя укрупненного колхоза сейчас много забот: артель имеет теперь более двух с половиной тысяч гектаров пашни, сотни лошадей, большое стадо крупного рогатого скота, много овец, свиней. Колхозные плотники уже сооружают новый скотный двор. С полной нагрузкой работают кузница, кирпичный завод.

Обширны планы колхоза. В ближайшем будущем значительно возрастет механизация полевых работ — понадобится больше тракторов, комбайнов, сложных молотилок. Надо строить свою электростанцию. Предстоит закладка сада на 5 гектарах.

А. МАКСИМОВ

На берегу Амура

Новая водная станция на Амуре.
Фото Н. Суровцева

Круто изогнувшись, Амур в этом месте широко разливается, принимая в себя воды Уссури, и, заметно раздавшись в ширину, словно нехотя сворачивает на север, к Охотскому морю.

Здесь, на живописном берегу, изрезанном глубокими оврагами, раскинулся на двенадцать километров Хабаровск с его пригородами.

Недавно жители Хабаровска получили подарок — новую водную станцию. С Комсомольской площади, расположенной на высоком берегу Амура, сотни горожан по только что сооруженной железобетонной лестнице спускаются к реке. Здесь устроен причал для речных трамваев и прогулочных пароходов. Неподалеку пляж, плавательные бассейны.

...Хорошо на Амуре в летнюю пору! Подернутые свинцовым налетом волны кажутся сперва студеными, но достаточно окунуться в них, как это ощущение пропадает. Над кручей склоняют свои ветви вековые вязы и липы. Из парка доносятся звуки оркестра. А даль такая ясная, что за пять километров видно, как на том берегу косят траву...

А. РУСТАМОВ

Курсы электротрактористов

— Электротрактору принадлежит большая будущность как основе комплексной электрификации многоотраслевого колхозного производства. Эта машина несет народному хозяйству огромную экономию. Она еще более облегчает труд колхозника...

Так начал свою лекцию электротрактористам профессор П. Н. Листов. Он возглавляет кафедру сельскохозяйственной электрификации в Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. В лабораториях этой кафедры зародилась новейшая конструкция современного трактора с электрическим двигателем. Ученые стали организаторами подготовки кадров водителей этих замечательных машин.

Первые пятьдесят курсантов приехали сюда из Бронницкой, Михневской, Мытищинской, Коломенской МТС. Они изучают конструкцию электротрактора и придонной ему передвижной трансформаторной подстанции. Трактористы также подробно знакомятся с системой электрических машин, применяемых при доении коров, стрижке овец, пастеризации молока, и других механизмов, уже прочно входящих в колхозную практику.

А. ВЛАДИМИРОВ

Нателла

Нателла Челебадзе за уроками.
Фото М. Квирикашвили

— Нателла!

Услышав свое имя, сборщица чая оторвалась от работы. Перед нами стояла совсем молоденькая девушка. Из-под широкополой соломенной шляпы выбивалась прядь густых темнорусых волос. В маленьких, покрытых загаром руках только что сорванные зеленые листочки. Увидев приезжих, девушка застенчиво улыбнулась.

Это была Нателла Челебадзе, ученица 11-го класса, Герой Социалистического Труда.

Мы стояли на плантации, которую школьница превратила в одну из самых высокоурожайных в Аджарии. Вокруг зеленые холмы, веселые беленькие домики под красной черепицей. На горизонте серебристая полоска моря.

Еще по дороге нам сообщили, что накануне здесь, на плантации, все взрослые люди подписали Стокгольмское Воззвание. Поставила свою подпись и восемнадцатилетняя Нателла...

Нателле шел шестнадцатый год, и она перешла в 9-й класс, когда председатель колхоза получил от нее письменное заявление с просьбой закрепить за ней полгектара чайной плантации. Председатель собрал правление. Он сказал, обращаясь к Нателле:

— Учишься ты хорошо. Знаем мы тебя как трудолюбивую помощницу в семье. И поэтому специальным актом закрепляем за тобой участок в пять тысяч квадратных метров. Желаем стать Героем!

Живет Нателла в селении Кведа Квирике, Кобулетского района, в колхозе имени Кирова. В самом селении восьмиклассная школа. Окончив ее, Нателла решила получить полное среднее образование. В Грузии одиннадцатиклассное обучение. Одиннадцатиклассная школа в соседнем большом селении Бобоквати. И Нателла поступила в нее.

Путь — два километра — лежал мимо закрепленного за девушкой участка. Закончив занятия, после короткого отдыха Нателла проводила несколько часов у чайных кустов. Сестренка Маро приносила еду. Нателла обрабатывала участок по всем правилам агротехники: вносила в почву минеральные удобрения, жижу, навоз, производила перекопку почвы, формовку кустов — и все это с величайшей тщательностью. Вечером, вернувшись с плантации, девочка готовила уроки.

Сбор чая начинается в марте — апреле. Сезон длится до середины осени. В конце мая в школе наступают каникулы. Нателла хорошо использовала их, чтобы собрать богатый урожай. К осени 1948 года все село облетела весть: дочь Челебадзе собрала со своего участка 6750 килограммов. Правительство присвоило Нателле Челебадзе звание Героя Социалистического Труда.

В минувшем году участок школьницы дал почти столько же: 6382 килограмма. За первые два месяца нынешнего сезона Нателла собрала две тонны, и есть все основания полагать, что юная патриотка вновь даст государству не менее шести тонн высокосортного чайного листа.

...Мы побывали в доме Героя. В комнатах городская обстановка. По всему видно, что здесь живут люди с достатком.

Мы сидим в кругу семьи Нателлы, ее подруг. Одна из них, Бесире Центерадзе, горячо говорит:

— Через год закончим школу и уедем в Тбилиси!

— Да, — подхватывает Нателла,— у нас одна мечта: поступить в Сельскохозяйственный институт и стать агрономами.

Н. НОВИЦКИЙ

Герой Социалистического Труда школьница Нателла Челебадзе за сбором чайного листа.

Замечания по поводу...

Не ООН, а он!

Совет Безопасности... уполномочивает объединенное командование использовать по своему усмотрению флаг Организации Объединенных Наций в ходе операций против сил Северной Кореи...

(Из сообщения г-на Трюгве Ли.)

Работа грубая! На бланке флаг ООН,
Но вашингтонская бумага
И «почерк» Трумэна... Во всем бесстыдстве он
Выглядывает из-под флага!

Те же и жук

Расследование подтвердило факты сбрасывания американскими самолетами колорадского жука на поля ряда европейских стран.

(Из газет).

Состав «упряжки» неплохой!
К бациллоносному микадо
С его величества блохой
Добавлен жук из Колорадо.

Ну, что ж, в содружестве таком
И жук — не лишний! Мненье ложно,
Что императора с жуком
«В одну телегу впречь не можно».

Впрягли!.. И все ж их дело — «гроб».
Престиж Америки не вырос:
Не подкрепит его микроб
Или фильтрующийся вирус.

Пусть, удивив свой «новый штат»,
Объединяется открыто
Заокеанский «демократ»
С бациллоносцем Хирохито, —

Он повторяет старый трюк!
Живя несбыточными снами,
Он всех стращает: «С нами жук!
Мы всемогущи! Блохи — с нами!..»

Он слеп. Бахвальству вопреки,
На блок с блохой надежды плохи —
И от успеха далеки
И президентские жуки
И коронованные блохи.

Эмиль КРОТКИЙ

Марафонский бег

Недавно в Москве состоялось соревнование по марафонскому бегу. В этом трудном состязании приняли участие свыше 100 спортсменов, хорошо подготовленных к бегу на длинные дистанции.

Спортсменам предстояло пробежать 42 километра 195

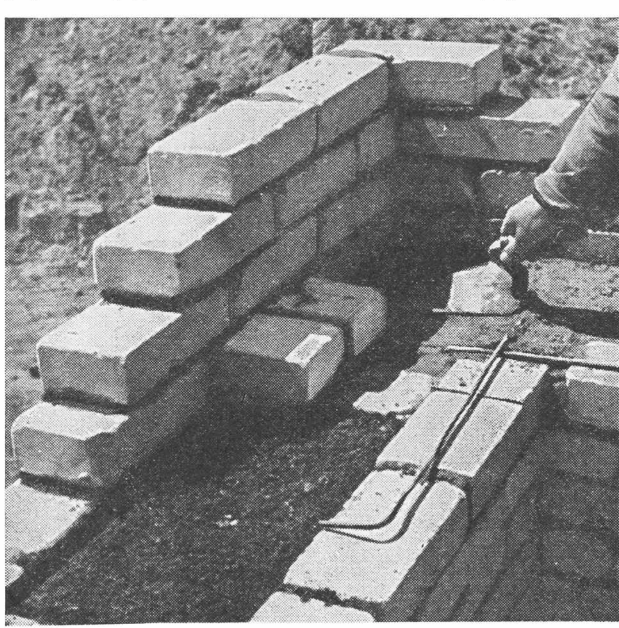
Победитель соревнования, заслуженный мастер спорта Феодосий Ванин.

метров. После старта, данного на стадионе «Динамо», первым на Ленинградское шоссе выбежал и повел бег хабаровский спортсмен И. Пиков. Остальные участники отстали от него почти на 100 метров. Видно было, что он взял слишком быстрый темп.

Разрыв между бегунами увеличивался. За Пиковым шла группа спортсменов, среди которых были испытанные марафонцы Ф. Ванин и В. Гордиенко. Они бежали рядом, плечо к плечу. В деревню Машкино (половина пути и поворотный пункт) первым вбежал Пиков. Он лидировал почти 30 километров, и лишь потом его опередил В. Гордиенко, а несколько позже Я. Москаченков. Затем к ведущей группе стал приближаться Ванин, который бежал очень ритмично. На 35-м километре он оказался вторым за Гордиенко, но на большом еще от него расстоянии. Ванин расчетливо усилил темп бега.

Первым на территорию стадиона «Динамо» вбегает Гордиенко, и тут начинается упорная борьба с догнавшим его Ваниным. Но Ванин, правильно распределивший свои силы, сравнительно легко проходит последние сотни метров и первым рвет ленту финиша, закончив дистанцию с рекордным результатом. Сорок два с лишним километра он пробежал за 2 часа 29 минут 9,4 секунды. Вторым был Гордиенко. Третьим Москаченков.

ДВА ДОМА ВМЕСТО ОДНОГО

Облегченная кирпичная кладка.
Фото В. Евграфова

Можно ли из кирпичей, предназначенных для строительства одного пятиэтажного жилого дома, возвести два таких же дома?

Еще недавно такой вопрос многие сочли бы праздным, а над задавшим его посмеялись бы. Конечно, нет, в один голос отвечали справочники, таблицы, инструкции. И тут же добавляли: дом, где стены сложены меньше чем в два с половиной кирпича, то есть толщиной в 60 сантиметров, непригоден для жилья.

Архаический, существовавший веками запас прочности объявлялся непогрешимым. И, как иногда бывает, в защиту приводили самый «внушительный» аргумент: пример «классической» страны строительства — США. Ну, а все-таки? Так ли совершенна капиталистическая техника? А может быть, эта заурядная косность порождена теми, кто заинтересован в сбыте кирпича?

Такой вопрос поставил перед собой десять лет назад старый инженер Н. С. Попов, построивший на своем веку не один десяток домов. Его идея увлекла инженера Н. М. Орлянкина. Вскоре к ним присоединилась дочь Попова — Р. Н. Попова, по профессии архитектор.

Задача оказалась сложной, кропотливой. Прошли годы напряженного труда. Ныне маленькому, но упорному коллективу вручили высокую награду — Сталинскую премию.

Советские изобретатели нашли новаторское решение, позволяющее строить дома с кирпичной кладкой толщиной в 24 сантиметра. Вот оно. Параллельно возводятся две стенки, каждая из одного кирпича, положенного в длину, иначе говоря, толщиной в 12 сантиметров. Пространство между ними — 25 сантиметров — заполняется шлаком, щебнем, золой или другими отходами. Таким образом, общая толщина кирпичной кладки равна 24 сантиметрам, а всей стены — около 50. Для того, чтобы связать воедино обе стенки, между ними устанавливаются так называемые узлы жесткости. Это особые кирпичные перемычки, которые располагаются перпендикулярно к стенкам через каждые полтора метра.

Облегченная кладка стен находит все большее применение на стройках страны. Двух- и пятиэтажные жилые дома по этой системе сооружены в Москве — на Волоколамском и Хорошевском шоссе, на Октябрьском поле, — в Сталинграде, Краснодаре, Свердловске, Караганде и других городах.

Эти дома не знают сырости, зимой не промерзают и хорошо сохраняют тепло, летом в них прохладно.

С. БОРИСОВА

«Иван Сусанин»

Новый болгарский фильм

Большим событием в культурной жизни демократической Болгарии явилась постановка на сцене Народного театра в Софии оперы Глинки «Иван Сусанин».

Показать, как подготовлялся этот исторический в летописях болгарского театра спектакль, и запечатлеть его наиболее значительные и яркие моменты — такова задача выпущенного в Болгарии нового фильма.

На экране портрет великого Глинки. Портрет сменяется нарядной обложкой клавира оперы в новом, советском издании. Вслед за этим вступлением к фильму перед зрителем предстает город, к которому обращены помыслы болгарского народа, как и всего передового человечества, — Москва.

Отсюда, из Большого театра, приехал в братскую Болгарию режиссер Е. Соковнин, руководящий постановкой на софийской сцене оперы «Иван Сусанин».

Перед нами здание Софийского Народного театра. Фильм показывает, как тщательно и любовно трудился над подготовкой оперы весь театральный коллектив, от костюмеров и гримеров до ведущих солистов труппы. Вдумчиво и усердно работают декораторы, руководимые советским художником В. Лужецким. Будущие Сусанин, Антонида, Ваня разучивают свои партии под аккомпанемент концертмейстеров.

Генеральная репетиция. Звучит чудесная музыка Глинки, и одна за другой проходят на экране центральные сцены оперы-эпопеи, «первой и лучшей русской оперы», как назвал «Ивана Сусанина» Чайковский.

Как можно судить по сценам, показанным в фильме, Софийский театр смело проводит в жизнь принципы подлинно народного, реалистического искусства. Хорошо продуманы и жизненны массовые сцены. Четкие, правдивые и законченные образы создали исполнители главных ролей, в особенности народный артист Михаил Попов, превосходный Сусанин.

Б. ЯГОЛИМ

Павильон юных пожарных

Юра Лопай, ученик Харьковской 36-й школы, сегодня не в обычной форме. На нем брезентовый костюм с полным снаряжением пожарника. Юра стоит на каланче и в бинокль обозревает окрестности. Пост на вышке очень важный и ответственный. Вот, к примеру, вдали показался подозрительный дымок. Тогда Юра спешит к телефону и взволнованно докладывает о своих наблюдениях. Внизу, там, где бодрствует дежурный взвод пожарных, ударяют в колокол. Тревога! Ребята в брезентовых костюмах вскакивают с удобных плетеных кресел и бегут к пожарной машине. Через минуту она выскакивает из ворот гаража и мчится по дороге с тревожным звоном...

Хороший подарок детям сделало управление пожарной охраны Харькова. В парке культуры имени Горького, недалеко от детской железной дороги «Малая Южная», построен павильон юных пожарных с высокой каланчой, гаражом, комнатами для дежурных. Недавно состоялось торжественное открытие павильона.

КОРОТКО

НОВЫМИ КНИГАМИ пополнился «корейский фонд» библиотеки Института востоковедения Академии наук СССР, насчитывающий около 1500 томов. Пхеньянский университет имени Ким Ир Сена прислал в библиотеку произведения И. В. Сталина на корейском языке, сборник речей Ким Ир Сена и ряд художественных произведений. Получен также сборник стихов, посвященных 70-летию товарища И. В. Сталина. Институт и университет обмениваются научной литературой.

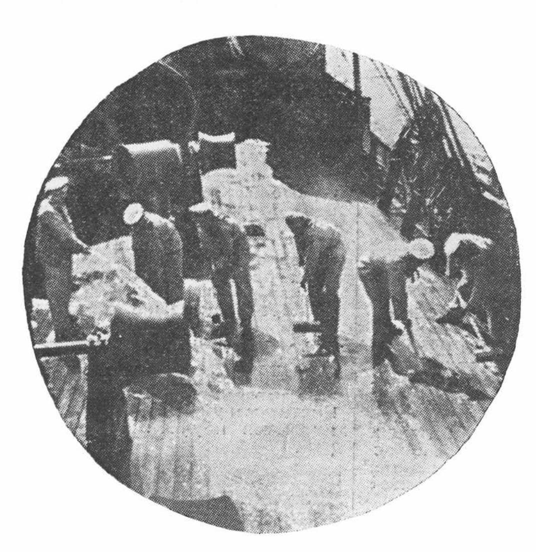

В морях твоя дорога

А. СТАРКОВ

Фото А. Гостева

Вообрази, читатель, что ты двадцать пять лет не виделся с кем-то из близких тебе людей. И вот судьба снова сводит вас. В ожидании встречи ты стараешься представить себе, как мог измениться за это время твой друг. Волнение охватывает тебя. Сколько воспоминаний теснится в голове! Вообрази все это, и ты поймешь чувства, которые испытал недавно Андрей Андрианович Романов.

С рассветом на «Комсомольце» начинается уборка...

Правда, ему предстояло встретиться не с человеком, а с кораблем. Но это корабль особенный — «Комсомолец». Стоит лишь произнести это имя в кругу бывалых военных моряков, как сразу же их лица расплывутся в улыбке.

«Комсомолец»!

Недолог обычно век корабля. Этот же и не думает стареть. Он просто не имеет на то никакого права. Почему? Да потому, что построили его сорок семь лет назад, нарекли «Океаном» и сказали: служи юности. Каждую весну поднимались на его борт гардемарины — воспитанники морского училища,— и он уходил с ними то в кругосветку — из Кронштадта во Владивосток и обратно, то в другие дальние странствования. Не старились его ежегодно обновлявшиеся команды, не старился поэтому и сам корабль. Был, правда, момент — в пору гражданской войны,— когда корабль встал на прикол к стенке и уже начал ржаветь его корпус. Казалось, «Океану» теперь не скоро ожить. И вдруг застучали по его палубам сотни каблуков... Но то были не гардемарины. Пришли рабочие и крестьянские парни из Питера, с Поволжья, Урала, Алтая, Украины — комсомольцы, призванные вернуть корабль к жизни... Потом наступил торжественный день — шестнадцатое октября тысяча девятьсот двадцать второго года, когда комсомол принял шефство над всем Военно-Морским Флотом страны, и в ознаменование этого события Реввоенсовет республики переименовал обновленный к тому времени «Океан» в «Комсомолец».

И снова корабль собрался в поход, в первый поход под красным флагом! Вместе с «Авророй» шел «Комсомолец» фиордами вокруг Скандинавии на север. На его палубах, сигнальном мостике, у машин несли вахту те же питерские, уральские, сибирские пареньки, ставшие курсантами военно-морского училища. Был среди них и Андрейка Романов, подручный слесаря из города Ардатова.

В будущем они совершат еще немало плаваний, посложней и поопасней этого. Курсанты станут офицерами, адмиралами — водителями кораблей, эскадр, флотов. Но ничто не затмит в их памяти первой вахты, первой встречи с океаном, первого шторма и радости победы над ним... И все это связано с «Комсомольцем», который был им морской колыбелью. Потому не может погаснуть в них сыновье чувство к родному кораблю, чувство, полное любви и нежности.

Повстречались однажды на борту «Комсомольца» два контр-адмирала, прибывшие сюда по служебным делам. Один был здесь когда-то старшиной роты, в которой другой служил рядовым матросом.

Стоят на спардеке в задумчивости. Бывший рядовой говорит бывшему старшине:

— Здорово ты меня гонял... Суровый был старшина!.. Помнишь?

— Помню,— отвечает собеседник.— Помню, что звали тебя «Галчонок» за малый рост и черные глаза... Помню, как вывалился ты в кубрике из койки...

— Слушай, сходим туда.

Они спускаются по трапу в матросский кубрик.

— Вот тут висела моя...

— А тут моя...

И кажется им, что крючки, к которым они подвешивали в юности свои койки,— даже крючки остались прежние.

Идут они дальше по кораблю, и все, что встречается им по пути, рождает в них милые сердцу воспоминания.

Вот так и Романов — вошел в порт, увидел на рейде высокий корабль с легкими, изящными обводами, с тремя трубами, чуть отклоненными назад, все такой же, прежний, нисколько не постаревший, и остановился, чтобы перевести дыхание.

Волнение, испытанное им при свидании с «Комсомольцем», усиливалось еще тем, что пришел он сюда не один, а привел с собой своих питомцев из училища.

Он привел Льва Поленова, сына Льва Андреевича Поленова, который был его, Андрея Романова, первым флотским командиром.

Он привел сюда собственного сына Валю.

Он привел с собой Бориса Кривцова, которого можно уже считать видавшим виды моряком: юнгой плавал Борис в войну на маленьком, вертком сторожевом катере, за что и награжден медалью Нахимова.

Он привел Валерия Чекалина, юношу с Алтая.

О нем чуточку поподробнее.

Знаете ли вы про реку Кожу? Нет? Это непростительно. Во-первых, потому, что впадает она в Бию, а та, сливаясь с Катунью, образует великую Обь, и, во-вторых, потому, что и сама по себе Кожа не из последних речушек. Чем славна? Рыбой! Ловятся здесь хариус, чебак, таймень — сибирский лосось, ловятся в неисчислимых количествах,— успевай ставить невод...

Начинаясь где-то в горах, река пробивает себе дорогу сквозь тайгу, касается краешка Кулундинской степи и снова петляет вокруг холмов, поросших лесами. А в самом своем низовье приголубила Кожа раскинувшееся на обоих берегах большое село, приголубила и даже именем с ним поделилась: Усть-Кожей зовут его.

Предки жителей этого села вышли в давнюю пору из срединной России. Гонимые голодом, в поисках счастья забрели они в далекий таежный край. Памятно это переселение только одному человеку из устькожинских — Максиму Нилычу Чекалину. Ему 102 года. Но очков не носит, белку бьет без промаха. Сын Нилыча, Николай, был шофером в МТС, кончил курсы, стал заместителем директора, ныне директорствует и учится заочно в Барнаульском сельскохозяйственном институте. Его жена Эмилия Тимофеевна, дочь местного колхозника, получив высшее образование в Томске, работает врачом в районной больнице.

Вот в какой семье вырос Валерий.

Он был и в деда — охотник и в отца — рыболов. А еще он любил бродить по горам, искать минералы. Собралась у него коллекция, которую не стыдно было бы передать в музей. Однажды вдвоем с приятелем они набрели даже на уголь — то были остатки старинных демидовских копей... Так и считалось в семье и в школе: быть Валерию геологом. Может, это и осуществилось бы, если б не потрепанная книжонка в синей обложке, попавшая к нему случайно. Она называлась «20 тысяч миль под парусами». Капитан Лухманов рассказывал в ней о геройском переходе советского парусника «Товарищ» из Мурманска в Аргентину.

Валерий лежал в траве на берегу Кожи и снова — в сотый, наверно, раз — перечитывал строки: «На высоте двадцати — тридцати метров над палубой, упершись в подвешенные под реями специальные проволочные снасти, прижавшись изо всех сил животом и грудью к реям и просунув руки в веревочные кольца, матросы крепили, отдавали, привязывали, отвязывали и меняли паруса. Намокшая, надутая ветром, неподатливая, как лубок, парусина требовала громадных усилий. Кровь сочилась из-под ногтей. Кожа трескалась на ладонях и изгибах пальцев. Ветер задирал полы одежды на шею, и холодный дождь хлестал по спинам и проникал даже в рыбачьи, непромокаемые сапоги... Но никто не роптал, не жаловался».

Железные люди! Вот бы стать таким!

Сначала это было обычным, свойственным юности увлечением. Но постепенно, по мере того как увеличивалось число прочитанных Валерием книг по морскому делу, зрело твердое решение. Окончательно оно было принято в тот день, когда Валерий увидел на вокзале в Бийске моряка-курсанта: золотой якорек на погонах, золотые «гапки» на рукавах...

...Ну разве не чудесных ребят привел с собой на корабль капитан второго ранга Романов?!

Пусть многие из них впервые поднялись по корабельному трапу. И все-таки не назовешь их новичками: позади осень и зима, проведенные ими на «сорокатрубном корабле», как шутливо зовут курсанты свое училище, осень и зима, которые подружили юношей с морскими науками.

Теперь само море будет учить их.

И хотя им уже знакомы основы высшей математики, астрономии, навигации, здесь они рядовые матросы, здесь они начинают с морского букваря, с азов.

Можно, конечно, и на берегу узнать, что во время боевой тревоги бежать надо к носу корабля по правому борту, а к корме по левому, но привыкнешь к этому только в море.

Можно запомнить способы вязания всех морских узлов, но вслепую, с закрытыми глазами, связать моментально самый сложный узел — это придет к тебе только в плавании.

Можно прочитать всего Хлюстина и вызубрить названия всех звезд, но быстро найти одну, нужную тебе, среди мириад других, усеявших ночное небо,— этому научишься на корабле.

А какие занятия в классах, какие лекции и семинары могут заменить тебе сигнальную вахту на командирском мостике, когда корабль идет в кильватерной колонне и переговаривается с соседями при помощи флагов, прожектора, гудков и ракет!

Вон на рее флагмана взметнулся белый флаг с красным крестом.

— Люди! — крикнул сигнальщик.

И, увидев второй флаг, желто-синий, снова крикнул:

— Покой!

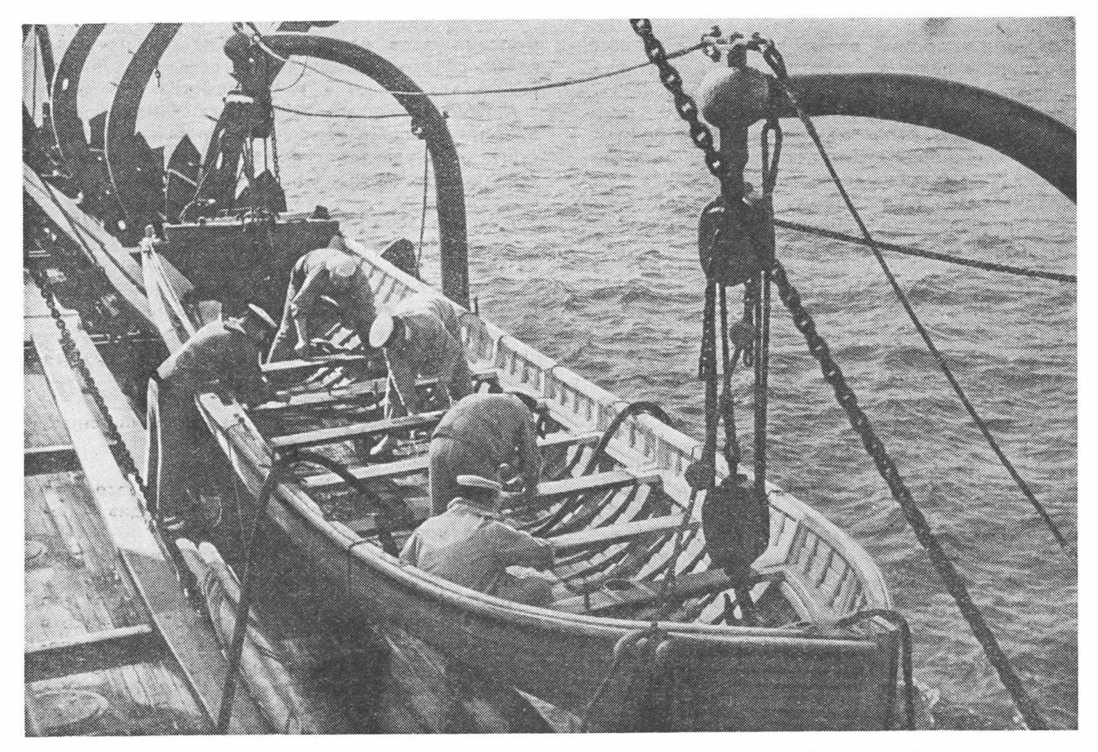
«Люди», «покой»! Странно звучит это для непосвященного. Означает же: «люди» — левый поворот, «покой» — правый.

Низко летит чайка, и будто слышно, как крыло птицы коснулось мачты.

Море лежит спокойное, сонное. Зеленая его вода кажется густой и плотной. Она нехотя расступается, чтобы пропустить корабль вперед, сразу же смыкаясь за кормой и не оставляя никакого следа. Полное безветрие. Это тревожит тех, кому предстоит идти завтра на шлюпках под парусами. Они мечтают, чтобы

Зимой в училище курсанты уже познакомились с основами высшей математики, астрономии, навигации, а здесь, на корабле, они практически изучают навигационные приборы.

Шлюпочные команды уже на местах и готовят свои суденышки к походу...

задул ветер, да посильней. Узнали б об этом желании дачники, населяющие побережье, мимо которого плывет «Комсомолец»!..

А за ночь ветер и в самом деле поднялся. Хороший, попутный! Шлюпочные команды уже на местах и спускают свои суденышки за борт. Качнулся в воздухе подхваченный стрелой шестивесельный ял, качнулся и пошел вниз, мягко и плавно. А вслед за ним летят по канатам матросы, летят с такой быстротой, что, кажется, вот-вот искры брызнут...

Шлюпки жмутся пока к борту корабля, словно не рискуя расстаться с ним. Но им придется все же подчиниться веслам, которые, пружиня и выгибаясь, расталкивают воду, придется подчиниться парусам, которые взлетают на мачтах, трепещут, надуваются, стонут под ветром. Шлюпки заходили теперь кругами. Постороннему наблюдателю может почудиться, что делают они это зря, без всякого смысла. И вдруг — для настоящего моряка это вовсе не вдруг — легли все разом на курс и понеслись на всех парусах. Что за чудесное зрелище!

...«Комсомолец» идет в районе былых боев.

На полуюте стоит окруженный друзьями рослый, плечистый юноша — Эрик Ковалев, недавний нахимовец. Он показывает в сторону продолговатого острова и говорит тихо:

— Там на миноносце погиб мой отец.

И другой юноша — Виктор Носов, — обняв за плечи Ковалева, произносит так же тихо:

— Тут убили и моего батьку. На берегу дрался. В морской пехоте.

Все снимают бескозырки. Молчат. Посуровели лица, затуманились взоры.

Балтика...

Здесь топили врага наши подводные лодки.

Здесь шли в атаку торпедные катера.

Здесь — вон на том мыску — стоял насмерть отряд курсантов-фрунзенцев.

Памятные, священные места!..

К вечеру «Комсомолец» входит на рейд большого порта.

Теплый вечер на рейде всегда настраивает на лирический лад: хочется послушать баян, спеть песню. Кто-то из курсантов, вышедших на верхнюю палубу покурить «у фитиля», вдруг начал декламировать:

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!

— Это Пушкин про своего друга написал,— отзывается на стихи совсем юный курсант с пухлыми щеками, еще не знавшими бритвы,— про Федора Матюшкина.

Матросской беседе «у фитиля» долго не погаснуть, раз уж она разгорелась.

— До чего же хорош край наш алтайский! — задумчиво говорит Валерий Чекалин.— Жаль только, моря нет... Земля у нас богатая. Вот мой отец ветвистую пшеницу выращивает. Зерна мне прошлой осенью прислал. Посмотрите.

Он высыпает из крошечного кулечка, который всегда носит с собой, сухие, темные зернышки, и пошли они с ладони на ладонь, драгоценные, алтайские.

— В сентябре приеду — в самую охотничью пору попаду. Ждет меня, ребята, Каштан. Ох, и умный же пес! Уйдем, бывало, на рассвете в лес, возвращаемся к ночи. Иду с добычей, а Каштана вперед высылаю. Бежит, заливается от счастья. Мать моя встречает его на пороге и давай стыдить: «Эх вы, охотнички-бедолаги, опять пустыми пришли». Обидно псу. Скулит, ко мне несется, торопит: скорей, мол, иди, показывай богатство, а то хозяйка мне не верит...

— Да, — отвечая на какие-то свои мысли, произносит громко Андрюша Моргунов, большого роста курсант, которому все обмундирование шьется на заказ,— как-то сейчас в моем городке? Давно я там не был. С войны пришел — весь горизонт просматривался: пусто. Выжжено все, разбито. Пишут мне: отстроились. Новый завод пустили.

Белобрысый, веснушчатый, голубоглазый Герман Стариков — люберецкий житель — бросает веселой скороговоркой:

— Приеду в отпуск — сразу на завод, в бригаду. Лекальщик я. Поработаю с недельку. Руки чешутся.

— А потом заскучаешь, к морю потянет, — вставляет кто-то.

— Потянет, — соглашается Стариков. — Теперь уж обязательно потянет...

Весь этот разговор слышен на мостике. Там стоит Андрей Андрианович Романов. Улыбается. Вспоминает юность. Думает о славных своих птенцах — вот этих юношах,— которых ему растить и выпускать потом в полет.

Склянки бьют полночь.

Завтра с восходом солнца «Комсомолец» покинет рейд и снова уйдет в открытое море.

Отдохнув после напряженного учебного дня, курсанты собрались послушать доклад о международном положении. Читает действительный член Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний старший лейтенант Ю. В. Савин.

В. Г. Пузырьков.

«Огонек» 1950.

И. В. СТАЛИН НА КРЕЙСЕРЕ «МОЛОТОВ».

Всесоюзная художественная выставка 1949 года.

Под американской пятой

Юр. КОРОЛЬКОВ

Почти год назад в маленьком городке Западной Германии Бонне состоялся заключительный акт послевоенной немецкой трагедии. Под надзором верховных комиссаров западных держав было сформировано так называемое «правительство» западногерманского лоскутного государства. В этот мрачный и дождливый день, 7 сентября, церемония по оформлению раскола Германии завершилась молебствием в боннских кирхах. Немецкие квислинги возносили хвалу американскому золотому тельцу, благословившему их на грязное предательство немецкого народа.

В то время, когда в Бонне звонили колокола, в районах Фульды и Нюрнберга слышались лязг гусениц и рев танковых моторов. Здесь происходили маневры англо-американских войск. В качестве военных советников на учениях присутствовали бывшие фашистские генералы Гудериан, Гальдер, Мантейфель...

Прикрываясь «независимым» — не зависимым от немецкого народа — правительством боннских марионеток, американские дельцы еще более нагло и цинично, чем прежде, проводят свою политику грабежа и милитаризации Западной Германии, превращая ее в арсенал и военно-экономическую базу агрессивного Северо-атлантического блока.

Не так давно верховные комиссары Соединенных Штатов, Англии и Франции издали закон № 24, направленный якобы на то, чтобы установить контроль над производством военных материалов в Западной Германии. Однако на деле этот закон предоставил германским монополистам право производить не только взрывчатые вещества, но и химические средства.

В специальной директиве комиссары перечисляют целый ряд материалов, различных видов оружия, производство которых будто бы запрещено. Но уже в первом разделе имеется примечание, которое разоблачает «миролюбие» англо-американских и французских империалистов. В этом примечании сказано, что производство, хранение и транспортировка оружия, боеприпасов, бронематериалов и т. п. имущества запрещается «без разрешения, выданного отделом безопасности». А с разрешения, точнее, по указанию оккупационных властей?.. Об этом скромно умалчивается... Таким образом, директива не только не запрещает, а даже узаконивает производство военных материалов, начавшееся уже на старых военных заводах.

Обрядившись в тогу миротворцев, поджигатели войны сочли нужным особо оговорить и всемерно подчеркивать, что они якобы разрешили германским военным магнатам свободно производить лишь «игрушечное оружие для стрельбы, которое в состоянии вызвать взрыв с целью звукового эффекта», а также «луки, стрелы и арбалеты».

Но эти «детские забавы» вызывают все большую тревогу у простых людей Западной Германии.

Еще два года назад в Людвигсгафене на заводах «ИГ Фарбениндустри» произошел грандиозный взрыв, унесший сотни человеческих жизней. Эта катастрофа раскрыла перед всем миром тайные приготовления англо-американских властей к новой войне.

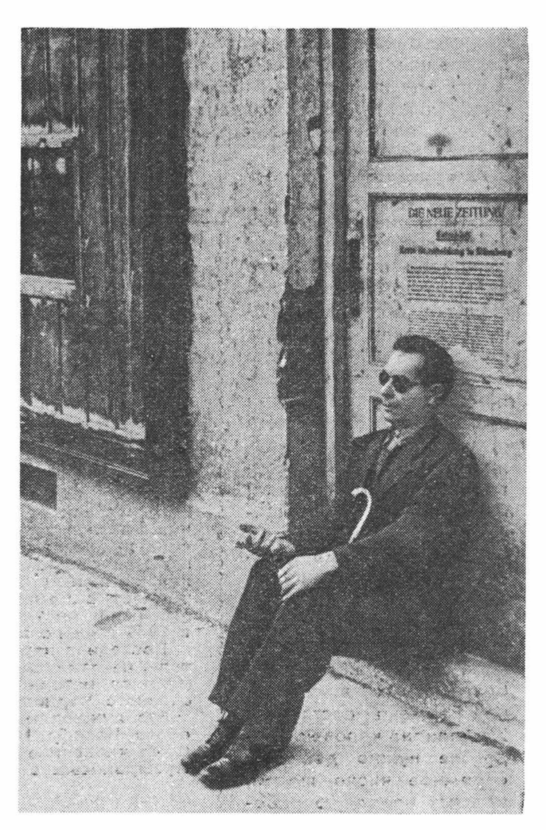
Мне представилась возможность получить из достоверных источников информацию о том, какие именно «игрушки» выпускают германские монополисты с ведома и по прямому указанию англо-американских властей. Среди этих «игрушек» — части для огнестрельного оружия, вырабатываемые в Альтоне, около Гамбурга, танки и запасные части к ним, выпускаемые в самом Гамбурге на заводе «Блом унд Фосс» по распоряжению британской администрации.

На заводах Круппа верховные комиссары одобрили производство зарядов для реактивных двигателей. Металлургический завод «Конкордия Хютте» в Кобленце выпускает специальную сталь и корпуса для танков. К производству специальных сортов стали, предназначенной для изготовления брони, приступило и другое металлургическое предприятие в Западной Германии — крупповский завод «Видиа». Завод «Хильгерс» в Ролобле строит военные понтоны. Фирма «Берке» в Хагене получила заказ на колючую проволоку для заграждений.

На немецких заводах изготовляются маскировочные сети, деревянные приклады для винтовок; химические предприятия выпускают взрывчатку, различные сорта пороха, горючее для реактивных снарядов типа «Фау-2».

Так выглядят в действительности детские хлопушки, луки и арбалеты, милостиво допущенные к производству американскими гаулейтерами и их подручными в Западной Германии.

Установлено, что в ряде городов — в Бременгафене, Барке, Остерхольце, Шармбеке — созданы склады оружия, достаточные для оснащения пяти дивизий. Подготовляются военные склады и в таких городах, как Бад Тельц, Мюнхен-Сольм, Гайдельберг. Для перевозки оружия из Бремена биржам труда в Нижней Саксонии в секретном порядке было предписано направить несколько сот шоферов.

Инвалид войны.

Используя отчаянную нужду немецкого населения, вызванную безработицей, англо-американские вербовщики всячески пытаются вовлечь молодежь и взрослых трудящихся в военизированные соединения. В начале этого года в городе Бюкебюрге появилось такое объявление: «Биржа труда ищет для английской службы безопасности 80 мужчин в возрасте от 35 до 40 лет, ростом не ниже 175 сантиметров». Но охотников идти на военную службу не нашлось. Тогда биржа труда в принудительном порядке стала направлять безработных в распоряжение английской администрации. В случаях отказа безработные лишались своего нищенского пособия.

Так начинается «трудовое» утро у спекулянтов-подростков Гамбурга. Шеф поручил распродать новую партию американских сигарет. Сегодня воскресенье — и малолетние спекулянты рассчитывают на «большой бизнес».

Одно из западных телеграфных агентств сообщало, что во французском иностранном легионе насчитываются десятки тысяч немецких солдат. Их используют в борьбе с народной армией Вьетнама. Один из легионеров, работающий в штабе иностранного легиона, сообщает, что в Сайгон прибывает каждые две недели тысяча немецких солдат. К началу этого года общие потери убитыми и ранеными среди немецких солдат иностранного легиона превышали уже 40 тысяч человек. Вербовка немецкой молодежи в иностранный легион приобрела столь значительные размеры, что даже боннский «президент», под давлением требований коммунистической фракции, поддержанной широкими слоями населения, был вынужден обратиться к оккупационным властям с ходатайством о «сокращении» этой вербовки.

Готовясь к войне, англо-американские империалисты не останавливаются ни перед какими, самыми чудовищными преступлениями. Группа немецких борцов за мир, рискуя свободой и жизнью, собрала серию разоблачительных снимков, которую и прислала вместе с письмом в редакцию «Нейес Дейчланд».

В письме рассказывается, что в начале апреля, через несколько дней после того, как закончилось совещание начальников генеральных штабов стран Северо-атлантического пакта, на берегу Рейна, в районе Гоарсхаузена, появилась группа офицеров во главе с американ-

Так развлекаются янки в Западной Германии.

ским полковником. Внимание штабных офицеров привлекла известная скала Лорелей, овеянная легендами и воспетая немецкими поэтами. Но сотрудников объединенного штаба интересовали отнюдь не прекрасные ландшафты, открывающиеся с вершины скалы. Они заняты были другим. В районе скалы Лорелей многоводный Рейн протекает в узкой теснине. Именно здесь взрыв скалы может загородить течение реки и вызвать наводнение во всей Рейнской долине до самой швейцарской границы. Эта перспектива и вдохновила поджигателей войны.

На совещании было решено уже сейчас подготовить взрыв, чтобы затопить всю плодородную долину, все города и села на протяжении 200 с лишним километров и тем самым ценой гибели миллионов немцев создать водный оборонный рубеж. Американские офицеры начали подготовку к этому грандиозному взрыву. Немецкие патриоты, разоблачившие подготовку нового преступления агрессоров, сфотографировали работу саперов-подрывников, которая велась в строжайшей тайне. Только у скалы Лорелей было сооружено 22 минных шахты глубиной в 4,5 метра и 3 длинных подземных тоннеля.

Когда преступники были разоблачены, сторонники мира в Западной Германии приняли решение провести на скале Лорелей митинг протеста, но им в этом категорически отказали.

Усиленная ремилитаризация Западной Германии, гонка вооружения и подготовка пушечного мяса — только одна сторона реакционной политики западных держав в Европе. Другая сторона этой политики — колониальный грабеж оккупированной территории, экономическое закабаление населения Западной части Германии. Уже сейчас задолженность боннской «республики» составляет не меньше 15 миллиардов марок. И это не считая того, что американские ростовщики самоуправно выкачали из Западной Германии в форме скрытых репараций более 12 миллиардов долларов. Сюда не входит также огромная задолженность по «плану Маршалла», хотя известно, что в счет этой «помощи» американские дельцы поставляют в Западную Германию всяческие отбросы, включая... веники и щетки для мытья полов.

Но и этого мало. Сейчас обсуждается вопрос о взыскании с Западной Германии старых, довоенных долгов. Немецкий народ хотят таким образом заставить расплачиваться за кредиты, предоставленные чуть ли не 30 лет назад американскими промышленными магнатами по плану Юнга и Дауэса. Миллиарды долларов, переданные в свое время американцами на восстановление германского военного потенциала и затраченные на подготовку второй мировой войны, теперь хотят взыскать с трудящихся Германии. Разумеется, это тяжелое бремя не распространяется на рурских магнатов, химических королей и прочих германских военных преступников, связанных с магнатами Уолл-стрита тесными узами взаимной наживы за счет народа.

Непрерывно возрастают в Западной Германии и оккупационные расходы, которые в значительной части используются заморскими и заокеанскими реакционерами на подготовку к войне. В одной лишь французской зоне эти расходы в текущем году возросли в полтора раза, с 600 до 900 миллионов марок. Фактически оккупационные расходы, по сообщению самих американских газет, в 1950 году достигают 5,5 миллиарда марок.

Одновременно с неслыханным грабежом идет дальнейшее разрушение мирной промышленности Западной Германии. Продолжающийся демонтаж немецких предприятий подрывает основу западногерманской экономики. Опасаясь немецкой конкуренции, международные торгаши делают все, чтобы задержать развитие мирной экономики Германии. Сохраняя в неприкосновенности военные предприятия, американские подрывники закрывают мыловаренные, пуговичные, часовые заводы.

В то время как Германская демократическая республика имеет активный внешнеторговый баланс, на западе немецкий экспорт далеко отстает от импорта.

Американский верховный комиссар Макклой в одном из последних своих выступлений был вынужден признать, что западногерманский дефицит в области внешней торговли составляет ежедневно 2 миллиона долларов. Таким образом, только в области внешней торговли на эту сумму каждый день увеличивается задолженность Западной Германии иностранным ростовщикам.

Политика американских империалистов приводит к катастрофическому обнищанию трудящихся. Достаточно сказать, что количество безработных в Западной Германии составляет 2 миллиона человек. Сюда же нужно добавить огромное число людей, занятых неполную рабочую неделю.

В еще более тяжелом положении находятся немецкие переселенцы из восточных областей. Искусственно ввергнутые американской реакцией в безысходную нужду, миллионы этих людей стоят на грани вымирания от голода. По статистике, ежедневно кончают жизнь самоубийством 50 переселенцев. Американские провокаторы, умышленно создавая невыносимые условия жизни для миллионов переселенцев, разжигают среди них реваншистские настроения, чтобы использовать обездоленных и доведенных до отчаяния людей в своих агрессивных целях. Масштабы этой американской провокации, этой политической спекуляции на нужде миллионов людей будут еще более ясны, если учесть, что в Германской демократической республике, где процент переселенцев значительно выше, чем на Западе, все они в результате аграрной реформы уже получили помещичью землю или устроены на работу в городах республики.

Американские империалисты изыскивают все новые пути для осуществления своей реакционной политики, которая усугубляет обнищание и закабаление трудящихся Западной Германии. После захвата Саарской области и отторжения немецких районов на голландской и бельгийской границах, после включения Боннской «республики» в «предбанник» Северо-атлантического пакта — в так называемый европейский совет — встал вопрос о пресловутом «плане Шумана», который должен окончательно передать рурскую тяжелую промышленность в руки американских поджигателей войны.

Но трудящиеся Германии все более активно выступают против империалистической политики американских поджигателей войны. Они усиливают борьбу за свое национальное единство, против военной опасности, против замыслов международной реакции. Немецкий народ все шире включается в единый демократический фронт борцов за мир.

Только за последние месяцы в Западной Германии в городах и крупнейших районах возникло более 200 комитетов в защиту мира. Гамбургские и бременские портовые рабочие выступают против разгрузки американских транспортов с оружием. Немецкие рабочие требуют прекращения военного производства на германских предприятиях.

Сторонники мира собрали в Западной Германии в условиях жесточайшего террора и преследования более 2 миллионов подписей под Стокгольмским воззванием о запрещении атомного оружия. 30 тысяч немецких юношей и девушек, прорвав зональные рогатки, приехали на Всегерманский слет немецкой молодежи в Берлин и демонстрировали за мир вместе с молодежью Германской демократической республики.

Растущее сопротивление немецкого народа гибельной политике американских империалистов подрывает почву под их агрессивными, человеконенавистническими замыслами.

Виктор Пузырьков

В этот номер вложена репродукция картины «И. В. Сталин на крейсере «Молотов» художника В. Г. Пузырькова

Молодой киевский живописец лауреат Сталинской премии Виктор Пузырьков посвятил свое творчество советскому Военно-Морскому Флоту. Он написал три большие картины — «Непокоренные», «Черноморцы» и «И. В. Сталин на крейсере «Молотов».

Пузырьков родился в 1918 году в городе Днепропетровске. Окончив местное художественное училище, он затем поступает в Киевский художественный институт. С первых дней войны Пузырьков — в рядах Советской Армии, в кавалерийской дивизии. Под Каневом художник-боец был тяжело ранен. Выписавшись из госпиталя, он уезжает в Самарканд, куда был эвакуирован Киевский художественный институт. Заканчивает его Пузырьков уже в Киеве в 1946 году по мастерской академика живописи А. А. Шовкуненко.

Последняя картина Пузырькова «И. В. Сталин на крейсере «Молотов», печатаемая в этом номере, рассказывает о радостном для всех моряков историческом дне посещения Иосифом Виссарионовичем славного Черноморского Флота.

Это лучшая картина Пузырькова, воссоздавшего замечательный образ Иосифа Виссарионовича Сталина. Глубокая человечность, необыкновенное обаяние, большая душевная теплота подчеркнуты Пузырьковым в облике вождя.

ЧЕЛОВЕК НАШЕЛ СЕБЯ

Герберт А. ЛАНГЕР

Рисунки Л. Бродаты

Герой повести немецкого писателя Герберта А. Лангера «Человек нашел себя» Петер Боланд, квалифицированный слесарь-механик, вернулся с фронта инвалидом, без ноги. Боланд и его семья живут в западной части Берлина, в британском секторе. Дома его встретили нужда и безработица.

После тщетной попытки вернуться на завод «Демаг», где Боланд работал до войны, он по совету старого друга Франца едет в советскую зону оккупации и поступает на машиностроительный завод. Послевоенный, 1946 год. Рабочие прогнали хозяина-нациста, и завод перешел в собственность народа. Подъем рабочих заражает и Боланда. Он горячо принимается за работу.

Автор показал в своей повести две части расколотой империалистами Германии: западную, где царят волчьи законы наживы и эксплуатации, где бывшие нацисты — владельцы предприятий — сотрудничают с американскими и английскими оккупантами, и восточную часть Германии, где предприятия нацистов принадлежат теперь народу, а рабочие-активисты с энтузиазмом строят новую жизнь.

Ниже печатается несколько эпизодов из повести Г. А. Лангера.

В ПЕРВЫЙ РАЗ ЗА ШЕСТЬ ЛЕТ я снова еду по старой, знакомой дороге. Окна в вагонах забиты картоном. Холод пронизывает кости. Люди выглядят, как ощерившиеся волки. Они еще не пришли в себя в эту первую послевоенную зиму. Их взгляд колюч, как взгляд хищного животного. В нем вспыхивают огоньки возмущения, когда они думают, что за ними не следят. Обычно их лица выражают усталость, равнодушие и покорность.

У вокзала Цоо мы переходим в метро. Под землей мокро и неуютно. Со стен течет, будто они стоят в воде. Приходит поезд. Все бегут. Конечно, меня обгоняют. Едва успеваю войти.

— И вам тоже приходится ездить в служебные часы? — спрашивает меня рабочий.

— А что, ты за меня будешь работать? — огрызаюсь я.

Он примирительно толкает меня в бок и тут же, как бы раскаиваясь, говорит:

— Я не хотел тебя обидеть, приятель.

Рейхсканцлерплатц сохранила свое название до ближайшего переименования. Темпы метро те же, темп жизни Берлина тот же. Двое подростков дерутся из-за окурка сигаретки, который швырнул американец. Он скалит зубы. Мне и другим не по себе.

Рулебен не узнать. Заводы, фабрики, маленькие домики —все сплошь развалины, покрытые снегом. Как жаль эти маленькие прелестные домики! Напротив заводы «Демаг». Две трубы устояли. Я останавливаюсь. Резкий, зимний ветер глубоко врывается в легкие. От него ширится грудь, стихает сердцебиение. Лениво взлетают галки. От их взлета тихо звенят телеграфные провода, укутанные снегом, как шубой. Карканье галок отвратительно.

Я крепче прижимаю костыли и иду по улице. До заводских ворот метров сто. Из проходной вырывается дымок. Сидит ли там Франц? Вот славно было бы! На мой стук отодвигается окошко. Вижу седую всклокоченную бороду. Я опираюсь на подоконник и хватаю ее рукой.

— Эй, ты, бродяга, не валяй дурака!

Мое сердце бешено колотится: Франц!

— Франц, мой старый добрый друг! — смеюсь я и радуюсь ему, как ребенок.

— Батюшки, Петер! — удивляется Франц.— Черт бы меня побрал! Ах, старый олух! Откуда ты взялся? Сейчас втяну тебя сюда через окошко!

Он всерьез готов сделать такую попытку.

— Входи, несчастный! — Франц тащит меня за воротник. Его лицо сияет, как иллюминированная рождественская елка. — Ну входи же! Погоди, я открою тебе дверь!

Слышно, как в будке падает стул. С шумом открывается маленькая дверь. Старик выскакивает, как ласка из норы, несмотря на свои шестьдесят лет, и, пораженный, останавливается, проводит рукой два раза по носу. Его маленькие глазки блестят.

— Что они с тобой сделали! — едва выговаривает он.— Кто, скажи? Иван? Томми? Или ами? [1]

— Ни тот, ни другой, ни третий, старина!

— Тогда кто же?

— Наш «горячо любимый фюрер». Но об этом после. Войдем, я замерзаю.

Франц недоверчиво косится на меня. Потом пропускает вперед. Я сажусь на скамью у печки.

— Есть у тебя покурить?

— Для тебя, Петер, конечно. Сам готовлю табачную смесь. Вот на закрутку, жаль, нет листика. Оторви от газеты. Когда ты вернулся?

— С неделю назад.

— И сразу сюда?

— Посмотреть, как вы тут живете.

— Молодец, Петер, правильно поступил!

Франц растроган.

— Но не только повидаться...— добавляю я.

— А что еще?

— Хочу снова у вас работать.

Франц сопит, как кролик.

— Минутку, кто-то идет,— говорит он, затем поворачивается на своем стуле и отодвигает форточку. — Нет никого. Мне показалось.

Пауза.

— Значит, хочешь снова у нас работать, Петер?

— Да.

— Вот оно что! — Франц берет свою изгрызанную трубку, осторожно набивает ее табаком и прикуривает у печки.

— А ты знаешь, что у нас происходит? — спрашивает он.— Нет, не знаешь? Но уже по дороге сюда ты мог это заметить. Сегодня ты двадцатый по счету. Мы ничего не делаем.

— Но ведь две трубы еще дымят?

— Все для виду. Обходимся десятком ребят. А старик-хозяин вернулся. Когда тут началась заваруха, он где-то притаился, а когда появились томми, он молнией примчался назад. Разумеется, не в своей коричневой форме. Воскрес, как этакий солидный буржуа. Правда, не такой молодцеватый, как в былое «великое» время. «Франц,— говорит мне хозяин,— так должно было кончиться. Они не только уничтожили всю Германию, но и мой завод на их совести. А ведь мы,— говорит он,— выпускали мирную продукцию»,— и предлагает мне сигаретку с тонким табачком. Такой мне не купить: не по карману. «Да,— говорит он,— мы всегда работали только для мирных целей и будем продолжать нашу работу. Я уже договорился с оккупационными властями,— они не возражают. Я всегда был лойялен...» — Старая каналья! Понимаешь, Петер, теперь он нашел новый ход. Он делает для томми все, что те хотят,— начиная с радиоаппаратов и кончая холодильниками.

[1] Томми, ами — англичане, американцы.

А попутно старик продает на сторону утюги и электроплитки. В общем он неплохо устроился, сохранил фирму, ездит в своей машине и курит «ами» [1]. Но старый «Демаг», каким ты его знал, еще не ожил. Может, он и встанет когда-нибудь на ноги; сейчас еще рано. Думается мне, старик и сам этого не хочет. Так у него забот меньше, а свое он получает. Вот какие дела, Петер!

Меня это известие взволновало.

— Так, так...— разочарованно тяну я.— Ты думаешь, он не сможет меня использовать?

— Нет, я не думаю этого,— горячо отвечает Франц.— Работа для тебя, конечно, найдется. Ты всегда был одним из лучших рабочих. Спроси его, поговори со стариком.

— Хорошо, так я и сделаю,— облегченно вздыхаю я.

— Кто еще остался из прежних?

— Кроме меня, Густав Застров, который был начальником цеха, помнишь? Потом Оскар, он возился с иностранными рабочими. И больше никого!

Франц становился все угрюмее. Но вот он встрепенулся, смотрит мне прямо в глаза:

— Не хочу тебя обнадеживать, Петер. Старик до сих пор принимал обратно только тех, кто был у него в то время на хорошем счету. Эрнста Кюнерта, который открыто возмущался обращением с польскими рабочими, старик вежливо уволил. Двух других, Пауля и Иозефа, из учебного комбината он выставил за то, что они выучили молодых рабочих и не отдали их на войну. А я? Чего я стóю, старый человек, к производству не имеющий никакого отношения! Ты огорчен? — сочувственно говорит Франц.— И все-таки советую тебе, иди к старику. Ты с ним не сталкивался. Он тебя, пожалуй, примет.

— Значит, вы все теперь паиньки? — иронически спрашиваю я.

— Думаешь, я зря обрадовался, когда увидел тебя? — тепло отвечает Франц и протягивает мне свою коробочку с табаком.— Возьми, курни еще раз!

— Нет, Франц, не сейчас. Раньше я схожу к нему. Может быть, потом твой табачок мне будет нужнее...

КОРИЧНЕВАЯ ДОРОЖКА ВЕДЕТ в первый этаж, в правление завода, как и раньше. Здание сохранилось. Разрушены два больших цеха. Остальные почти без стекол. Двор и асфальтированные дорожки забиты ломом и мусором. Работой и не пахнет. О восстановлении и речи нет.

«Дирекция. Запись на прием в комнате 7». Стучу. Никто не отвечает. Дверь заперта. Иду дальше. Другая дощечка: «Дирекция. Доктор Келлер».

Эмаль немного потрескалась. Стучу снова. При этом роняю на пол костыль. Пока я нагибаюсь, чтобы поднять его, дверь открывается.

— Что вам нужно? — спрашивает знакомый голос.

— Здравствуйте, господин директор.

— Здравствуйте, что вы желаете? — недоверчиво смотрит он на меня.

— Я хотел бы спросить...

— Почему вас пропустил сторож? Если каждому, кто придет сюда, я буду подавать, то далеко не уеду...

Кровь заливает мое лицо.

— Я совсем не хочу...

— Меня не интересует, чего вы хотите! Поняли? В конце концов столько расплодилось этих нищих, возвращающихся на родину. Каждый день осаждают целые шайки. Нам не лучше, чем вам. У нас такие же карточки и скромный заработок!

Он роется в жилетном кармане, вынимает пачку измятых бумажек и сует одну мне.

— Вот, возьмите марку и проваливайте. Я не желаю больше вас видеть, понятно? — И после короткой паузы: — Ну, убирайтесь!

Я побелел, как мел. Руки чешутся, так хочется дать ему в морду. Он шагнул назад, вероятно, выражение моего лица все ему сказало. Но я должен помнить о своей жене Кати, о своей дочурке Бербль. Только бы не вскипеть. Стараюсь держать себя в руках.

— Господин директор,— спокойно говорю я,— вы ошибаетесь. Я не за милостыней, я один из ваших старых рабочих, Петер Боланд. Работал у вас слесарем-механиком и монтером. На прошлой неделе я вернулся из плена. Я слышал, что завод снова пустили, и пришел узнать, не используете ли вы меня по специальности.

— Вот оно что...— медленно говорит он, потом поджимает губы и для успокоения закуривает «амишку».

— Тогда войдите. Что-то не припоминаю вас. Ну, входите же!

Он возвращается в свою комнату и не закрывает за собой дверь, чтобы я прошел за ним.

Большой письменный стол, дорогой ковер во всю комнату. Два кожаных кресла, столик для сигар. На стене светлое пятно. Раньше там висел «он» [2]. Небольшая картина со скромным деревенским ландшафтом не вполне закрывает пятно.

— Ну, подходите поближе! — он придвигает ко мне стул.— Значит, вы хотите опять работать у меня?

Я молча киваю в ответ.

— Так-с, милый мой, э-э-э... как вы назвались?

— Боланд,— сухо отвечаю я.

— Так-с, милый Боланд, все не столь просто, как вы себе представляете. Вы приходите сюда и говорите: «Я хочу снова у вас работать». Вы не должны забывать, что мы, как это ни прискорбно, проиграли войну. Если бы у «Демага» было такое положение, как прежде, я бы сказал: «Почему же нет, пожалуйста»,— вот как бы я сказал. Ну, а сейчас имеются трудности.

Все время я молча наблюдаю за ним. Мои руки бессознательно перебирают костыли, которые лежат у меня на коленях.

— Так-с,— неуверенным голосом продолжает директор,— видите ли, мы теперь маленькое предприятие. Цехи разрушены. Трубы не дымят. Сырья нет. Вот каково положение, понимаете? Только на прошлой неделе я вынужден был уволить хорошего рабочего. Совсем здорового парня. Да, я должен был его уволить, потому что лавочка не выдерживает,— заключает он.

Сам себе удивляюсь. И чего ради я тут сижу? А он все говорит. Я его почти не слышу. Еще до того, как я вошел сюда, я знал, что это напрасная трата времени. Наконец он умолк. Закуривает новую сигарету.

— Гм... Э-э-э... Курите? — и протягивает мне свой портсигар.

Вижу ряд сигарет с голубой этикеткой, набитых золотисто-желтым табаком. У меня слюнки текут. Проглотил, еще раз проглотил.

— Благодарю вас, я теперь не курю!

— Так-так,— коротко роняет он.— Охотно принял бы вас на работу, если бы была возможность. Ведь каждый привязан к старым рабочим, и я был бы последним человеком, если бы не помог тому, кто нуждается. В конце концов все мы люди, все товарищи, мы — немцы.

Он начинает меня забавлять.

— Я должен, наконец, подумать о собственной семье,— бубнит директор.— Мой сын учится в Геттингене, моя дочь — в Мюнхене. Я проживаю последние крохи. Вся эта лавочка не приносит прибыли. Ничего не приносит. Жалованье я плачу из собственного кармана. Мое положение прискорбнее вашего, можете мне поверить. Если так будет продолжаться, я через две недели закрою лавочку. Хватит, пора отдохнуть! Буду тоже сидеть без дела, затяну пояс потуже. Да, милый мой, очень сожалею, охотно помог бы вам, но...

Он дергает плечами, как общипанный коршун, приподнимается, потом отодвигает стул, упираясь мясистыми руками о письменный стол.

— Разумеется, когда нам понадобятся люди, когда мы опять начнем выпускать машины, тогда приходите безо всякого стеснения. Если придется поставить вам скамейку у машины, что ж, пожалуйста. Вы жертвовали собой за родину. Это не пустяки... В конце концов мы все товарищи — немцы, мы в нужде и в смерти едины, мы помогаем один другому, мы...

Я поднялся. От этого националистического романса меня тошнит.

— Ни в коем случае не обижайтесь, слышите, не обижайтесь. Рад был встретить одного из моих старых рабочих. Если в один прекрасный день Германия воспрянет, я вспомню о вас. Есть свои, внутренние обязательства...

Я буквально задыхаюсь. Уходя, я не смотрю на него, не прощаюсь. Я счастлив, что могу наконец избавиться от него. Сойдя вниз, я опираюсь о стену. Снег на крышах сверкает под солнцем. Кругом так хорошо!

ФРАНЦ ЖДЕТ МЕНЯ С НЕТЕРПЕНИЕМ.

— Он негодяй!

— Отказал? — сочувственно спрашивает Франц.

— Не в том дело. Сперва он на меня набросился, как на назойливого попрошайку. Потом стал в позу националиста. Меня чуть не стошнило. Мне кажется, прими он меня на работу, я бы все равно долго не продержался.

— Понимаешь, Петер,— говорит с облегчением Франц, видя, что я не принимаю все так трагически, как ему показалось вначале,— в том-то и дело! Думаешь, я рад, что служу у этого кровопийцы? Думаешь, я мог бы пожать ему руку с благодарностью? Да, я зарабатываю свой хлеб, но как он горек! Поверь мне... Что же ты теперь собираешься делать?

— Сам не знаю! Я так твердо надеялся на работу здесь, у вас; сейчас я действительно растерялся.

— Понимаю тебя, Петер. Но так ты не прокормишь ни себя, ни свою семью.

— В том-то и дело, Франц, это — главное, что меня заботит. Один я мог бы и поголодать. За войну научился. Даже, если все полетит к черту, я один как-нибудь протяну. То там, то тут что-нибудь да отыщется. Но мне нужно что-то прочное. Ты, кажется, знаешь мою жену?

— Конечно! Ты был с нею у нас летом, помнишь?

— Так вот, Франц, я очень беспокоюсь, что она надорвется. Ей надо прокормить и себя и ребенка. А тут еще я сел ей на шею. Три уборки ежедневно. В перерыв она стоит в очередях за продуктами, потом стряпает дома, стирает, чинит одежду, штопает... Ты это знаешь не хуже меня. Я должен ей помочь. И вот ничего не получается. Мне необходимо иметь какое-нибудь занятие. Я хочу знать, для чего живу. Шесть лет ушли на войну, на плен. Не могу же я побираться сегодня здесь, завтра там. Мне надо зарабатывать. Мы хотим жить. Не знаю, Франц, понимаешь ли ты меня? Я должен чего-то добиться!

Старик смотрел на меня добрыми глазами. Я прочел в них такое сочувствие, какое люди редко испытывают друг к другу.

— Петер, я-то хорошо знаю, что с тобой происходит. Ты фантазер, но ничего не поделаешь. Ты прав. Конечно, я мог бы тебе сказать: «Выхлопочи себе пенсию, стань на углу с шапкой в руке, спекулируй

---

[1] Американские сигареты.
[2] Гитлер.

помаленьку». Вы бы прожили кое-как. И, может, даже неплохо. Не знаю, как отнесется к этому твоя жена.

Он доверчиво кладет руку на мое плечо.

— Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь. Вначале ты боялся, что вы будете голодать, если у тебя не будет работы. Теперь ты не хочешь, чтобы вместо тебя работала жена, потому что у тебя есть обязанности перед семьей. И еще тебе нужна настоящая работа — по твоей специальности. Все это нелегко втиснуть в один корсет. Да,— соображает он,— если ты...— и смотрит испытующе на меня.

— Если я... Франц?

Он молчит. Возится у печи. И будто невзначай спрашивает:

— Кто тебя стукнул, Иван или ами?

— А при чем тут это? — удивленно спрашиваю я.

— Потом объясню.

— Какое же это имеет отношение к делу? — снова спрашиваю я, потому что не пойму, куда он гнет.

— Знаешь, после всего, что слышишь и читаешь...

— Ерунда все это, Франц! — твердо говорю я.— Я попал в госпиталь. Там меня лечили, поили, кормили, поставили на ноги и отправили домой.

— А не пытались они до этого превратить тебя в коммуниста? — спрашивает Франц.

Я смеюсь:

— Да ты с ума сошел! Что тебе взбрело на ум?

— Так люди говорят... Каждый, кто приезжает из России домой,— настоящий коммунист.

— Теперь, позволь, Франц, я тебя спрошу. Думаешь, это так уж плохо? Может быть, мы были бы тогда лучше подготовлены к этой обезьяньей комедии, которая разыгрывается в Западной Германии. Ты только посмотри на своего доктора Келлера. Можешь быть махровым националистом, но пусть он поговорит с тобой так, как со мной, и ты станешь красным. И не от бешенства...

Франц три раза подряд сосет трубку, глубоко затягивается дымом.

— Я старый социалист,— серьезно говорит он.— Ты это знаешь, Петер. Ты целиком прав. Это было бы неплохо. Больше того, это было бы хорошо. Кто настоящий социалист? Только тот, кто настоящий коммунист. А после всего, что мы пережили, мы все должны быть ими. Поэтому я не возражаю против того, чтобы объединить социал-демократическую и коммунистическую партии. Только в этих кварталах Берлина и на Западе это труднозато. Гротеволь и Пик хотят этого давно. А Нейман и его прихвостни у нас, Шумахер и другие на Западе отмахиваются руками и ногами. А знаешь почему? Потому, что боятся потерять свою англо-американскую кормушку. И раз уж мы об этом заговорили, скажу тебе всю правду. К оккупационной политике, которую проводит Русское социалистическое государство, не придерешься. И рабочий это ценит, кто бы он ни был,— социалист или коммунист. Таких голубчиков, как наш Келлер, русские давно прогнали. Как ты думаешь?

— Не могу судить, Франц,— честно сознаюсь я.— У меня еще нет своего мнения об этом.

— Тогда слушай! В декабре прошлого года мне прислал письмо один старый приятель, Отто Кюн из Эйзенаха. Пишет, что они там снова начали работать на машиностроительном заводе BMW. На этот год, сорок шестой, выработали точный хозяйственный план. Они улучшили снабжение группы «6» и разрешили свободную продажу сельскохозяйственных продуктов после того, как крестьяне выполнили поставки государству. В январе они разработали план по обеспечению рабочих продовольствием и промышленными товарами. Созданы народные банки, вновь открыты народные школы, а в нынешнем месяце введен восьмичасовой рабочий день; промышленности предоставлены долгосрочные кредиты. Новостройки, ссуды переселенцам. Налажен контроль над ценами и еще и еще многое, всего не перечислишь. Знаешь ли, что это такое? Не знаешь? Это значит — строительство, это значит — хозяйство идет на лад, мирное хозяйство. Это значит — в гору, понятно?

Франц разгорячился. Его маленькие глазки сверкают, как у молодого. Он хлопает себя по коленям, с шумом кладет широкие ладони на стол.

Мне одно неясно.

— И ты сидишь здесь, в этой собачьей конуре?

— Что ты спрашиваешь? — обиделся он.— Я стар. Меня все это восхищает, но в мои годы уже поздно... Даже если я отсюда с треском вылечу, то на худой конец проживу на пенсию и огородишко. А зачем я тебе все это рассказываю, как ты думаешь, Петер? Затем, что это для тебя создано. Тут тебя доконает безработица, а там нужны квалифицированные люди. Я еще ни с кем так не говорил, как с тобой, потому что Келлеры скажут: «Старый олух!» — и выбросят меня на улицу. Ведь я на жалованье. Да, сынок, что правда, то правда! Чем тут занимаются томми или ами? Что они делают? Нас морят голодом, а сами выбрасывают хлеб в море. Кричат о демократии, о свободе народов, а делают прямо противоположное. Ты еще не знаешь. Ты только приехал. Посмотри на наших заправил! Кто они? Шланге-Шеннинген — старый наци. Куда делись нацистские банды? Все кинулись в своих коричневых куртках на Запад. Что ты видел на примере нашего хозяина? Он остался таким, каким был. Ну, а теперь подумай обо всем, что я тебе сказал!..

Во дворе слышен шум мотора. Гудит автомобильная сирена. Доктор Келлер в своей машине едет обедать. Франц мельком смотрит в окошко, потом снова обращается ко мне:

— С этой стороны,— он тычет пальцем через плечо,— тебе нечего ждать. Но зато с хозяином обделывают свои делишки томми и ами, а он с ними. И не возражай мне!

Он так плюет на раскаленную печь, что слюна шипит и закипает и легкое облачко пара подымается кверху.

ЭТОТ ДЕНЬ ПРИНОСИТ МНЕ ПИСЬМО:

«Дорогой товарищ!

Франц писал мне о тебе. В моем цехе есть еще свободное место. Опытные рабочие нам всегда нужны. Если ты решил, приезжай. Мы ждем тебя.

Отто Кюн».

По почерку видно, что рука писавшего не привыкла к перу. Неуклюже стоят буквы. Все закругления четко выведены, точки поставлены, где полагается. Это дает представление о человеке. Все, что он делает, видимо, отличается точностью и добротностью.

Кати нет дома. Бербль играет со своей куклой, заворачивает ее в тряпицу, заботливо укрывает, говорит с ней матерински-ласковым тоном.

— Бербль, иди сюда!

Мне необходимо с кем-нибудь поделиться новостью.

Она оборачивается, видит у меня в руке письмо.

— Что это у тебя, папа? — с любопытством спрашивает она.

— Письмо, детка, очень важное письмо.

— Я тоже хочу! — кричит она и протягивает ручки.

— Тут написано, чтобы твой папа ехал в Галле,— с гордостью рассказываю я.

— И я хочу в Галле, папа, да? — улыбается она и прижимается ко мне.— Мы сейчас поедем?

— Нет, нельзя так быстро, дитя мое.

— О-о-о, почему нельзя? — надувает она губки.

— Потому что это далеко.

— А мамуся?..

— Мамусю мы возьмем с собой.

— А вот и мамуся!

На пороге стоит Кати.

— Что случилось?! — с удивлением спрашивает она.

Прежде чем я успеваю ответить, Бербль уже около нее:

— Папа говорит, мы едем в Галле.

— Кто едет в Галле? Ничего не понимаю.

— Мы все! — выпаливает Бербль.

Кати все еще недоумевает:

— А что мы будем делать в Галле?

Показываю ей письмо. Она читает его, смотрит на меня сияющими глазами и не знает, что сказать. Я ей не рассказал, что просил Франца замолвить обо мне словечко.

Единый фронт мира

Карл ШНОГ

По всей земле, через моря и горы,
Сквозь все границы тянется стена;
Против несчастья, рабства и позора
Народами воздвигнута она;
Чтоб сохранить все лучшее на свете,
Чтоб птицы пели в солнечной листве,
«Война — войне!» — народ везде ответил —
В Пекине, в Будапеште и в Москве.

Встают стеною люди разных наций,
Оттенков кожи, языков, племен...
Мир оградим от лжи и провокаций
Живой стеною из людских колонн!
Ее не пошатнуть ветрам и вьюгам,
Она горячей кровью скреплена,
Стоит она от севера до юга —
Могучая народная стена.

Пусть знают те, кто бой готовит ныне,
Кто в мирный день оружием гремит:
Они наткнутся на ее твердыню
И сломят шею о ее гранит!

Перевели с немецкого
Елена Николаевская и Ирина Снегова

Стройте, сейте, жните!

КУБА

Хлеб и виноград,
Каждый колос в жите
Людям говорят:
— Стройте, сейте, жните!

Чем ты станешь, прут, —
Плетью иль плетеньем!
Да не служит труд
Злу и преступленьям!

Мы не обречем
Сыновей на муки,
Мы страну берем
В собственные руки.

Не свернем назад —
Ясен ход событий.
Жизнь цветет, как сад...
Стройте, сейте, жните!

Перевел с немецкого
Лев Гинзбург

— Как же это все произошло, да так быстро? — радость и сомнение звучат в ее вопросе.

Я смеюсь.

— По-твоему, быстро? Вот уже полгода я жду этого счастья!

Я вскочил бы, если бы мог стоять. Протягиваю ей руки.

— Милая! — ласково говорю я.— Представь себе: у меня снова будут тиски, токарный станок, фрезерный станок. Снова хороший, добротный инструмент в руках!

Кати подошла ко мне, опустилась на колени, взглянула мне в глаза.

— Петер,— говорит она и пытается скрыть свое волнение,— я так за тебя рада!

Глаза ее полны слез.

Никогда, никогда я не любил ее так, как в эти минуты. Было легко на душе, я был счастлив.

— А я рад за вас, дорогие. Наконец-то я смогу работать. Никому я не был нужен. И вот нашелся человек... Он пишет... — читаю ей снова письмо... — Они ждут меня... Работа ждет меня, новая жизнь ждет меня, тебя, нашу Бербль. Уедем из этого погреба, увидим новые места, узнаем других людей.

Я УЖЕ ТРИ НЕДЕЛИ НА ЗАВОДЕ. Все произошло значительно проще, чем я себе представлял. Еще в поезде меня одолевали сомнения. Писал ли Франц, что у меня нет ноги? Не ждут ли там здорового человека? Может быть, все неправда? Потом снова успокаивался. И вдруг понял, что все, все наладится.

Утренний поезд на вокзале Цоо всегда переполнен. Люди с чемоданами, рюкзаками, сумками и корзинами сидели на перроне и ждали. Моросил дождь.

Когда поезд вошел под навес, все кинулись к дверям и окнам вагонов. Стекла задребезжали, завизжали женщины с плачущими детьми на руках. Мужчины начали ругаться. Кондуктора оказались бессильны навести порядок. Каждый боролся за место в вагоне. Последние пассажиры устраивались на буферах, на крыше, на ступеньках. Немцы стали народом акробатов.

В отделении для тяжело раненных я получил место. Окно заколочено досками. И только через вентиляционный глазок проникает немного света. Судя по разговорам, большинство едущих — спекулянты. Ничего не потерял от того, что не вижу их лиц. Видимо, я здесь один из немногих, у кого есть другая цель впереди. Это, конечно, не повод возгордиться, скорее толчок, чтобы призадуматься.

Вот и Галле. Небольшой город. Узкие улицы, звон трамвая. Война в общем пощадила его. Кроме привокзального района, почти ничего не разрушено.

С бьющимся сердцем иду по указанному адресу. Дождь прекратился. Мягкое полуденное солнце прогнало его. У меня поднялось настроение. Большой подъезд. Дощечка:

«Народный завод».

Спрашиваю, где найти Отто Кюна. Нахожу его в цехе.

— Ах, это ты!

Голос его звучит спокойно.

Передо мной крепкий человек лет пятидесяти, с седой головой и синими ясными глазами. Он протягивает мне руку.

— Да, — робко говорю я.

Никакого разочарования я в его взгляде не улавливаю — спокойная деловитость и все.

— Прежде всего тебе надо устроить жилье и продуктовые карточки. Рабочий инструмент у тебя есть?

Ни слова о моей инвалидности.

— Нет,— отвечаю я и краснею.

— Ничего, приятель, получишь от профсоюза; небось, соскучился по работе, а? — смеется он.

— Неужели Франц написал и об этом?

— Не только об этом,— говорит Отто и дружески треплет меня по плечу.

Все так просто. Мы заходим к председателю завкома.

— Садись,— говорит он.— Ты слесарь-механик? Тогда останешься у Отто. Если тебе у этого увальня не понравится, приходи ко мне. Я подыщу для тебя что-нибудь другое.— Он толкает Кюна под ребра и хохочет: — Ну, чего ты, старая железная балка?

— Уж я тебе...— грозится Отто.— Парень останется у меня, не правда ли?

Карл телефонирует:

— Мы тут приняли нового человека. Приходи, Вильгельм, сюда. Новичку не так легко бегать,— и, обращаясь ко мне:— Вильгельм Лингерт — наш директор завода. Он старый слесарь. Когда господин хозяин удрал, наделав от страха в штаны,— всем был известен его коричневый образ мыслей,— мы избрали единогласно Вильгельма и поручили ему управление нашей лавочкой. Вот что за человечек Вильгельм! — и он потрясает кулаком перед самым моим носом. — Без него мы сидели бы на мели. Сейчас мне кажется, что иначе никогда и не было. Мы делаем вращающиеся печи для цементных заводов. Большие, тяжелые махины. Кроме того снабжаем оборудованием сорок девять сахарных заводов и химическую промышленность в Леуне, Буне, Вольфене — работы хватает.

Я еще и недели не пробыл в цехе, как товарищи потащили меня в Биттерфельд, где на электрохимическом комбинате изготовляли протезы. Пока только в виде пробы. Все же я получил такой протез из игелита. Здорово подогнали! Я снова могу ходить без костылей. Только с палкой. Вот удивится Кати, когда увидит меня. А какой у меня фрезерный станок! Загляденье! Я могу работать сидя. Отто сконструировал целую установку. Таскаю ее с собой всюду, пристраиваю к любой машине. Работаю восемь часов ежедневно с таким удовольствием...

Живу временно у Отто. Его жена заботится обо мне, как мать родная. Профсоюз возбудил вопрос о предоставлении мне квартиры. Я написал Францу:

«Старина, когда я приеду в Берлин, держись! Ты кое о чем услышишь!»

Перевод с немецкого
Л. Лежневой

ЛЕБЕДИ

Рассказ

Юрий ПОМОЗОВ

Рисунки В. Высоцкого

Со стройки к родной станице идут двое по степи — Вахеев, крепкий щекастый старик в казачьей фуражке с желтым околышем, похожим на корку дыни, и Костя Чубенко, молодой парень, лицо у него усталое, оно размякло и оттянулось к подбородку длинными сонливыми складками.

Весенняя ночь стоит сухая и теплая. На земле нет ни одной тени: все заливает ровный скучный мрак, даже знакомое озеро не мерцает в степи, хотя пора бы ему показаться... Но небо совсем другое. Оно матово светится, и его наполняют тихий отчетливый шелест, изредка трубные звуки, похожие на журавлиные, только не резкие, а застенчиво-мягкие.

— Плывут лебеди!.. Ах ты, боже мой! — нараспев который раз произносит Вахеев с сияющими глазами, и фуражка его скатывается на затылок.

— Да, летят,— сонливо тянет Костя Чубенко, но вверх не смотрит.

По степи с шорохом катится ветер и где-то рядом затихает: должно быть, натыкается на курган. Грустно и сладостно пахнут отцветающие ирисы. Зато крепкой душистой свежестью веет от шалфея и тимьяна. Так всегда бывает, когда и весна еще не кончилась и лето не началось.

— Костенька,— говорит неутомимый Вахеев,— а помнишь, мы тогда громадный водоем у Лихого Яра достраивали?.. Вот идем мы, значит, идем, а ты мне и говоришь: «До станицы нашей далеко. Зайдем на озеро да заночуем в шалаше...» Помнишь?

— Как не помнить,— зевая, произносит Костя.— Очень уютный шалаш на озере...

— Вот мы и пошли на озеро. Ты-то, как в шалаш зашел, так и заснул. А я нет, я в тростнике затаился... И вдруг: лебеди — бац! — в воду да крыльями по ней щелк, щелк!..

— Что ж, идем и сейчас на озеро!

— И верно!.. Люблю я там лебедей встречать!

От озера потягивает сыроватой прохладой. Скоро уже и показывается оно, бледное, как туман. Под ногами спутников сначала попадаются сухие кочки в жесткой, словно жестяной траве, а затем уже кочки издают быстрые сосущие звуки и упруго колеблются... Потом и кочки исчезают, точно их всех передавили, и место идет плоское, сухое. Костя натыкается грудью на тростниковый шалаш, обрадованно вскрикивает и тотчас же забирается в него.

— Потап Егорович, — говорит он Вахееву слабеющим голосом, — как лебеди станут на озеро спускаться, так вы им скажите: устал, мол, Чубенко очень... И пусть они приличнее себя ведут. Пусть они потише крыльями машут и не будят... Вы им... объясните... А я того...

— Ладно, ладно! — смеется Вахеев Он присаживается у прибрежного тростника и всматривается в небо. Лебеди все летят и летят с однообразным шумом; кажется, что в вышине протянуты струны и их беспрерывно задевают и они звенят...

— Как спать-то можно в такую ночь! — произносит Вахеев с укоризной. — Эх, люди!

Ветер из глубины степи набегает струями. Тростники постукивают друг о друга, как костяшки. Волны наползают лениво на берег, а назад как будто и не откатываются, словно засыпают на песке. Костя сочно храпит в шалаше.

— Эх, люди, люди! Совести у вас нет!

Вдруг видит Вахеев в неожиданно посветлевшем воздухе мягкопуховые, невесомые очертания лебедей, слышит радостные, торопливые, шелестящие голоса... Сейчас они опустятся на озеро, забьют по воде крыльями с гулким, щелкающим звуком, и опять взлетят, и опять спустятся, только уже смелее и спокойчее, а в лицо Вахеева от их крыльев посыплются крупные брызги...

Но лебеди не опустились. Воздух снова темнеет, и белые тени тают в нем. Вахеев сидит-сидит с открытым ртом, потом привскакивает, вытянув руки, но одна его нога подгибается, и он опрокидывается на прежнее место.

— Что же это такое? — бормочет он.— Раз опустились так низко, должны были сесть...

Проходит много времени. Воздух над озером по-утреннему светлеет, а Вахеев все ждет и ждет... Но лебединые стаи высоко и равнодушно проносятся над озером, и тростник шумит грустно-тягуче, и точно кланяется им вслед, и просит о чем-то... Дупель спросонья вскрикивает сырым голосом...

— Ты еще тут! — брюзжит Вахеев.— Нужен ты очень!..

Воздух наливается светом. И становится видно, что тростник еще не повыжжен солнцем до красноватой желтизны, а весело зеленеет метелками... Курган проступает вдали темным пятном.

— Нет, уж теперь не сядут... И отчего такая беда? Всегда ведь у нас садились!..

Вахеев поднимается и расслабленно входит в шалаш. Костя Чубенко, привольно развалясь, все храпит, и лицо у него покруглело от здорового сна, сделалось щекастым, тогда как у Вахеева оно сморщилось.

— Костенька!.. Голубчик!.. — шепчет старик, а затем уже дергает парня за парусиновую рубашку: — Проснись, красавец мой, дело тут такое...

Костя спросонья открывает мутный глаз и отмахивается.

— Нет, ты встань, встань!

Костя ворочается и открывает второй глаз.

— Лебеди, понимаешь ли, того...

— Да что лебеди? — сердито обрывает Костя.— Ведь сказано: не будить!.. Сели, ну и ладно!

— Да вот какое дело: не сели, понимаешь ли...

— Что-о-о?!

— Не сели, говорю... Лапкой не коснулись нашего станичного озера...

Глаза у Кости делаются выпуклыми и наливаются синевой.

— Не сели, говоришь? Не сели? — кричит он и хохочет.— Вот это здорово, Потап Егорович!.. Выходит, не надо им теперь нашего озера! Вот здорово!.. Выходит, лебеди теперь в самой глубокой степи отдыхать смогут!.. Вдоволь там стало озер!

— Так-то оно так...— Вахеев часто помаргивает глазами.— А только...

— Нет, ты постой!.. Выходит, степь-то наша здорово посвежела!.. А ну-ка, выйдем!

Костя и Вахеев выбираются из шалаша. В подрумяненном небе стройно плывут лебеди.

— Ох, сколько их летит нынче! — Костя хватается за голову.— Может, к самому большому водоему летят, может, к Лихому Яру!.. Помнишь, как мы там работали в прошлом году?..

— Как не помнить?.. Значит, туда, туда путь держат?

— Непременно туда!

— Ну, вот и хорошо!.. Вот и полегчало...

А лебеди все плывут, плывут и тают над далекими уральскими ярами, как белые дымки...

Ветер задувает с озера сильнее... Да нет, он, пожалуй, дует вовсе и не с озера: ведь он не сыровато-прохладный, он очень бодрый и чистый, и веять ему только вон из-за тех яров, где и степи лежат обновленно прохладные и куда хочется лететь не одним лебедям...

Демократическая немецкая литература

В Восточной Германии происходят великие перемены. Они ощутимы и в народном хозяйстве страны, и в быту, и в сознании миллионов немцев.

Как отражаются эти перемены в немецкой литературе?

Германская демократическая республика располагает значительными культурными силами. В Западно-германском лжегосударстве подвизаются преимущественно бывшие литераторы-нацисты, срочно перекрасившиеся в защитников «западной цивилизации». А с демократической Германией связали свою судьбу лучшие немецкие художники слова, те, кому дорога честь и будущность немецкого народа и его культуры. В борьбе за мир, за единую демократическую и миролюбивую Германию совместно участвуют немецкие писатели разных поколений, различных мировоззрений, независимо от партийной принадлежности.

Теснейшие дружеские связи с передовыми деятелями демократической Германии поддерживал недавно скончавшийся Генрих Манн, крупнейший художник и публицист, страстный обличитель империалистской реакции. Искренним другом демократической Германии является и Томас Манн, прославленный художник слова, который ныне, живя в США, активно борется за мир. В первых рядах строителей демократической германской культуры — видные писатели старшего поколения, мастера буржуазного критического реализма Арнольд Цвейг, Бернгард Келлерман. Большую творческую и общественную работу развернули передовые немецкие писатели, связанные на протяжении многих лет с революционным рабочим движением, сумевшие сплотить вокруг себя лучшие силы германской интеллигенции,— Иоганнес Бехер, Анна Зегерс, Фридрих Вольф, Эрих Вайнерт, Вилли Бредель, Александр Абуш. За последние годы в немецкой литературе выдвигаются все новые имена: поэты Стефан Хермлин и Куба (Курт Бартель), прозаики Эдуард Клаудиус, Петер Випп, критик Вольфганг Харих и ряд других.

Естественно, что в послевоенной немецкой литературе большое место занимает тема недавнего прошлого. Появляются все новые книги, где правдиво рассказано о мрачных годах гитлеровской диктатуры, показана гибельность того пути, по которому фашистские преступники вели немецкий народ. Несколько таких книг принадлежит писателям, остававшимся в годы фашистской диктатуры в стране. Таков известный советскому читателю роман Г. Фаллады «Каждый умирает в одиночку», таков роман Б. Келлермана «Танец мертвых». Обе эти книги во многом заслуживают критики, в них раскрыта далеко не вся правда о гитлеровской Германии. Но обе они представляют ценность как живые свидетельства очевидцев; такие произведения помогают преодолеть пережитки реакционной фашистской идеологии в сознании немцев.

Передовые немецкие писатели справедливо считают, что важно и нужно оживить в памяти читателей лучшие революционные традиции германского народа, воскресить образы героев антифашистской борьбы. Большое значение в этой связи имеет выход биографии Эрнста Тельмана, написанной Вилли Бределем. Писатель с документальной точностью — и в то же время в живой, темпераментной литературной форме — повествует о героической жизни руководителя германской компартии, революционера сталинской школы.

Гитлеровцам в свое время удалось расколоть немецкий рабочий класс, частично уничтожить его революционный авангард. Но в годы гитлеровской диктатуры подпольное антифашистское движение существовало и проявлялось в разнообразных формах; в нем участвовали рабочие-коммунисты, социал-демократы, передовые представители интеллигенции. В ряде книг, вышедших в последние годы, немецкие демократические писатели рассказывают о тяжелой, неравной борьбе, какую вели подпольщики-антифашисты. Некоторые из новых книг документально-художественной прозы говорят о деятельности антифашистских групп в годы второй мировой войны. Таковы повести Фр. Шлоттербека «Чем ночь темней, тем ярче звезды», Гюнтера Вайзенборна «Книга воспоминаний», Эльфриды Брюнинг «...Для того, чтобы ты жил». Книги эти неодинаковы по своим идейно-художественным качествам, но их общая бесспорная ценность в новом, фактическом, отчасти документальном материале, раскрывающем малоизвестные и существенные стороны прошлого Германии.

Важное событие в современной немецкой литературе — выход нового большого романа Анны Зегерс «Мертвые остаются молодыми». Книга вышла в конце 1949 года и вызывает живые отклики в печати. Писательница дает в ней широкую картину жизни Германии на протяжении четверти века — от возникновения Веймарской республики до крушения гитлеровской «третьей империи». Анна Зегерс глубоко вскрывает классовые, исторические корни фашистской диктатуры, обнажает социальную сущность гитлеризма и его международные связи. Правдиво и трезво, с присущим ей мастерством психологического анализа прослеживает писательница отражение больших процессов истории в конкретных человеческих судьбах. Логикою художественных образов подтверждает она справедливость исторического возмездия, постигшего гитлеровскую Германию, и вместе с тем намечает перспективы демократического возрождения страны.

В романе есть и спорные моменты, уязвимые места. Образы передовых людей удались здесь Анне Зегерс меньше, чем в ее предыдущей, широко известной у нас книге «Седьмой крест». Но в целом новый роман Анны Зегерс представляет выдающееся явление послевоенной немецкой прозы — и по широте и правдивости развернутых в нем картин, и по остроте проблематики, и по высоте художественного мастерства.

Немецкие писатели, которые осмысливают уроки исторического прошлого Германии, делают, разумеется, большое, нужное дело. Неоспорима, например, актуальность нового романа Вилли Бределя «Сыновья», где автор вскрывает истоки предательства верхушки германской социал-демократии. Но жизнь ставит перед немецкой демократической литературой и более насущную задачу: отобразить современность. Тематика больших социальных сдвигов, восстановления, труда, строительства властно прокладывает себе дорогу в немецкой литературе последних полутора — двух лет.

Острым чувством современности, пафосом великих демократических преобразований насыщена «Поэма о человеке» Кубы. Значительная часть поэмы посвящена прошлому, борьбе прогрессивных и реакционных сил в Германии в течение ряда десятилетий, урокам второй мировой войны. Но в центре внимания поэта прежде всего сегодняшний день, рост сил мира и демократии в Германии и во всем мире и те грандиозные перспективы, которые раскрываются перед человечеством благодаря победоносному движению вперед сил демократии и социализма.

Вижу я сады,
Которые создам я,
Вижу города
И русла новых рек.
Ленинское солнце
Озаряет мирозданье,
И хозяин мира —
Человек...

О целеустремленном, осмысленном труде рабочих демократической Германии, которые работают на себя, создавая новый общественный уклад, говорит Куба в стихотворении «Бранденбургский сталелитейный»:

Встает на новый путь
Германия сегодня,
открылась перед ней
невиданная даль.
Чтоб не было войны,
чтоб стало жить свободней,
для мирного труда мы варим
нашу сталь! [1].

Новые темы возникают в творчестве Иоганнеса Бехера — крупнейшего поэта современной Германии, руководителя и организатора сил демократической интеллигенции. Вышедшие недавно два тома избранных стихотворений Бехера — плод напряженного творческого труда почти четырех десятилетий — представляют своеобразную поэтическую летопись жизни, исканий, борьбы передовых людей Германии.

В стихах периода второй мировой войны поэт мужественно и трезво, полным голосом говорил об исторической вине и ответственности немецкого народа: многие стихи Бехера начала 40-х годов полны глубокого, искреннего трагизма. Ныне в поэзии Бехера звучат новые мотивы. Поэт чувствует себя вправе говорить о трудящихся своей страны с радостью, с гордостью. В небольшом цикле стихотворений «Достояние народа» Бехер воспевает свободный труд людей, впервые ставших хозяевами своей судьбы.

В Германской демократической республике рождаются новые формы труда, новое отношение масс к труду: народные предприятия, восстановленные руками самих рабочих, перевыполняют производственные планы; ширится движение активистов, новаторов производства.

Эти события пока еще не нашли отражения в больших эпических произведениях. Но тема свободного труда уже занимает немалое место в современной немецкой новелле, повести, очерке.

Двадцать лет назад Горький писал о том, какое важное значение имеет жанр художественного очерка в условиях строительства социализма. Он следующим образом определял задачи советского очерка:

«Цель — изображение разнообразного и повсеместного процесса культурно-революционного строительства, изображение бешеной работы масс, героизм групп и единиц, работы успешной, несмотря на упорные и злейшие помехи со стороны всяческих лентяев, идиотов, шкурников и саботажников, пассивных и активных вредителей и прочих негодяев...»

В направлении, указанном Горьким, работают ныне очеркисты стран народной демократии: оперируя реальным, сегодняшним жизненным материалом, они показывают на живых примерах борьбу передовых трудящихся с последышами капиталистической реакции, становление новых общественных отношений, новых человеческих чувств и характеров. В этом духе пишут и молодые прозаики Германской демократической республики.

Впервые в истории немецкой литературы возникают произведения, авторы которых пытаются раскрыть эстетическое значение труда, показать радость, красоту труда, направленного не на обогащение эксплуататоров, а на благо народа.

Характерна, например, книга очерков Иохима Дрейтца «Цех номер два». Автор лаконично и бесхитростно, с большим знанием производства и рабочей среды повествует о делах и днях рабочих литейного цеха большого завода. Темы отдельных зарисовок — самые обыденные, будничные события. Передовой рабочий получает премию и отдает ее нуждающемуся товарищу; рабочие по своей инициативе остаются на сверхурочные часы, наводят порядок в цехе; подобный рабочий, выдвинутый на должность формовщика, добивается высоких производственных показателей благодаря придуманным им усовершенствованиям... В каждом из очерков перед нами живые люди, их взаимоотношения, их переживания.

Автор вносит страстную заинтересованность, какую-то своеобразную лирическую ноту в описание самых процессов труда. Он дает понять, что его герои трудятся не только ради заработка, но что они привязаны к заводу и друг к другу, что они полны чувства достоинства и уверены в своем завтрашнем дне. Все это в книжке Дрейтца интересно и ценно. Однако временами автор как-то слишком замыкается в пределах производственной темы, как бы избегает прямо высказать свое отношение к событиям политической жизни страны, и это несколько обедняет и картину жизни завода и образы отдельных рабочих.

В очерках и рассказах молодых писателей находят отражение перемены, совершающиеся ныне в психологии многих рядовых трудящихся демократической Германии. Писатели пытаются проследить, как перестраивается сознание рабочих, как преодолеваются косность, равнодушие, мещанский эгоизм, как зарождается сознательное отношение к труду.

Свежо и талантливо написан рассказ молодого, быстро растущего писателя Петера Виппа «Двадцать тысяч кирпичей». Виппу удалось правдиво, психологически убедительно показать зарождение трудового энтузиазма у юношей и девушек, посланных из города в деревню на восстановительные работы.

Особого внимания заслуживает повесть Герберта А. Лангера «Человек нашел себя», отрывок из которой печатается в этом номере «Огонька».

В повести Пауля Кёрнер-Шрадера «Деревенская беднота» отражено важнейшее событие в жизни немецкого крестьянства — демократическая земельная реформа. Писатель показывает типическую судьбу одной из деревень Восточной Германии. Имения барона-фашиста переходят в руки безземельных и малоземельных крестьян. Новые хозяева земли создают объединение крестьянской взаимопомощи; они на практике познают преимущества совместного земледельческого труда.

Пионером новой тематики в драматургии выступил известный революционный писатель Фридрих Вольф: он написал пьесу «Бургомистр Анна» — о классовой борьбе в послевоенной немецкой деревне, о новых, передовых людях, выдвигаемых народом из своей среды. Героиня пьесы — молодая, энергичная крестьянская девушка, избранная на пост бургомистра. Пьеса, написанная сочным народным языком, в живом комедийном темпе, представляет яркое, примечательное явление современной немецкой драматургии.

Важное место в литературе Германской демократической республики занимает тема Советского Союза и советско-германской дружбы. «Благодарность моим друзьям в Советском Союзе» — так называется одно из лучших стихотворений Иоганнеса Бехера. С книгами очерков об СССР выступили писатели и поэты, побывавшие в нашей стране в 1948—1949 годах: Б. Келлерман, А. Зегерс, Ст. Хермлин, Э. Клаудиус, Куба.

Только что вышедшая книга рассказов Анны Зегерс «Линия» посвящена 70-летию со дня рождения И. В. Сталина. В книге три рассказа, они представляют эпизоды борьбы коммунистов Китая, Франции, СССР. Непобедимость идей марксизма-ленинизма, тесная связь этих идей с практикой, с жизненным опытом простых людей разных стран — такова общая мысль этой содержательной, талантливой книги.

В честь 70-летия со дня рождения товарища Сталина написаны новые произведения двух крупных немецких поэтов — поэма «Сталин» Стефана Хермлина и «Кантата о Сталине» Кубы. Эти произведения во многом различны, как различны и творческие индивидуальности их авторов. Но обе поэмы выражают большое, искреннее чувство любви и благодарности передовых людей Германии к великому Сталину и советскому народу.

Примечательно, что оба поэта включили в стихотворный текст слова И. В. Сталина: «...гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остается...» Эти великодушные и мудрые сталинские слова прочно живут в памяти прогрессивных германских писателей, вдохновляя их на борьбу за единую, миролюбивую демократическую Германию.

Т. МОТЫЛЕВА

[1] Перевод Л. Гинзбурга.

В первые дни организации машиннопрокатной станции в Зееловском округе (Земля Бранденбург).

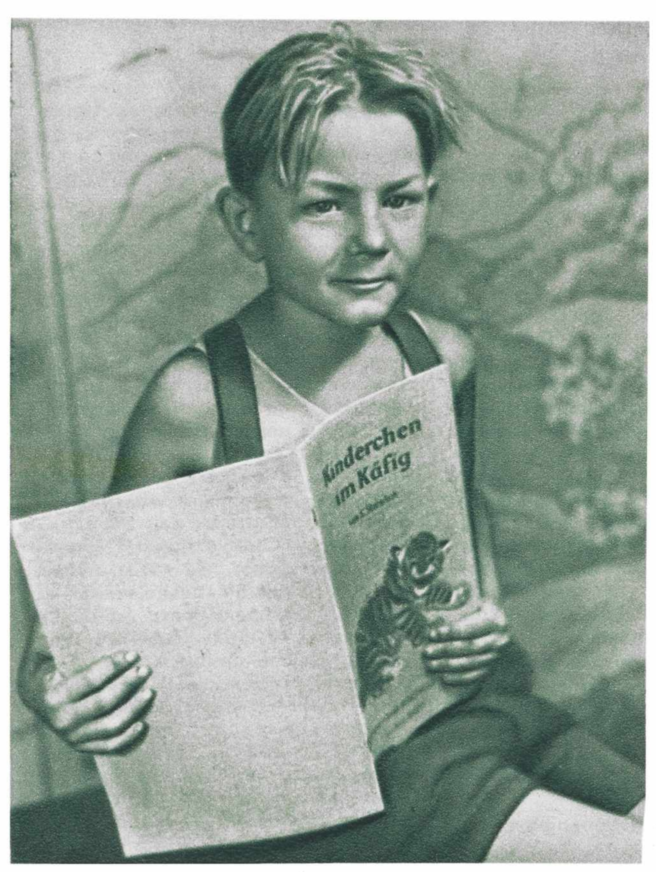
Самый счастливый день в жизни бывшего батрака Теодора Верта. Сегодня он стал обладателем земельного участка в 5 гектаров.

В Берлинском университете. Профессор Бругш читает лекцию.

Читальный зал партийной школы СЕПГ имени Карла Маркса в Михнове.

ЛЮБОВЬ К СОВЕТСКОЙ КНИГЕ

Михаель ЧЕСНО-ГЕЛЬ

За чтением книги С. Маршака «Детки в клетке»

Книги советских писателей до прихода Гитлера к власти имели сравнительно небольшое распространение в Германии, а с 1933 года они вовсе были запрещены.

Подобающее ей почетное место советская литература заняла в Германии после разгрома фашизма. Примером могут служить следующие факты: 100 тысяч экземпляров «Тихого Дона» Шолохова разошлись за несколько месяцев. Первое издание «Молодой гвардии» Фадеева— в течение одной недели.

За пять послевоенных лет в Германии вышли книги Горького, Шолохова, Фадеева, Алексея Толстого, Маяковского, Николая Островского, Эренбурга, Катаева, Федина, Леонова, Симонова, Горбатова, Гладкова, Каверина, Вирты, Веры Инбер, Павленко, Маршака, Чуковского, М. Ильина, Анны Саксе, Гулиа и других.

Огромно значение и влияние советской литературы в Германской демократической республике. Художественная и научная советская книга произвела революцию в сознании людей, которых на протяжении долгих двенадцати лет коверкал фашизм.

Вот что пишет 18-летняя девушка Ютта Янке:

«Помнится мне книга с картинками (название я забыла), которую меня заставляли читать в детской колонии при лагере «гитлеровской молодежи». Ничего, кроме злобной лжи, о Советском Союзе в этой книжке нельзя было найти.

А потом... потом кончилась война, и все старое начало рушиться во мне. Я зачитываюсь книгами советских авторов. Я вижу все яснее эту страну, которой немецкий фашизм сделал столько зла и которая помогает нам строить и жить. Как же не стать другом этой страны и этого народа, другом навсегда!»

Глубокая идейность советских книг, честность, красота, человечность изображаемых в них людей развивают и укрепляют социалистическое сознание в рядовом трудящемся немце.

Рабочий, прочитавший роман Павленко «Счастье», пишет:

«Такие книги помогают нам, немцам, лучше вникнуть в мир советских людей. Передовые люди Германии тоже должны так относиться друг к другу, как это делают герои романа Павленко. Только тогда счастье будет нашим уделом!»

Обложка немецкого издания книги А. Толстого «Золотой ключик».

Детская книга советских писателей стала верным другом сотен тысяч подрастающих граждан Германской демократической республики. Они увлекаются книгами Маршака, Чуковского, Каверина. Книги Алексея Толстого «Золотой ключик» и «Приключения Буратино» имеют огромный успех — и не только у детей.

Оформление советских детских книг пользуется общим признанием. Из Западной Германии также приходят восторженные отзывы. Учитель пишет о книге Маршака «Детки в клетке»:

«Это — шедевр! Иллюстрации Чарушина вызвали всеобщий восторг. Нам есть чему поучиться у русских!»

Несмотря на все рогатки и запреты, книги советских писателей читаются все больше в Западной Германии. Клара Р. из Штуттгарта рассказывает о своем впечатлении от недавно вышедшей в Берлине «Педагогической поэмы» Макаренко:

«Ни одна книга не захватила меня так, как «Педагогическая поэма». Ни из одной книги я не почерпнула столько для ума и сердца, сколько из этого прекрасного человеческого произведения».

Растет и ширится новая читательская масса в Германской демократической республике. Читатели требуют советскую книгу, диктуют свои заказы владельцам книжных магазинов. На первом месте среди книг, которые просят в библиотеках, стоят произведения советских авторов, открывающие народу Германии светлые горизонты свободной, творческой, подлинно человеческой жизни.

В старой Иене

К. ГРИГОРЬЕВ

Доктор Штир сидит, склонившись над пухлым фолиантом. Его окружают тяжелые сводчатые стены. Сквозь узкие окна видна старая Иена — город часовщиков, оптиков и студентов. А там, за городской чертой, игра красных и зеленых пятен — черепица крыш, вкрапленных в могучие массивы лесов.

Доктор Штир переворачивает страницы, вглядываясь в списки тех, кто, начиная с 1548 года, был удостоен научных званий в Иенском университете.

Мы стоим за спиной хранителя университетского архива и тихо повторяем имя в списке, на которое указывает сейчас палец доктора Штира: «Карл Маркс». Мы уже видели это имя, высеченное на мраморной доске в коридоре — эта доска установлена после освобождения Германии.

В этих стенах, где учился Лейбниц, где поднимались на кафедру Гёте и Шиллер, молодому двадцатитрехлетнему Марксу, полному могучих, неистраченных сил, был присужден диплом доктора философии за диссертацию на тему «Различие натурфилософии Демокрита и натурфилософии Эпикура».

Мы вновь просим показать все, что связано с именем Маркса, и доктор Штир раскладывает документы. Здесь копии писем Маркса к профессорам — оригиналы подарены Институту Маркса — Энгельса — Ленина в Москве. Мы бережно перебираем эти листки...

Еще недавно, в годы гитлеровской тирании, малейшее упоминание о Марксе и марксизме жестоко каралось в Иене, как тягчайшая крамола. Фашистская «философия» смерти хотела здесь, как и во всей Германии, убить прекрасную философию жизни. Но наука социализма, зовущая к лучшей жизни миллионы людей труда, вновь одержала победу. Она вошла в 1945 году в стены старого университета вместе с уверенной поступью двух тысяч новых студентов — детей рабочих и крестьян.

Свою историю Иенский университет начал четыре столетия назад в монастыре. Потом его перевели в герцогский замок. Когда в середине прошлого века возводили новое здание, снаружи ему придали вид замка, а изнутри — монастыря. Так в этих громадах камня хотели утвердить незыблемость средневековой университетской традиции.

Но свежий ветер уже веет в старой Иене. Плакаты на стенах зовут помогать народу строить новую, демократическую единую Германию. В коридоре навстречу дряхлому профессору богословия идет молодой преподаватель марксизма-ленинизма. Традиция отступает, скрипя и огрызаясь, но отступает.

В 1945 году все «профессора»-фашисты были удалены из университета. Но тонкий яд идеализма еще живет на кафедрах богословского и юридического факультетов. Здесь у реакционных профессоров своя, особая, студенческая паства.

Студент рабоче-крестьянского факультета Борст Альван каждый день видит, как шатаются без дела в коридорах эти сынки старой Германии — Германии юнкеров, капиталистов и чиновников. Они то и дело проваливаются на экзаменах.

Студент Борст Альван презирает их. Отец его сидел при фашистах в концлагере. И Борст, «лагерный сирота», должен был добывать себе на пропитание тяжелой работой на кирпичном заводе. Скоро и эта работа кончилась, и Борст после войны долго скитался по Западной Германии в поисках заработка, но безуспешно. Однажды он добрался до зональной границы и перешел ее. Граница была рубежом в его судьбе. Безработный из Тризонии стал студентом Иенского университета.

Есть среди старых профессоров люди, которые брюзжат, обращаясь к новым студентам:

— Как только почувствуете, что материал становится трудным, немедленно уходите из университета к плугу или к станку. Наука существует для избранных.

Но две тысячи юношей и девушек, детей рабочих и крестьян Тюрингии и Мекленбурга, Саксонии и Восточного Берлина, пришли учиться, и их не остановят никакие крутые подъемы к высотам науки. По-отечески заботится об успехах студентов крупный ученый профессор Хунд, удостоенный за свои работы по теоретической физике национальной премии. Профессор химии Гайн и профессор ботаники Шварц помогают им познать тайны природы. Врачи Ибрагим и Гульке учат их лечить болезни.

Да, свежий, знакомый нам, советским людям, ветер гуляет в стенах старой Иены. Наука входит в соприкосновение с производством, с потребностями народного хозяйства. Группа профессоров помогла металлургическому заводу «Максимиллиан-Хютте» преодолеть хрупкость металла.

Ректор университета профессор Шварц говорит нам:

— Университету оказывает большую помощь правительство Германской демократической республики. Для научных работников созданы хорошие материальные условия, научные лаборатории получают все необходимое для работы.

Передовые профессора Иены могут воочию видеть на примере научных работников Западной Германии, каково положение науки, зажатой в тисках империализма. Мюнхенский иллюстрированный журнал «Ревю» печатает статьи западногерманских ученых. Они пестрят жалобами: «Невозможные жилищные условия», «Грозящий упадок науки», «Нет средств», «Похороненные знания»...

* * *

...Трубные звуки органа царили в актовом зале. И, словно сквозь плотную пелену звуков, медленно двигалась процессия.

Впереди шел ректор с золотой цепью на груди. За ним, попарно,—деканы и профессора факультетов, шелестя мантиями. Мантии были пестры: каждый факультет имел свой цвет. Это была церемония «посвящения» новых студентов.

Студенты стояли, не шевелясь, в почтительном молчании, пока профессура не заняла свои места.

Когда смолк орган и в зале раздался неожиданно молодой голос оратора, стало ясно, что за средневековой внешностью церемонии стоит новое.

На балконах и балюстрадах зала развеваются красные и голубые знамена Союза свободной немецкой молодежи. Звучат слова ораторов, пропитанные горячим дыханием нового дня,— «Демократический строй», «Единая Германия», «Служение народу».

Вся система обучения на факультетах — рабоче-крестьянском, общественных наук, естественно-биологическом, педагогическом — поставлена на службу этим высоким целям. Германская демократическая республика получит работников, вооруженных знаниями. Студенты постигают законы общественного развития, учатся планировать народное хозяйство. Они приобщаются к учению Маркса—Энгельса—Ленина — Сталина, познают законы политической экономии, диалектического и исторического материализма.

Деревня поднимается к свету. Ей нужны учителя. Они придут туда с педагогического факультета Иены, чтобы раскрыть детям научную картину мира. Но действеннее всех учебников и лекций учит студентов Иены, как и всю молодежь новой Германии, великий опыт большевистской партии, Страны Советов.

В Иене большинство студентов — члены Общества германо-советской дружбы. Они устраивают беседы по истории России, лекции о советской культуре. Недавно студенты — члены драматического кружка — поставили пьесу Чехова. Они играли на русском языке, и прелесть чеховской драматургии раскрывалась в этот вечер перед затихшим залом.

Новые люди, пришедшие в Иенский университет с заводов и из деревень, это — будущее Германии. Они оправдают обещание, данное в актовом зале: служить народу, строить мирную, демократическую Германию, крепить дружбу немецкого народа с народами Советского Союза.

НА НАРОДНОМ КУРОРТЕ

(Письмо из Тюрингии)

Чистый, ясный воздух. Солнце пробивается сквозь густую сеть сосновых веток и ложится блестящими пятнами на дорожки. Острые, поросшие мохом скалы, зеленые лужайки, усеянные яркими цветами. Это Оберхоф — одно из красивейших мест Германии, верхняя точка знаменитого Тюрингского леса, воспетого Гёте и Гейне, один из лучших курортов Европы.

У старой скалы приютился небольшой красный домик с кукушкой на крыше. В начале прошлого века дом этот построил, говорят, дровосек Ганс Хоф — первый житель селения. Он был несколько лет проводником обозов, проходивших из Веймара на юг Тюрингии. По узким горным тропам Тюрингского леса, через туман и облака проводил Ганс навьюченных лошадей. Однажды он поскользнулся на обледеневшей тропинке и сорвался в ущелье. Боязнь лишиться заработка заставила тяжело израненного проводника подняться и продолжать путь.

Гансу доводилось перегонять с юга в Веймар породистых лошадей веймарского герцога Эрнста, которому принадлежал и Тюрингский лес. Герцог разрешил проводнику Гансу поселиться на перевале. Здесь Хоф и построил дом, который служил ночлегом бедным путникам, простым людям, застигнутым в ночь и непогоду в лесу...

Красный, точно игрушечный, домик на перевале кажется сказочным, и только узенькие окна, напоминающие тюремные, да остатки бедной утвари говорят о том, что совсем не так счастливо, как в сказке, сложилась судьба первого жителя горного селения.

Лет восемьдесят назад в Оберхофе появились виллы, особняки, охотничьи домики. Курорт быстро завоевал популярность и вскоре стал одним из самых модных в Европе.

В Тюрингский лес на зимний и летний сезоны съезжались богатые бездельники из разных стран. Они развлекались, раскрашивая в дикие цвета стволы деревьев, с балконов стреляли в пригоняемых лесных оленей и коз, хищнически истребляли редкие растения.

Но народ бережно хранил и окутывал все новыми поэтическими подробностями легенду о простом дровосеке Хофе.

И вот в 1946 году, по решению Советской военной администрации, в знаменитом Оберхофе был открыт один из первых народных немецких курортов. Постепенно восстанавливались бывшие виллы и замки. Война, правда, прошла стороной от Тюрингского леса, но здесь несколько недель хозяйничали американцы, и они успели не только утащить все ценное, но многое, из того, чего увезти нельзя было, уничтожили, сожгли и разбили.

В 1946 году в Оберхоф приехали первые 2560 отдыхающих — рабочие Берлина и Дрездена, крестьяне Тюрингии и Мекленбурга, грузчики Ростока. Первые курортники держались неуверенно. Их смущали хрустальные люстры в столовых, ковры в коридорах, надписи на дверях. Они то и дело обращались к директору и спрашивали:

— А лыжи разрешается взять?

— На эти кресла можно садиться?

— Скажите, врач осматривает нас бесплатно?

Шло время. Менялась жизнь в Восточной зоне Германии. Отстраивался, хорошел Оберхоф. В лесу исчезли бессмысленно раскрашенные деревья, нелепые серебряные колокольчики на соснах, бутафорские сани с позолоченными спинками. На курорте появились новые виллы — легкие, полные воздуха и света. Была построена поликлиника. Группа медицинских работников, возглавляемая советским врачом, заботливо осматривала каждое здание, составляла новые проекты, расширяла террасы и балконы.

В Оберхоф шли машины, груженные рассадой цветов и овощей. Лес был объявлен заповедником, охота в нем запрещена. Советские люди помогали строить и благоустраивать немецкий народный курорт.

За эти годы в Оберхофе создано 15 домов отдыха. Там отдохнуло уже около 32 тысяч немецких трудящихся. Только за прошлый год здесь провели свой отпуск 17 880 человек. Для детей открыты в Оберхофе пять санаториев.

Мы приехали в Оберхоф в теплый, солнечный день. В доме отдыха металлургического завода — «Тюрингский лес» — мы встретили группу рабочих, собирающихся на лыжную вылазку: в горах только в самые жаркие летние дни тает снег. В гостиной два старых мастера играли в шахматы. Один из них сказал мне:

— Отличное место, здоровый воздух, хорошее питание! А путевку мне дали бесплатно, в премию.

Он улыбнулся и добавил:

— Знаете, я два года не соглашался ехать на курорт. Почему? Лет 20 назад хозяин за выполнение срочного заказа облагодетельствовал меня: послал на лето с его сыновьями в Италию. Я был у них за прислугу. Вначале я был доволен поездкой. Однако эти щенки сосчитали все расходы, и потом мне пришлось отработать на фабрике бесплатно 5 месяцев. Так я навсегда испортил себе впечатление о курортах. В прошлом году я решил, что меня опять хотят провести. И хотя директор рассказывал мне о новой системе отпусков, я не верил. Упрямился целый год. Теперь жалею, что поздно спохватился...

На террасе шумно и весело. Молодые рабочие-доменщики принимают солнечные и воздушные ванны. Женщина-врач, строгая и педантичная, следит за процедурой и не разрешает разговаривать. Паренек, укладываясь под парусиновый навес, запевает: «Широка страна моя родная...» Песню подхватывают молодые, сильные голоса. Врач делает испуганное лицо, но, уловив слова песни, сама начинает подпевать. Громко звучит привольная советская песня, разносясь по горным немецким ущельям, и лес отвечает ей гулким эхом.

Перед входом в здание сидят на низких, удобных скамейках работницы. Молодая женщина со значком активистки рассказывает о каком-то заводском собрании:

— А мы ему сказали: народ тебя сделал начальником! Плохо будешь руководить — сами снимем. Теперь по-другому и разговаривать стал и работать тоже...

В клубе народного курорта вечер самодеятельности. В зрительном зале в первых рядах сидят худенькие девочки и мальчики — дети безработных из Западной Германии. Они отдыхают здесь вторую неделю. За это время каждый из них не только прибавил в весе, детвора просто меняется на глазах: на щеках появился румянец, голоса стали звонче, дети без устали играют, смеются.

— На них сначала жалко было смотреть,— говорит воспитательница.— Запуганные, бледные, плохо одетые, они все спрашивали меня: «А не выгонят нас отсюда? Можно взять еще кусочек хлеба? А это молоко мне?» Вот этот мальчик собирал там, на Западе, милостыню на улицах. Эта десятилетняя девочка работала по 14 часов в штопальной мастерской. Сейчас они наливаются здоровьем с каждым днем. Посмотрите, что они пишут в нашей книге отзывов...

«Я еще никогда не жила в таком чудесном доме и не ела таких вкусных вещей,— пишет тринадцатилетняя Гертруда В.—Зачем маму пугали, что мне здесь будет плохо? Нельзя так обманывать! Спасибо вам за заботу и ласку!»

«Я увидел в Оберхофе, как заботятся о простых рабочих. Мне рассказали, что эти чудесные дома помогали строить советские люди. Я смотрел кино о Советском Союзе. Как там хорошо живется ребятам! Я очень рад, что приехал в Оберхоф и узнал правду» (Курт С., 15 лет).

«Мне пионеры подарили портрет И. В. Сталина. Я всегда, всегда буду носить с собой этот портрет! Да здравствует Сталин—друг всех детей!» (Инга К., 11 лет).

...После концерта в клубе дети долго не расходились. Они просили воспитательницу еще раз рассказать им сказку о старом дровосеке Хофе из Оберхофа.

— Вот, дети,— заканчивает воспитательница,— Оберхоф — теперь место отдыха простых людей, таких, как ваши отцы и матери. И как старый Хоф, люди заботятся о том, чтобы наш Тюрингский лес стал еще красивее и добрее к человеку. Так нужно сделать повсюду на земле, богатства должны принадлежать народу—творцу и созидателю, — тем, кто трудится на благо всего человечества.

Ребята сидят тихо, задумавшись. И потом старший — пятнадцатилетний мальчик — тихо и серьезно говорит:

— Так будет и у нас. Обязательно будет, во всей Германии!

Ирина **ИЛЬИЧЕВА**

ПУТЬ К СЕРДЦУ современника

А. МАРКОВ, Н. УГОЛЬКОВ,
лауреаты Сталинской премии, токари завода «Красный пролетарий»

Фото А. Горнштейна

П. Герага в роли директора завода Василия Дробота.

На протяжении прошедшего сезона афиши театров порадовали нас довольно большим числом новых спектаклей. В нескольких театрах увидели мы картины славного прошлого нашей Родины: в Театре киноактера поставлен «Флаг адмирала» А. Штейна, в театре имени Ермоловой — «Пушкин» А. Глобы, в театре имени Вахтангова — «Крепость на Волге» И. Кремлева, инсценированы «Первые радости» К. Федина. Два крупнейших театра — Малый и Центральный театр Красной Армии — показали замечательное произведение Вс. Вишневского «Незабываемый 1919-й». Репертуар пополнился несколькими новыми спектаклями, посвященными борьбе народов за мир. Среди них «Голос Америки» Б. Лавренева — произведение значительное и волнующее, новая пьеса одного из старейших советских драматургов, В. Билль-Белоцерковского, «Вокруг ринга», драма Ю. Буряковского «Прага остается моей»... В ярких комедийных спектаклях «Калиновая роща» А. Корнейчука и «Свадьба с приданым» Н. Дьяконова нашла свое отражение новая, богатая колхозная жизнь.

Сезон был плодотворным. Он принес много интересных спектаклей, много радующих актерских удач.

И все же одно из сокровенных желаний нашего зрителя осталось неудовлетворенным. Мы не встречаем на сценах театров образа современного передового рабочего. Мы не видим пьес, рассказывающих о том, как идут к коммунизму наши товарищи по труду — люди, обгоняющие время, рационализаторы производства, токари, сотрудничающие с учеными, сталевары, изо дня в день совершенствующие свое мастерство, каменщики, возводящие величественные здания...

Нет такой профессии, которая не дала бы ныне своих героев, своих новаторов. Рабочий сегодня — это передовой человек сталинской эпохи. Он перешел грань, отделявшую физический труд от труда умственного. Это творец, созидатель. Его духовный мир многогранен, богат, глубок.

Когда ленинградский токарь Генрих Борткевич рассказывает о своем труде, сотни инженеров, техников, ученых вооружаются карандашами. Они знают, что у этого человека есть чему поучиться. Когда мастер завода «Калибр» Николай Российский приезжает в одну из народно-демократических республик, ему внимают, как представителю самой передовой культуры в мире. Кореянка Ко Ден Ай в далеком Пхеньяне учится работать по методу нашей стахановки Лидии Кононенко.

О чем говорят все эти факты? О торжестве целеустремленного творческого труда во славу нашей Родины.

Между тем драматурги и театры почему-то именно эту сторону нашей жизни оставляют вне поля зрения.

Правда, в конце сезона появилось сценическое произведение, авторы которого попытались воссоздать портрет передового рабочего наших дней. Театр имени Моссовета показал «Особое мнение» С. Клебанова и А. Марьямова.

Мы хотим поделиться впечатлениями об этом спектакле. Сразу признаемся: он заинтересовал нас заранее, до того, как мы его посмотрели. Нам рассказывали: действие происходит на станкостроительном заводе, герои пьесы — токари, инженеры, директор...

Мы не специалисты, и нам трудно судить о драматургических достоинствах произведения. Несомненно, что пьеса Клебанова и Марьямова написана с искренним желанием верно осветить жизнь советских рабочих, несомненно и то, что во многом эта ответственная задача и авторами и театром выполнена.

Вот перед нами люди Трехозерского завода. Директор Василий Дробот и главный конструктор Сергей Крылов, давние друзья, сплоченные общей борьбой, резко разошлись во взглядах. Крылов сконструировал новый скоростной станок. Дробот считает, что этот станок пока еще не время внедрять в серийное производство. Главный аргумент Дробота заключается в том, что еще не созданы такие резцы, которые способны выдержать высокие скорости, предусмотренные Крыловым. Один из рабочих завода, токарь Касаткин, изобретает такой резец, и все же Дробот отвергает предложение Крылова как нереальное, преждевременное.

Как видим, токарь Касаткин играет в борьбе, которая происходит в пьесе, большую, можно сказать, решающую роль. И это представляется нам вполне естественным, правдивым. Однако каким изображен Касаткин в пьесе и в спектакле?

Начнем с того, что человек этот, не лишенный в изображении артиста Г. Слабиняка своеобразной привлекательности, поставлен авторами в странное положение непризнанного изобретателя-одиночки.

Директор завода Дробот относится к нему с непонятным презрением. Соратников в борьбе за новое у Касаткина, по существу, нет. На заводе один только рабочий-новатор, да и тому не везет. За неудачный эксперимент его... увольняют. Только случайная встреча с секретарем горкома

«Особое мнение» С. Клебанова и А. Марьямова в Театре имени Моссовета. На квартире токаря Мошкина. Ксения Дробот — О. Левыкина, Варя Мошкина — И. Карташева, доктор Бушуев — О. Абдулов, Кузьма Мошкин — Н. Темяков.

ВКП(б) помогает Касаткину и изменяет судьбу его изобретения. А если бы секретарь горкома не любил рыбной ловли? Если бы Касаткин не встретился с ним на берегу озера? Так, значит, и пропала бы его идея? Так и остался бы он за воротами завода, а станок инженера Крылова — без необходимого резца?

Все это вызывает сомнения. Отчего сам Касаткин не обратился ни к главному конструктору, ни в БРИЗ, ни к тому же секретарю горкома? Почему он так неправдоподобно одинок?

Образ Касаткина нас разочаровал, и мы не можем не поделиться этим чувством. Слишком много в Касаткине странного, слишком мало знакомого, близкого.

Роль директора завода Дробота написана правдиво и сыграна П. Герагой убедительно. Вполне достоверен в исполнении С. Годзи инженер Крылов. Он напомнил нам одного из инженеров нашего завода, А. Болотина, напористостью, настойчивостью, с которой тот борется за внедрение нового метода.

Старый токарь Кузьма Мошкин — также знакомая фигура. Порой кажется, что авторы и артист Н. Темяков вывели на сцену одного из ветеранов нашего завода — мастера П. Латышева. Тот тоже, как и Мошкин, не пожелал уходить на пенсию, несмотря на свои преклонные годы. Он стал учить молодежь и выпестовал немало хороших рабочих. Вполне правдиво написана роль секретаря горкома Мартынова; жаль только, что слишком холодно, сухо играет ее Б. Оленин.

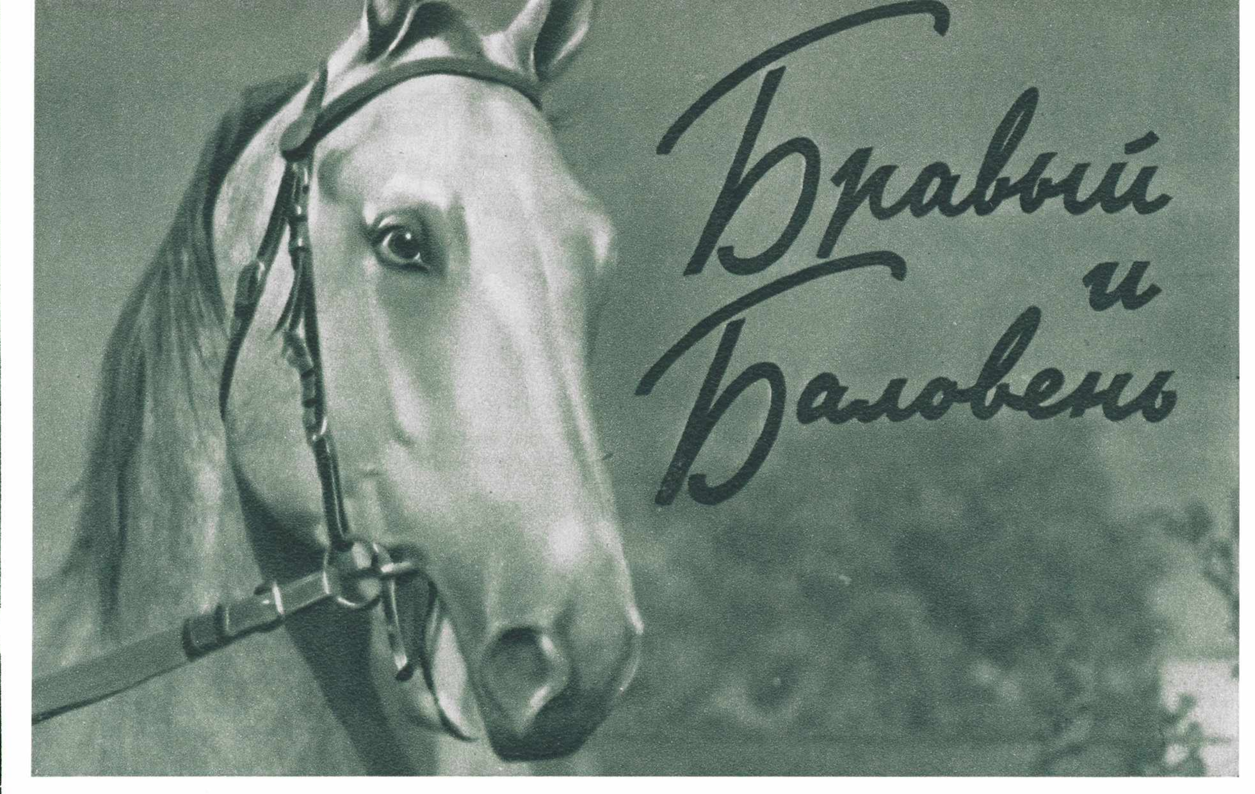
Но вот Касаткин... Не узнаем! Нет, не такие люди идут в авангарде нашего движения вперед, не такие люди выступают инициаторами новых начинаний!..

Для того, чтобы образы передовиков воплотить в художественном произведении, драматург обязан был глубже заглянуть в сердце современника. Оно, это сердце, большое, оно побуждает к общительности, радуется успеху товарища, стремится разделить этот успех. Настоящий новатор ведет за собой других, он неразрывно связан с коллективом.

Этого, очевидно, не поняли авторы этой интересной пьесы «Особое мнение» С. Клебанов и А. Марьямов, а также ее постановщики Ю. Завадский и А. Шапс.

Не поняли, нам кажется, потому, что взглянули на своего Касаткина «сверху вниз», отнеслись к нему доброжелательно, но снисходительно. А Касаткины заслуживают иного отношения. У них многому можно поучиться, но для этого надо с ними поближе познакомиться. Путь к сердцу современника — это прежде всего путь познания, путь дружбы. Познание, как известно, требует вдумчивой наблюдательности.

Надеемся, что будущий театральный сезон даст немало новых спектаклей, герои которых станут для нас близкими, родными, знакомыми. Особенно хочется нам, наконец, увидеть на сцене театра человека, чья творческая победа в труде была бы для нас вдохновляющим примером. Пусть это пожелание не оставит равнодушными ни драматургов, ни режиссеров, ни актеров...

Бравый и Баловень

Хороша воронежская степь! Особенно хороша она весенней ночью. Глубокое небо густо, до краев наполнено звездами, мягко шелестит ветер и бережно разносит острый, горьковатый запах молодых трав. Свежо, просторно, привольно...

В одну из таких ночей появились на свет два жеребенка, два брата: Бравый и Баловень — сыновья знаменитого орловского рысака Баяна.

Орловские рысаки! Кто не знает этой прославленной на весь мир породы лошадей, имеющей почти двухвековую историю! Но немногим известно, в каких условиях формируются их непревзойденные качества, какими методами вырабатываются в них такая быстрота, выносливость, изящество в беге.

Об этом просто и поэтично рассказывает новый фильм «Соперники» (сценарий М. Витухновского, режиссер — Я. Задорожный, Свердловская студия научно-популярных фильмов).

...1770 год. Русский флот под командованием Алексея Орлова уничтожил в Чесменской бухте вражеские турецкие суда. Среди трофеев, захваченных во время боя, были арабские скакуны. Вскоре выяснилось, что эти красавцы слишком изнеженны и непригодны для нашего климата. Тогда талантливые русские люди — Орлов, Шишкин, Кабанов — решили создать специальный завод для выведения новой породы лошадей. В результате длительной и сложной работы по скрещиванию и жесткому отбору была получена новая порода — орловская рысистая.

175 лет существует Хреновский государственный конный завод, откуда вышли тысячи орловских рысаков.

Проникнув вместе с кинооператором за ограду старейшего конного завода, зритель становится свидетелем большого, интересного труда, требующего от каждого коневода зоркости исследователя, упорства дрессировщика и смелости наездника. С первых шагов жеребенка начинается воспитание в нем тех качеств, которые необходимы будущему рысаку. Строго соблюдается режим питания, внимательно изучаются его навыки.

Весной табунки жеребят выходят на прогулки в степь. Буйной лавиной несутся они по холмистым просторам. Один вырывается вперед, но его тотчас догоняет другой, третий. Это пробуждение спортивного азарта, стремление быть первым важно развить. Вскоре затем прогулки сменяются учебой на манеже.

Каждый «воспитанник» завода требует индивидуального подхода. Бравый сразу стал послушным и исполнительным «учеником», а Баловень рос горячим, норовистым жеребенком. Немало сил и терпенья пришлось затратить тренеру, прежде чем Баловень стал ходить по кругу.

Через два года молодые орловские рысаки сдают последние «экзамены». Они одинаково стройны, статны и натренированы, но по резвости Баловень превосходит брата, и отныне жизненные дороги братьев расходятся. Баловень переступает порог столичного ипподрома, Бравый скрывается в воротах колхозной конефермы.

Киноработники, запечатлевшие на экране картины из жизни орловских рысаков, должны были обладать терпением и наблюдательностью не меньшими, чем мастера-коневоды.

Многие кадры этого фильма были подсмотрены и сняты незаметно для «актеров». Так были запечатлены удивительные по своей выразительности «портреты» лошадей, ожидающих возвращения своих жеребят из «столовой», где те ежедневно получают дополнительное питание. Крупные планы прекрасно передают материнские переживания — тревожный, тоскливый взгляд, настороженно приподнятые уши, вздрагивающие тонкие ноздри, напряженный изгиб шеи...

...Шло время. Колхозный наездник терпеливо приучал Бравого наращивать скорость, совершенствовал его технику. Бравый выигрывал одно за другим соревнования, и наконец на столичном ипподроме встретились два брата, встретились, как соперники.

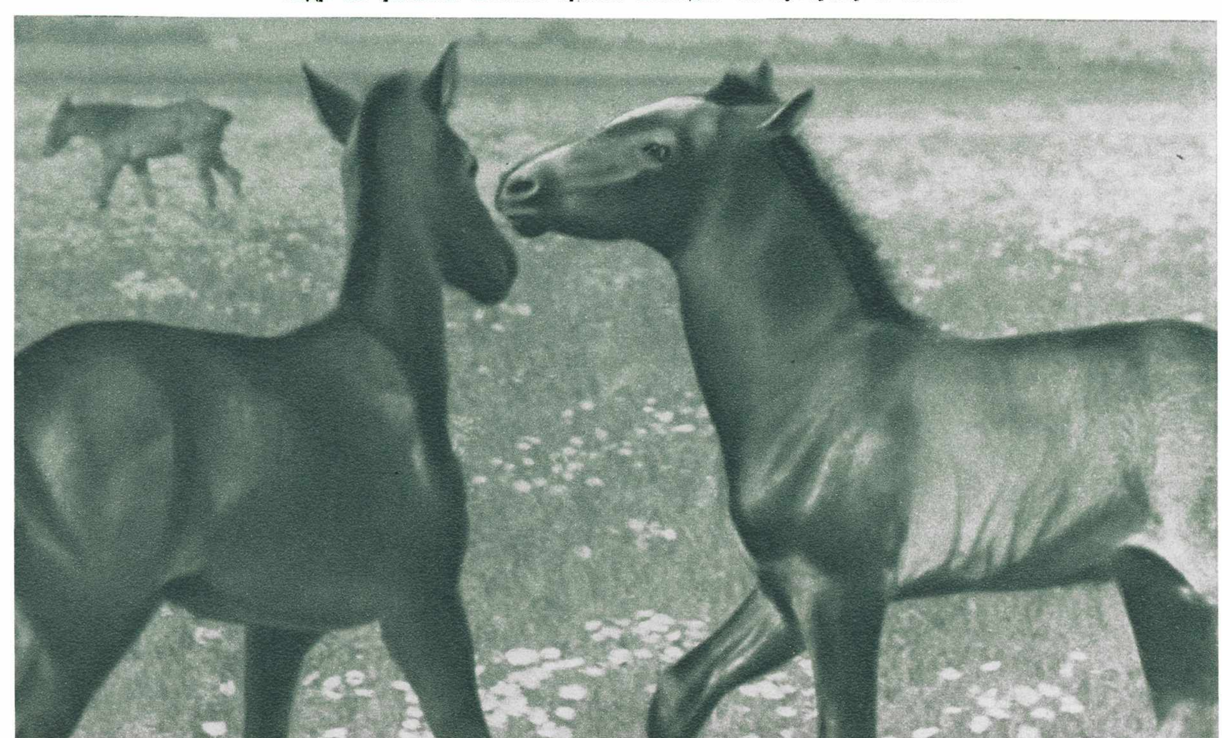
И вот старт дан, и уже через несколько секунд братья оторвались от других противников и повели бег. На повороте Баловень вырвался вперед. «Быстрее!» — передается команда наездника через удила Бравому. Приказ понят, и братья снова идут рядом. Словно не касаясь земли, сверкают в воздухе восемь подков. Чувствуется, что соревнуются равные.

Поворот — борьба за бровку, выход на последнюю прямую. Теперь счет идет уже на десятые доли секунды. Последний рывок — и Баловень на долю секунды опережает брата, установив новый для орловских рысаков рекорд...

Правдивый и увлекательный по сюжету новый кинофильм знакомит зрителя с методами и достижениями отечественного коневодства, составляющего часть обширнейшего трехлетнего плана развития животноводства в нашей стране.

Л. БЕЛОКУРОВ

Кадр из фильма. Весной братья выходят на прогулку в степь.

ВРАТАРИ

Вратарь «Спартака» В. Чернышев отбил трудный мяч.

А. АКИМОВ,
заслуженный мастер спорта

Эй, вратарь, готовься к бою,
Часовым ты поставлен у ворот.

Я невольно вспомнил эту популярную песенку, как только взялся за перо, чтобы рассказать о молодых вратарях.

Действительно, вратарь обязан быть «готовым к бою», бдительным, находчивым, решительным. Об игре вратаря приходится слышать и такие суждения: как, мол, вратарь ни хорош, а если защита сплошала,— гола не миновать. С этим согласиться не могу. Те, кто были свидетелями матча на первенство СССР по футболу между командами ЦДКА — «Зенит», убедились в обратном. Великолепно защищавший ленинградские ворота Леонид Иванов избавил свой коллектив от неизбежного поражения. Он парировал, казалось бы, неотразимые мячи, пробитые Водягиным, Грининым, Соловьевым.

Вратарь в футбольном коллективе занимает особое положение. В его лице команда видит последнюю преграду, способную задержать мяч. Часто бывает так: нападающий сделал ошибку, тогда ее может исправить полузащитник; промах полузащитника, его оплошность может исправить защитник. Но ошибка вратаря непоправима: ему отступать некуда,— с чувством досады и горечи тогда достаешь мяч из сетки и с неохотой выбиваешь его в поле. Зато сколько радости испытываешь, когда берешь трудный мяч!

Мне приходилось участвовать во многих матчах как у нас на стадионах, так и за рубежом. Всякое бывало. Команды, за которые я играл, покидали поле не только победительницами, но и побежденными. В таких случаях в раздевалке меня нередко убеждали, что сыграл я отлично и в пропущенном мяче не виноват. Все же я чувствовал себя основным виновником поражения. Думается, что подобное испытывают вратари и других коллективов.

Заветное желание каждого вратаря — не пропустить в свои ворота ни одного мяча. Задача эта не из легких. Известно, что ширина ворот — 7 метров 32 сантиметра, высота — 2 метра 44 сантиметра. Мячи летят в ворота то с огромной скоростью, то еле катятся, то в верхний, то в нижний угол, то на уровне 1—2 метров. Взять их одинаково трудно. Многое зависит от того, с какого расстояния пробит мяч. Когда же нападающий прорывается на штрафную площадь, вратарю начинает казаться, что ворота становятся все шире и шире. Тут на выручку приходят самообладание, сметка, техника и опыт, т. е. те навыки, которые приобретаются длительной, настойчивой тренировкой и участием в ответственных матчах.

Мастерски играющий вратарь никогда не поддастся соблазну сделать какой-нибудь головокружительный прыжок, необычайно эффектный бросок,— словом, желанию сыграть «красиво». Нет, он будет вести себя так, чтобы никакие случайности не могли влиять на его игру. Тут требуются предельно точный расчет, исключительное внимание и, главное, уменье выбрать наиболее выгодную позицию. Тогда создается обманчивое впечатление, что нападающие бьют на вратаря. А ведь это далеко не так.

Коротко говоря, тактика игры вратаря строится в умелом выборе позиции и своевременных выходах из ворот.

Находчивой, решительной игрой вратарь придает уверенность своим товарищам по команде. И, наоборот, вратарь, допускающий грубые ошибки, нервозность, отрицательно влияет на своих партнеров, отнимает у них надежду на возможность победы.

Так было во время встречи московского «Торпедо» с ленинградским «Зенитом». Сначала молодой вратарь «Торпедо» Берлизов закинул мяч в свои ворота, после чего его поспешно и неоправданно заменили Конышевым. Конышев, молодой, еще «не обстрелянный» игрок, сделал один за другим два грубых промаха. Судьба матча была решена.

В нынешнем сезоне с лучшей стороны показали себя молодые вратари: Владимир Чернышев, Виктор Чанов, Владимир Грачев, Михаил Пираев (Москва), Евгений Пестов (Сталино), Владимир Сухоставский (Куйбышев), Николай Уграицкий (Харьков). О некоторых из них стоит рассказать.

Московскому вратарю «Спартака» Владимиру Чернышеву 23 года. Как и многие другие ребята, в футбол он начал играть у себя во дворе, а первое «боевое крещение» принял, когда ему шел семнадцатый год. К тому времени Чернышев закончил ремесленное училище и работал слесарем на одном из заводов столицы. Товарищи по цеху, выступавшие в составе «Локомотива», предложили Володе «погонять» мяч. В коллективе не хватало молодых спортсменов. Чернышев согласился. Вечером он явился на стадион. Тренер посмотрел на худощавого высокого парня и сказал: «Становись в ворота».

Этого Чернышев не ожидал. Вратарем он даже у себя во дворе не был, но Володя был не из трусливого десятка и занял место в воротах. Игрался календарный матч «Локомотив» — «Спартак». Чернышев защищал ворота юношеской команды железнодорожников. Он тогда, конечно, и не предполагал, что спустя пять лет будет вратарем команды мастеров «Спартака».

Володя Чернышев в этой памятной для него встрече обнаружил хорошие задатки. Правда, он делал много ошибок, выглядел неуклюжим. Но тренер после встречи, закончившейся со счетом 2 : 2, сказал:

Вратарь «Локомотива» В. Грачев берет мяч.
Фото А. Бочинина

Вратарь ЦДКА В. Чанов принимает мяч на грудь.

— Будешь играть и дальше. Только не задирай нос! Придется много работать.

Следующая встреча с футболистами «Трудовых резервов» заставила усомниться Чернышева в своих способностях. Он пропустил семь мячей. Но его подбодрили. Чернышев с жаром начал тренироваться. В 1945 году он уже вратарь сборной юношеской команды Москвы, а затем становится членом добровольного общества «Спартак».

От матча к матчу Чернышев улучшал игру. Вдруг его постигло несчастье — он повредил себе ногу. Пришлось лечь в больницу на операцию.

Летом прошлого года я часто встречал Чернышева на подмосковном стадионе «Спартак» в Тарасовке, где он начал вновь тренироваться. Я приглядывался к нему.

Манера игры, уменье выбрать место, смелые броски Чернышева произвели на меня большое впечатление. Это был одаренный спортсмен. Мы начали совместную тренировку. Я стремился передать ему весь свой опыт, все свои знания.

В конце сезона Чернышев занял место вратаря в команде мастеров «Спартака». К сожалению, он не мог проявить всех своих способностей. Все еще давала себя чувствовать поврежденная нога.

Тогда мне пришлось слышать немало скептических замечаний по адресу Чернышева. Многие поклонники «Спартака» были озабочены и терзались одним вопросом: кому же доверить защиту ворот своей любимой команды в будущем сезоне? Чернышева всерьез не принимали. Но тренеры А. Дангулов и В. Горохов верили в своего молодого вратаря, и не напрасно: вспомните, как самоотверженно оборонял в нынешнем году ворота Владимир Чернышев. Он находит выход из самых трудных положений и в самые критические моменты принимает правильные решения.

У Чернышева нет эффектных, выигрышных приемов, к которым, нечего греха таить, любят прибегать некоторые и не столь молодые вратари. Но он делает все, чтобы держать свои ворота на замке. Его игра и приемы весьма просты, но за этой «простотой» кроется большой труд, подлинное мастерство. И не случайно Чернышев в матчах первого круга пропустил всего 17 мячей.

Ранней весной 1950 года, во время подготовки на юге к предстоящему сезону, дружный коллектив футболистов Центрального дома Красной Армии лишился временно своего вратаря — Владимира Никанорова. Он заболел. Кем же заменить его?

Тренер Б. Аркадьев всегда смело выдвигал молодежь. И молодые спортсмены никогда не подводили. Как же быть сейчас? Кто лучший из трех — Бобков, Чанов или Якушин? Все они молоды, всем им недостает опыта, закалки.

Выбор пал на Виктора Чанова. История его такова.

Поздней осенью 1947 года Чанов был принят в команду ЦДКА. Тогда в Одессе проводились соревнования на первенство Вооруженных Сил по футболу. Тренер Г. Пинаичев обратил внимание на вратаря-солдата, выступавшего в составе команды советских оккупационных войск в Германии. И вот Чанов в Москве, в коллективе ЦДКА.

Любовь к футболу Виктору Чанову привил его отец, потомственный шахтер Гавриил Филиппович Чанов, и ныне работающий на шахте в Ворошиловградской области. Шахтер Чанов в молодые годы играл в футбол и сейчас живо интересуется им.

Осенью прошлого года, узнав об успехах Виктора, Гавриил Филиппович взял отпуск, приехал в Москву. Он побывал на стадионе «Динамо», посмотрел на игру сына, познакомился с Б. Аркадьевым.

В нынешнем сезоне, заменив Никанорова, Чанов заметно улучшил свою игру. Он много работает (по два — три часа ежедневно) над повышением своего мастерства, и в этом помогает ему заслуженный мастер спорта Владимир Никаноров.

Виктор Чанов — вратарь с хорошей реакцией. У него еще проскальзывает иногда желание сыграть «на зрителя», иногда он нерасчетливо выбивает мяч кулаками, но все это легко исправимо.

Г. Качалин, тренирующий ныне команду московского «Локомотива», вырастил и воспитал вратаря Владимира Грачева. С Грачевым он познакомился девять лет назад. В то время Качалин занимался с юными футболистами общества «Трудовые резервы».

Присмотревшись к игре шестнадцатилетнего вратаря, тренер увидел в нем будущего мастера. Учеба Грачеву давалась нелегко, но он не отступал и упорно работал.

Его сильные стороны — отличная техника, превосходная реакция, уменье хорошо прыгать. Его недостатки — неуверенные выходы из ворот и неровность в игре. Один матч Грачев проводит лучше, другой — хуже. Избавившись от этого «недуга», Владимир Грачев, выступающий в московском «Локомотиве», станет вратарем высокого класса.

Что же можно сказать о других молодых вратарях, имена которых я упомянул выше?

Они показывают самоотверженную игру. Отсутствие достаточной техники и опыта они возмещают храбростью, задором, находчивостью — качествами, присущими нашим советским спортсменам.

Отрадно сознавать, что ветеранам пришла хорошая, надежная смена.

Велогонка на 150 километров

Недавно в Москве состоялись гонки на велосипедах. После того, как 48 сильнейших велосипедистов столицы взяли старт, по радио объявили:

— Гонщикам нужно пройти 37 кругов.

Кольцевая трасса была проложена вокруг стадиона «Динамо». Длина всей дистанции — 150 километров.

В этой марафонской гонке нужно было сочетать большую выносливость с высокой техникой и тактикой.

...У многих гонщиков к рулю машин прикреплены фляги с тонкими резиновыми трубками. Время от времени спортсмены подкрепляются кто чем: какао, бульоном, шоколадом, глюкозой. Примерно в середине дистанции перед велогонщиками возникает неожиданное препятствие — проливной дождь. Вода заливает асфальт. Но спортсмены, проявляя огромную выдержку и находчивость, продолжают соревнование.

Лишь перед финишем снова выглянуло солнце.

Наконец последний круг. Сейчас наступит развязка этого интереснейшего соревнования на выдержку, силу, быстроту.

За триста метров до финиша резкий бросок делает Владимир Климов (ВВС), за ним устремляются Сергей Вершинин (ЦДКА), Алексей Кондрашков (ВВС). Завязалась напряженная борьба. Гонщики развили предельную скорость.

Первым пересекает линию финиша Климов. На полколеса от него отстал Вершинин. Результат у них одинаковый: 4 часа 36 минут 32,4 секунды. Третье место занял солдат Валентин Землухов (ЦДКА).

Е. ЕВГЕНЬЕВ

Две демократии

Петер ВИПП

— Будь осторожен! — говорю я своему племяннику Иохиму. — Мы на Потсдамской площади. Держись левее. Не ступи невзначай на землю английского сектора, а то они тебя сцапают вместе с бюллетенями. Осторожность необходима. Знаешь, как они берут в работу! Они в средствах не слишком разборчивы... Что угодно вывернут наизнанку, лишь бы провалить народное голосование.

Только я это сказал, как вижу: на углу стоит Гайни, тот Гайни, с которым мы вместе лежали в дыре за колючей проволокой в прославленные майские дни 1945 года (вспоминаете?). Лицо его в то время походило на старую банку от консервов, а когда он шел за едой, то лишь по звону посуды догадывались, что идет человек. Зато сейчас — прямо картинка! Костюм, ботиночки... что надо! И даже мясо на костях наросло.

— Здорово, Гайни! — кричу я.

— Здорово, Эдуард! — отвечает он.

Мы оглядываем друг друга с головы до ног. Гайни косится на мои штаны с бахромкой, на мои, с позволения сказать, ботинки и говорит:

— Не обижайся, старина, но у меня очень мало времени!

— Понимаю, сочувствую. Небось ждешь возлюбленную?

Я с любопытством смотрю на его прилизанные волосы и лоснящуюся физиономию.

Гайни краснеет под моим взглядом, хочет мне что-то ответить, но вдруг делает знак рукой и исчезает. Я его не вижу за дощечкой на трех языках, прикрепленной к столбу, который обозначает границу между секторами.

— Что случилось? — удивленно спрашиваю я.

Но через несколько минут Гайни вновь появляется у столба, закуривает сигарету (не в 30 пфеннигов, разумеется, а подороже) и, поблескивая золотыми коронками зубов, говорит:

— Я не могу перейти к тебе, у меня карманы набиты слитками золота. А ваши шуппо[1], те уже знают меня.

— Ага-а-а! Вот кем ты стал! Вот чем ты промышляешь!

— Что значит «промышляешь»? — обиженно тянет Гайни.— Надо же как-то существовать. Переходи на мою сторону, поболтаем по старой памяти.

— Нет, Гайни, мы тоже не можем к тебе... У Иохима, моего племянника, карманы набиты бюллетенями за единую демократическую Германию, а на вашей стороне это опасная штука. Переходи ты к нам, как раз в бюллетене осталась свободная полоска, и ты мог бы поставить свою подпись...

— Я? — спрашивает возмущенно Гайни. — Не могу же я рисковать своей материальной базой. Для коммерции моего сорта нужна демократия, понимаешь, Эдуард, такая демократия, когда деловой человек может беспрепятственно делать свои дела.

— Эх, Гайни, тогда, в окопах, ты разговаривал по-иному. «Нам нужна такая демократия,— говорил ты, — когда будет что-то сделано для простого человека, когда человеческие права...» — Тут я умолкаю, потому что Гайни зевает во весь оскал своих золотых зубов.

Так мы стоим друг перед другом. Я в своей демократии, а он в своей. Я с бюллетенями за единую Германию, а он со слитками золота в карманах.

За моей спиной висит приказ об улучшении условий труда берлинских рабочих, а за спиной Гайни ходят, как маятники, два американских солдата в белых шлемах.

А мы стоим и смотрим друг на друга и даже не можем протянуть руки друг другу, потому что между нами нечто гораздо большее, чем граница двух секторов.

На обратном пути Иохим дергает меня за рукав:

— Дядя Эдуард, а кто этот дяденька?

— Ты видел только что две демократии, — отвечаю я.

— Что-то не понравился мне этот дяденька...— говорит Иохим.

— Мне тоже. От этой встречи меня тошнит.

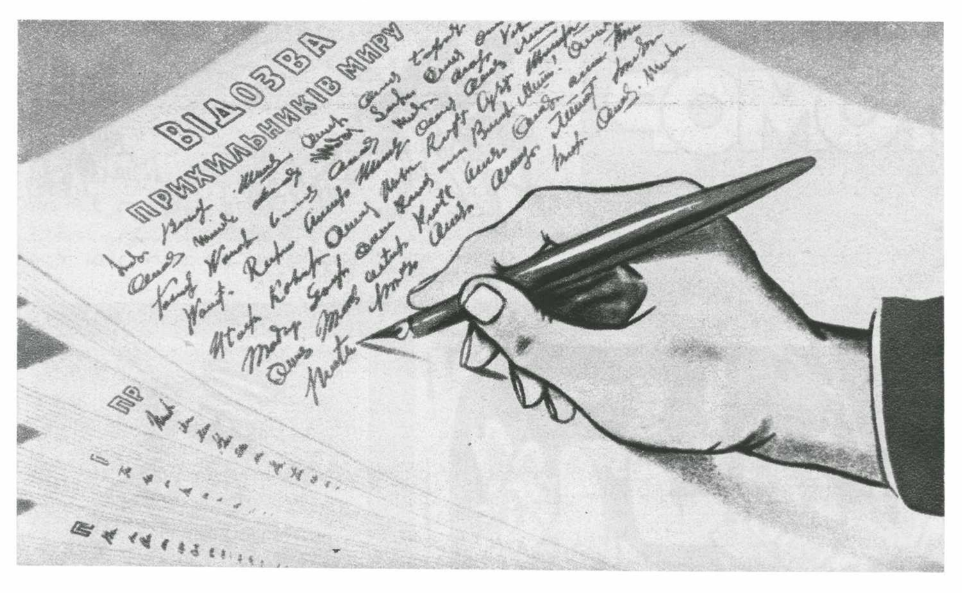
Перевод с немецкого

[1] Полицейские.

Под Воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира ставят свои подписи десятки миллионов людей во всем мире.

(Из газет)

ЗА МИР ПО СТРОЧКЕ —

ПОДЖИГАТЕЛЯМ — «СОРОЧКА»!

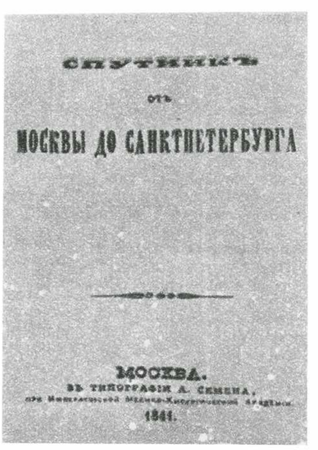
Рис. О. Козюренка («Перець»)

Книжные редкости

Двойной «спутник»

В 40-х годах прошлого века, когда между Москвой и Петербургом еще не было железной дороги, путешествие из одной столицы в другую совершали на лошадях, в почтовой карете или дилижансе. Ехали несколько суток и, коротая время, развлекались кто как мог.

На этот случай у едущих из Москвы лежал в кармане небольшой, страниц в сто, аккуратно изданный путеводитель, на титульном листе которого значилось: «Спутник от Москвы до Санктпетербурга». Он был выпущен в Москве в 1841 году и, кроме обозначения путевых станций, расстояний между ними и мест перемены лошадей, содержал также беглое описание дороги и окрестных достопримечательностей. Из путеводителя можно было, например, узнать о том, что Тверь славится пряниками, а в Торжке ходят в кокошниках. Вместе с тем справочник заключал в себе немало сентенций. «Так трудно узнать великого в колыбели!» — восклицает, например, безыменный автор путеводителя при виде истоков Волги. «Для Русских нет ничего невозможного!» — говорит он в другом месте.

СПУТНИКЪ

ОТЪ

МОСКВЫ ДО САНКТПЕТЕРБУРГА

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЕМЕНА,

при Императорской Медико-Хирургической Академіи

1841.

В пути едущие из Москвы встречались с едущими из Петербурга. Пока перекладывали лошадей, интересующиеся дальнейшей дорогой просматривали «Спутник», но вот странно: как у москвичей, так и у петербуржцев в руках была одна и та же книжка. Хотя их направления были противоположны, те и другие без труда находили нужные данные. Может быть, для этого петербуржцам приходилось читать «Спутник» с конца? Нет, как и москвичи, они читали его с начала.

Секрет заключался в том, что «Спутник» был двойной: просмотрите его до конца, закройте книгу, переверните и снова откройте: перед вами будет уже «Спутник от Санктпетербурга до Москвы».

Достигалось это просто: путеводитель каждого направления был напечатан только на правых страницах книги, на левых — шел перевернутый текст противоположного направления.

Как объясняет автор, сделано это было затем, «...чтобы «Спутник» не отставал от вас... вы едете из Москвы в Петербург — он с вами: вы возвращаетесь — оберните и его — он опять с вами. Мне кажется, что это удобно и, следственно, полезно».

Текст «Петербург— Москва» не был механическим воспроизведением текста «Москва — Петербург», лишь напечатанного в обратном порядке: он рассказывал об одном и том же, но был написан заново. По существу, это два путеводителя в одной книге.

Таков единственный в своем роде двойной «Спутник», который сейчас является библиографической и полиграфической редкостью, его можно разыскать на полках лишь немногих библиотек.

Борис АЛЕКСЕЕВ

Иностранный ЮМОР

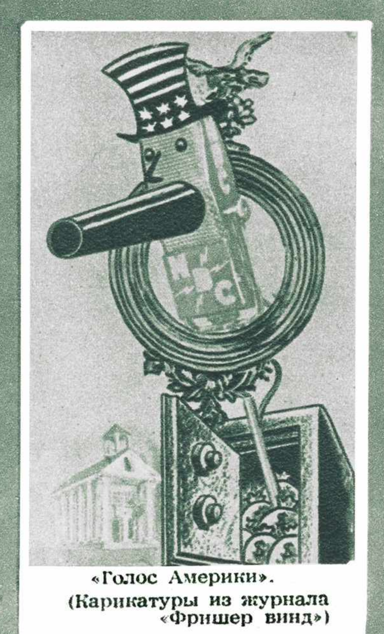

— О, йес, мистер Аденауэр, вы даете нам Рур, а мы за это берем себе Саар!

— Чего вы боитесь, граждане? Мы ведь защищаем вас!..

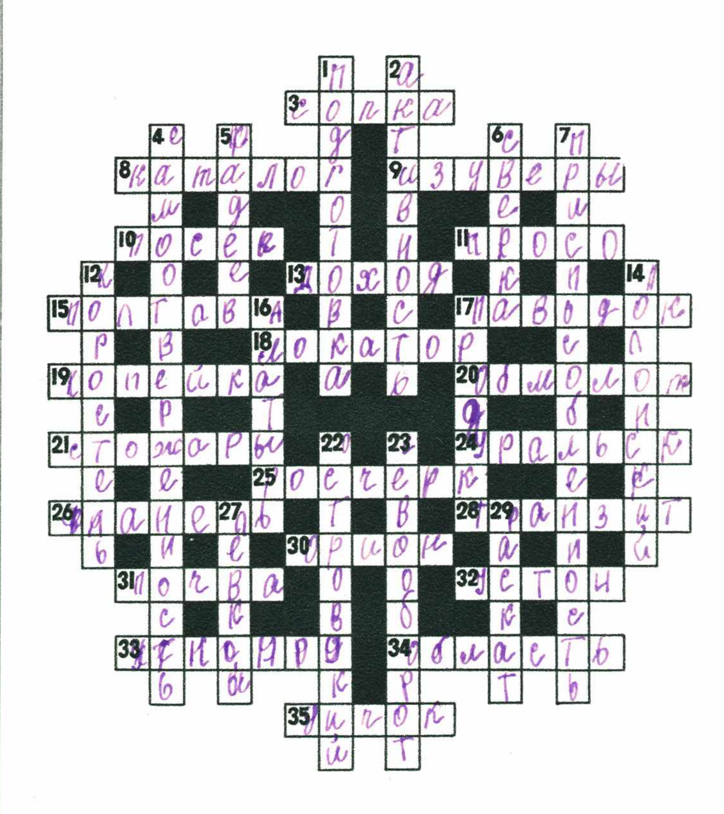
(«Дейли компас»)

«Голос Америки».

(Карикатуры из журнала «Фришер винд»)

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Небольшая гора. 8. Перечень однородных предметов. 9. Жестокие, фанатичные люди. 10. Посеянные семена. 11. Хлебный злак. 13. Денежные и материальные приобретения, получаемые от определенной деятельности. 15. Город на Украине. 17. Скопление воды от ливней или таянья снега. 18. Род радиоприбора. 19. Мелкая монета. 20. Получение зерна от колосьев. 21. Повесть Мусатова. 24. Город в РСФСР. 25. Украшающий придаток к букве. 26. Название ткани. 28. Перевозка грузов без перегрузок. 30. Название созвездия. 31. Слой земной коры. 32. Основы. 33. Австралийское млекопитающее. 34. Административно-территориальная единица. 35. Непривитое плодовое растение.

По вертикали:

1. Предварительное мероприятие. 2. Энергичная деятельность. 4. Отказ от личных интересов для общего блага. 5. Советский писатель. 6. Сличение копии с оригиналом. 7. Соответствие определенным условиям. 12. Луговая птица. 14. Русский поэт. 16. Река и город в РСФСР. 17. Результат человеческого труда. 22. Советский писатель. 23. Система полеводства. 27. Цветок. 29. Прерывистый гул.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 29

По горизонтали:

5. Менделеев. 6. Шлем. 7. Зима. 10. Электромонтер. 16. Мокроусов. 18. Котангенс. 19. Рецидив. 20. Нанайцы. 21. Иваново. 22. Шорин. 23. Тариф. 24. Выстрел. 27. Изобата. 29. Паровик. 31. Шампиньон. 32. Собакевич. 33. Физкультурник. 36. Свод. 37. Река. 38. Биография.

По вертикали:

1. Водомер. 2. Бальзам. 3. Рефлектор. 4. Лермонтов. 8. «Злоумышленник». 9. Денацификация. 11. Облик. 12. Горностай. 13. Край. 14. Игра. 15. Аннотация. 17. Великан. 18. Кипарис. 25. Репа. 26. Кость. 28. Одер. 29. Полковник. 30. Корректив. 34. Лодыгин. 35. Терраса.

ОТВЕТЫ НА «НЕХИТРЫЕ ЗАДАЧИ» В № 29

ГРОМКОЕ ЧТЕНИЕ

Звук в воздухе передается со средней скоростью 332 метра в секунду; расстояние от Москвы до Ленинграда около 650 километров, следовательно, первое слово будет услышано в Ленинграде приблизительно через... полчаса, а последнее (считая, что чтение передовицы обычно занимает примерно 15 минут) — через 45 минут.

СНЕГ ПРИ 4 ТЫСЯЧАХ ГРАДУСОВ

При остывании Земли углеродистый газ превращался в жидкость или твердые частицы и в виде дождя или снега падал к центру формирующейся Земли. Углеродистый газ — очень тугоплавкое вещество, и его превращение в жидкость или твердое вещество происходило, когда на Земле еще была температура 3—4 тысячи градусов.

Известно, что в современных лампах накаливания углеродные нити не плавятся даже при температуре в 3 тысячи градусов.

ЛЮСЬКА

Многие граждане, проживающие в районе Гоголевского и Суворовского бульваров Москвы, часто видят средних лет человека, прогуливающегося с необычной «собакой». Она послушно идет на поводке у ноги хозяина.

На первый взгляд все, как у собаки. Только пушистый хвост, по-охотничьи — «труба», выдает «кумушку». Зверька обступают не только дети, но и взрослые.

Свою питомицу Михаил Петрович Малишевский назвал Люськой. Вот он берет ее на руки. Лисичка лукаво поглядывает на зрителей. Ей теперь четырнадцать месяцев. В домашних условиях Люська живет уже год и ведет себя так же, как и собака Кери, с которой вместе воспитывается и почти никогда не ссорится.

С Кери у Люськи большая дружба. Хотя она вдвое меньше собаки, но во время игры часто одолевает ее.

Люська очень привязана к своим хозяевам, к дому. У нее нет даже никакого поползновения выскочить без разрешения за дверь. Ест то же самое, что и Кери. Но у лисички есть и особо любимые блюда. К молоку, например, она совершенно равнодушна, но обожает сладкий чай с печеньем. Ловко расправляется она с вареными и сырыми яйцами. Мясо же, как ни странно, лисичку мало прельщает.

Люська, как и Кери, послушно выполняет команду: подает некоторые домашние вещи, берет барьер, ложится, встает, садится.

Она совсем не боится людей, но не любит, когда к ней тянется чужая рука, чтобы погладить ее пушистую рыжую шубу. В таких случаях она сейчас же показывает белые и очень острые зубы.

Люська весьма предана своему владельцу и его дочери Зените, любит совершать с ней прогулки. При этом лиса не прочь полежать на плече у Зениты, обвив шею пушистым хвостом. В такой позе она не отличается от обычной лисьей горжетки. Только вместо стекляшек блестят настоящие и очень лукавые глаза. Живая горжетка!

С. МИНАЕВ

Подумай!

ДВА ВИДА ГОРЕНИЯ

При горении какого-либо вещества его молекулы соединяются с молекулами кислорода и образуют более сложные молекулы с выделением тепла.

Подумайте: при каких условиях горения возможно обратное явление, то есть разложение вещества на простые составляющие? Где в природе происходит такой процесс?

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова

А — 04368. Подписано к печати 18/VII 1950 г. Изд. № 490. $5^1/_2$ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 1652. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

МИНИСТЕРСТВО ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

Главпарфюмер

ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО

Цветочное

ПРЕКРАСНО ПЕНИТСЯ, ОБЛАДАЕТ ПРИЯТНЫМ ЗАПАХОМ

Цена 3 руб.

